

**«Rossotrudnichestvo» Representation
in the Republic of Moldova
Russian Centre of Science and Culture**

**T.G. Shevchenko Pridnestrovian
State University
Centre of Social and Political
Research «Perspectiva»
Scientific and Research
Laboratory «Nasledie»
Pridnestrovian Branch of the Russian
Academy of Natural Sciences**

GREAT NORTHERN WAR AND PRIDNESTROVIE: HISTORY AND THE PRESENT

Tiraspol,
2010

**Представительство Россотрудничества
в Республике Молдова
Российский центр науки и культуры**

**Приднестровский государственный
университет им. Т.Г. Шевченко
Центр социальных и политических
исследований «Перспектива»
Научно-исследовательская
лаборатория «Наследие»
Приднестровское отделение
Российской академии естественных наук**

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Тирасполь,
2010

УДК 940(478.9)

ББК ТЗ(4Мол5)я43+ТЗ(4)512–681я43

С 28

Редакционная коллегия:

С.И. Берил, И.Н. Галинский, И.М. Благодатских

Северная война и Приднестровье: история и современность. – Тирасполь, 2010. – 216 с.

Издание представляет собой сборник статей, посвященных современным научным и политическим подходам к интерпретации важнейших событий совместной истории постсоветских государств. В основе издания – материалы международной научной конференции «Северная война и Приднестровье: история и современность», состоявшейся в Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко 18–19 сентября 2009 г. В центре внимания авторов – историков, политологов, преподавателей, представителей музейного дела и архивной отрасли России, Молдовы, Украины и Приднестровья – такие проблемы, как Северная война 1700–1721 гг. и ее влияние на европейскую систему международных отношений раннего нового времени; Полтавская битва 1709 г. и современные интерпретации ее значения и последствий; преподавание важнейших событий общей истории и др.

Издание рассчитано на историков, политологов, дипломатов, экспертов, журналистов, а также широкий круг читателей, интересующихся дискуссионными проблемами отечественной исторической науки.

The edition is a collection of articles dedicated to modern scientific and political approaches to the interpretation of the major events of the post-Soviet states common history. It is based on the publication materials of the international scientific conference «Great Northern War and Pridnestrovie: History and the Present» held in T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University on September 18–19, 2009. The authors – historians, political scientists, teachers, representatives of the museum and archive sector in Russia, Ukraine, Moldova and Pridnestrovie – focus on such problems as the Great Northern War of 1700–1721 and its influence on the European system of international relations of the early modern period of time; the Battle of Poltava in 1709 and modern interpretations of its significance and impact; teaching the most important events of general history, etc.

The edition is intended for historians, political scientists, diplomats, experts, journalists, as well as for a wide range of readers interested in the discussion of the problems of the national historical science.

УДК 940(478.9)

ББК ТЗ(4Мол5)я43+ТЗ(4)512–681я43

© Центр социальных и политических исследований «Перспектива»,
НИЛ «Наследие», 2010

© ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня для всех очевидным является тот факт, что история стала не только важной компонентой современных межгосударственных отношений, но и действенным фактором социально-политического развития постсоветских государств. Обсуждение ключевых событий общего исторического прошлого с позиций актуальных политических интересов, демонстративное, временами даже театрализованное акцентирование исторических обид и претензий, выдвижение требований компенсаций за нанесенный в далеком прошлом ущерб, – все это не просто сфера высокой и закрытой межгосударственной политики, а текущие, практически ежедневные темы интернет-ресурсов, новостных каналов, печатных СМИ. Такая степень актуализации исторической проблематики, на наш взгляд, не создает благоприятной среды для глубоких научных исследований, а является своеобразным вызовом профессиональному сообществу в его способности преодолеть «болезнь левизны» в столь пристрастном и идеологически обусловленном отношении к своему прошлому. Наиболее действенный и эффективный ответ на этот вызов – постоянный и открытый профессиональный диалог.

«Северная война и Приднестровье: история и современность» – под таким названием 18–19 сентября 2009 г. в Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко состоялась международная научная конференция, собравшая в Тирасполе известных историков, политологов, преподавателей, представителей музейного дела и архивной отрасли России, Молдовы, Украины и Приднестровья для обсуждения, как выяснилось, чрезвычайно актуальных и животрепещущих событий 300-летней давности. В центре внимания участников конференции оказались такие проблемы, как Северная война 1700–1721 гг. и ее влияние на европейскую систему международных отношений раннего нового времени; Полтавская битва 1709 г. и современные интерпретации ее значения и последствий; преподавание исторических событий Северной войны и Полтавской битвы в школах и вузах Приднестровья, России, Украины, Молдовы; юбилей Полтавской баталии в этих странах.

Несмотря на то, что выступления участников конференции по ряду вопросов представляли полярные мнения, состоявшийся диалог позволил не только рассмотреть современные научные и политические подходы к интерпретации важнейших событий совместной истории начала XVIII в., но и осуществить своеобразное «открытие темы», ее новых сюжетов для приднестровской истории.

Материалы международной научной конференции «Северная война и Приднестровье: история и современность» легли в основу настоящего издания, зафиксировав проблематику, профессиональный уровень и даже тональность обсуждения, что само по себе уже имеет определенное значение. Важно подчеркнуть, что среди авторов издания – известные ученые-историки, подготовившие не одну публикацию по военной истории и истории международных отношений начала XVIII в.; специалисты в смежных областях гуманитарного знания, интересующиеся современными интерпретациями исторических событий; начинающие исследователи, лишь делающие первые шаги на пути своего профессионального становления. Их позиции не лишены субъективных идеологических пристрастий, безусловно отмечены индивидуальным опытом и уровнем профессиональной подготовки, собственным «углом зрения» на ту или иную проблему, но объединены эти позиции общим стремлением к истине и глубоким уважением к истории Отечества. Именно поэтому редакционная коллегия посчитала возможным включить все эти материалы в издание.

Данный сборник является уже вторым опытом сотрудничества ПГУ им. Т.Г. Шевченко с представительством Россотрудничества в РМ, Российским центром науки и культуры. Первый опыт – научное издание «Политическая фальсификация истории как барьер на пути демократического реформирования международных отношений на постсоветском пространстве» – увидел свет в 2009 г., вызвал широкий резонанс и получил весьма положительную оценку специалистов.

Редакционная коллегия выражает благодарность Российскому историческому журналу «Родина», его главному редактору Ю.А. Борисенку за большую организационную поддержку данного издания, а также всем авторам, своевременно предоставившим свои материалы для публикации.

Редакционная коллегия

**ПРИВЕТСТВИЕ
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
(18–19 сентября 2009 г., г. Тирасполь)**

**Уважаемые участники конференции и приглашенные!
Уважаемые коллеги и дорогие друзья!**

История – это феномен, который объясняет не только прошлое, но во многом и настоящее. Рубежные события 300-летней давности, события Северной войны 1700–1721 гг. и Полтавской битвы самым непосредственным образом касаются того, что происходит сегодня в Европе, России, Украине, Приднестровье, Молдове. Именно поэтому так важна объективная и непредвзятая оценка тех двадцати судьбоносных лет, центральным событием которых стала Полтавская победа новой России.

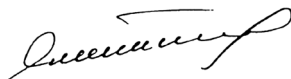
На фоне все усиливающихся исторического реваншизма и пропагандистской битвы за Полтавскую победу, беззащитных попыток переписать историю и создать новых исторических «героев» как никогда важна беспристрастность и научная честность академической исторической науки.

История, как известно, не терпит ни сослагательного, ни повелительного наклонения. Уверен в том, что все вы, участники конференции, не можете равнодушно наблюдать, как определенные политические силы пытаются разорвать общее духовное и культурно-историческое пространство наших народов, посеять между ними семена вражды и разобщения, сформировать ложную историческую память.

Выражу уверенность в том, что вам, известным ученым-историкам из России, Украины, Приднестровья и Молдовы, удастся уйти от политической и национальной конъюнктуры и, опираясь на реальные события и факты, сформулировать максимы истинного исторического знания о Северной войне и Полтавской битве.

Успеха вам в работе конференции и новых научных достижений!

*Президент Приднестровской
Молдавской Республики*

И.Н. Смирнов

К 300-ЛЕТИЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ: НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

СОВМЕСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВА ОБЩЕГО БУДУЩЕГО

В.И. КУЗЬМИН

Северная война 1700–1721 гг. действительно является знаменательной страницей нашей общей истории, а Полтавская битва 1709 г. и целый ряд событий, связанных с историческими процессами этого периода, затрагивают непосредственно регион Приднестровья, Северного Причерноморья, нижнего течения реки Дунай и Балкан в целом.

История указанного региона на протяжении многих веков характеризовалась тесной взаимосвязью жизнедеятельности народов, иногда в рамках единого государства, но всегда при активном участии и содействии со стороны Российской державы как одного из системообразующих государств Восточной Европы, а с определенного периода и всего европейского континента. Более того, хотелось бы напомнить очевидную истину: созданием предпосылок, а иногда и просто созданием своей государственности или ее укреплением, а также во многих случаях постоянным доброджелательным содействием сохранению и развитию национальной культуры, языка большинство народов этого региона в значительной степени обязаны России.

Значимым показателем межкультурных исторических связей является, например, тот факт, что общественность России и Швейцарии плани-

ровала провести мемориальное путешествие по маршруту похода А.В. Суворова через Альпы, которому в 2009 г. исполнилось 210 лет. Этот период вполне сравним с той исторической дистанцией, которая отделяет нас от Северной войны, Полтавской битвы и других событий той эпохи. Важно отметить, что данное мероприятие планирует общественность двух суверенных независимых государств, история которых, казалось бы, своеобразна и не связана между собой. Известно, что в Швейцарии память о тех событиях не померкла. Жива признательность русским воинам-богатырям, которые внесли свой вклад в независимость Швейцарского государства. Эта память сохраняется общественностью, не подвергается сомнению в ученых трудах и является одной из констант нашей совместной истории. Аналогичные процессы прослеживаются не только в российско-швейцарских отношениях, но, например, во франко-германских, которые на протяжении нескольких веков были наполнены войнами, конфликтами и т. п. В ближнем зарубежье, как сейчас принято выражаться, хотя это понятие, несомненно, может быть подвергнуто критике, но в географическом, духовном и других отношениях это зарубежье, которое ближе всего к России, тенденция имеет противоположный вектор.

Сегодня мы наблюдаем совершенно парадоксальную картину. В сентябре 2009 г. состоялось заседание Ассоциации историков Республики Молдова, посвященное 70-летию начала Второй мировой войны. В программе было заявлено шесть докладов, тем или иным образом обращенных к пакту Риббентропа-Молотова. Уже после первых двух докладов стало ясно, что речь будет идти только о пакте, сговоре, аннексии, оккупации. В своем выступлении на этом форуме вынужден был отметить следующее. В научных кругах историки, архивисты, политологи могут спорить о каких-то обстоятельствах определенного времени, но сам посыл, который заложен в макроподтексте данного форума, либо ложен, либо имел, как минимум, характер научного заблуждения. Ложным тезисом является утверждение о том, что пакт Риббентропа-Молотова, его подписание, его частичная реализация стали причиной Второй мировой войны, а негативные последствия этого якобы до сих пор ощущает Молдавия. Это абсурдное мнение, так как даже формально и юридически пакт довольно скоро прекратил свое существование, по крайней мере, точно – с 22 июня 1941 г.

Если мы будем отталкиваться от подобных ложных тезисов, то это ни к чему хорошему не приведет, а лишь исказит историческую правду. Ведь Вторая мировая война началась, строго говоря, не 1 сентября 1939 г. Это символическая дата, а началась она гораздо раньше на Дальнем Востоке

и закончилась там же капитуляцией Японии в начале сентября 1945 г. Поэтому, если мы хотим говорить об этой войне вообще, то надо вспомнить и другое, и уж по крайней мере, в более широком контексте. Но если замысел – потоптаться на «поляне» фальсификации истории с тем, чтобы разладить современные межгосударственные отношения, внести раздор в умы наших народов, молодого поколения, то тогда следовало бы честно признаться, что преследуется именно такая цель. Среди членов Ассоциации после моего выступления раздался ропот, довольно сильный. В ответ мною были выдвинуты следующие доводы: «Мы можем спорить, но я общался со многими ветеранами здесь, в Молдавии, с пожилыми людьми и их детьми, которые уже сами в солидном возрасте. Они мне рассказывают не про аннексию 1940 г., а об унижениях, геноциде, холокосте в период румынской оккупации». На это в достаточно возбужденной аудитории не послышалось ответа. Хотя под конец моего выступления нашлись горячие головы, которые, поняв, что аргументов нет, стали выкрикивать лозунги типа: «Россия вечно будет виновата перед румынским народом». Стало ясно, что продолжать дискуссию бесполезно, ибо в действительности Румынское государство без содействия России вообще бы не появилось на свет или возникло бы на много лет позднее. Это уже если опираться на исторические факты.

Сейчас распространены всякого рода антироссийские рассуждения, которые широко применялись на Западе, а теперь восприняты некоторыми политическими элитами в исторически близких России государствах. В Греции, скажем, мне приходилось слышать, «что у нас не принято вспоминать о том, какую позитивную роль Россия сыграла в достижении независимости, особенно о первом главе современного греческого государства Каподистрии, который был и российским дипломатом, статс-секретарем Министерства иностранных дел России, потому что он, мол, действовал в имперских интересах России». И неважно, что его убил террорист, подосланный в «имперских интересах» Британии.

Такая ложная «застенчивость» в одних случаях и агрессивные нападки – в других создают два полюса, между которыми возникает довольно сильная искра. В этой связи нельзя не упомянуть о тех попытках фальсификации истории, которые связаны с Северной войной 1700–1721 гг. и вообще с совместной историей всех народов, проживающих в этом регионе: русского, украинского, молдавского, белорусского и др.

Современные антиисторические изыскания, особенно по истории Великой Отечественной войны, вызывают оторопь. Думается, наши отцы и деды, особенно те, кто погиб на войне, наверное, просто были бы крайне

возмущены. Могут судить об этом по разговорам с моим, ныне уже покойным, отцом-фронтовиком и нынешними ветеранами.

Когда общаешься с носителями «нового прочтения истории», хотя они не очень увлекаются историей как наукой, приходится слышать совершенно бессмысленные тезисы. Например, Иван Мазепа якобы был первым проводником идеи европейской интеграции на украинской земле, в украинском государстве. Это примерно то же, что сказать: утопление младенцев бандеровцами в колодцах ради провозглашения украинской национальной идеи было подвигом во имя национального освобождения. К сожалению, подобного рода утверждения не ограничиваются сферой уличных манифестаций или взглядов крайних националистов. Подобные «новаторы» от истории, к несчастью, есть и в России, а спектр их взглядов и политических течений довольно широк. При этом, крайняя часть этого спектра не может быть терпима, хотя не всегда есть должный отпор ей, реакция со стороны общества на такие высказывания и мнения. Более того, их идеи выносятся на повестку дня практической политики.

Скажем, в Прибалтике это все сформулировано в виде исторических претензий к современной Российской Федерации, требований компенсаций за «советскую оккупацию», выплаты ущерба. В таких случаях можно только отметить абсурдность постановки вопроса, которая напоминает попытки зачитать Чингисхану, Тамерлану или Наполеону «Всеобщую декларацию прав человека». Это первая научная реакция. А если говорить о политической реакции, то, несомненно, мы должны признать подобного рода насилие над историческими фактами, тенденциозное освещение в интересах тех или иных современных политических сил нашего совместного прошлого откровенным стремлением омрачить добрые и естественные братские отношения, которые всегда были между нашими народами.

В Республике Молдова 2009 г. был объявлен годом 650-летия молдавской государственности. Безусловно, решает научная общественность, Молдавское государство, какой год избрать. Вот, например, в России отмечали 1000-летие Ярославля, 1150-летие Великого Новгорода и 1000-летие Казани. Хотя, например, 1000-летие Казани берет отсчет от условной датировки одного из поселений, находящегося на довольно широко понимаемой «территории города». В действительности, это не дата основания Казани, в отличие от Великого Новгорода, который может продемонстрировать очень много доказательств того, что город уже существовал 1150 лет назад. Тем не менее, это дата, которая избирается учеными для того, чтобы проанализировать и осмыслить национальную историю, задать ей временные рамки.

В связи с обращением к теме 650-летия молдавской государственности я с большим интересом узнал, что около двадцати раз в разных форматах, но на высоком уровне высшие представители Молдавского государства, Молдавского княжества на протяжении примерно полутора веков (XVII–XVIII вв.) и позже обращались официально, как сейчас бы сказали, к российскому правительству, а тогда – к Московскому царю с различного рода просьбами о заключении союза, об оказании поддержки, защите от османского гнета и т. д. Эти факты, к сожалению, остаются далеко за пределами обыденного сознания.

Вместе с тем, в общественное сознание внедряется такое утверждение, как, например, что Черноморский флот всегда был украинским. Конечно, он всегда был российским, был создан Россией, базировался в Крыму, который стал частью независимой Украины. Зачем нужны подобные «вольности» с историей? На наш взгляд, это необходимо определенным силам, чтобы лишить молодое поколение адекватной исторической памяти, а значит, манипулировать его сознанием в своих целях.

Исторические события – это часть нашей общей истории, к которой мы должны относиться с уважением, бережно, прежде всего, в память о наших предках. Будь это предки, сражавшиеся под Полтавой с иностранным агрессором, которым тогда был шведский король. Будь это Великая Отечественная война, когда наши родители, деды, которых мы знали и не знали, громили нацистских, фашистских оккупантов, агрессоров, пытавшихся поработить весь мир. Уверен, что эти искусственные наслоения, особенно в сознании молодежи, исчезнут и наступит более полное и глубокое понимание того, что совместная история нас объединяет. На ее базе вполне можно строить наше настоящее и будущее. В этом, хочется верить, и есть разница между мировоззрением людей эпохи Чингисхана и начала XXI в., когда мы в своих суверенных государствах преследуем схожие и общие цели строительства процветающего демократического общества.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «РОДИНА» (1989–2009)

Ю.А. БОРИСЕНОК

Российский исторический журнал «Родина», отметивший в 2009 г. 20-летие с момента возобновления издания, с первых лет своей работы на ниве отечественной истории стал уделять особое внимание событиям XVIII в. и эпохе Петра Великого в частности. Избранная изданием концепция основывалась на сочетании строго научного подхода к явлениям прошлого, предполагающего опору на исторические источники, в том числе впервые извлеченные из архивных хранилищ, с популярной формой и доступным стилем изложения. Эта стратегия в полной мере оправдала себя и обеспечила «Родине» уже в 1990-е гг. статус одного из ведущих изданий исторической тематики в Российской Федерации, а также хорошо известного в научных кругах и университетских центрах Европы и Северной Америки. Успех «Родине» принесло органичное сочетание авторских кадров, предполагающее привлечение как признанных специалистов по той или иной проблеме, так и молодых исследователей, в первую очередь докторантов и аспирантов, пребывающих, как было принято говорить, «на переднем краю науки».

При обращении к важнейшей для истории Восточной Европы проблематике Северной войны и петровской эпохи тактические ориентиры издания предполагают два типа публикаций: первый – статейные материалы и публикации источников в текущих номерах; второй – концентрированное, адресное рассмотрение проблемы в рамках специальных тематических проектов.

В рамках первого подхода на протяжении 1990–2000-х гг. читатели «Родины» смогли ознакомиться с новыми исследованиями ведущих российских историков различных поколений, исследующих данное направ-

ление (Н.И. Павленко, особенно запомнился публиковавшийся в 1990-х гг. на протяжении нескольких лет журнальный вариант его книги «Страсти у трона», Е.В. Анисимов, В.А. Артамонов, Ю.Н. Беспятых, Н.Н. Петрухинцев, П.А. Кротов, О.Е. Кошелева и др.); регулярно публиковались и публикуются материалы молодых ученых, вносящих новые штрихи в, казалось бы, основательно изученные сюжеты.

Второй подход ознаменовался выходом в свет нескольких тематических номеров, в которых события Северной войны и правление Петра I предстают в комфортной для широкого круга любителей истории обработке, предполагающей своеобразный «срез» современного состояния российской и зарубежной исторической науки с опорой на их лучшие образцы. Всплеск интереса к эпохе в истории журнала наблюдался дважды – в 1997–1999 гг. и 2007–2009 гг., что нашло отражение в пяти тематических проектах. Три специальных номера конца 1990-х гг. были последовательно посвящены отношениям России со Швецией (1997. № 12), Турцией (1998. № 5-6) и Украиной (1999. № 8). Эта своеобразная трилогия носит ретроспективный характер, но соответствующие избранной нами эпохе материалы дают объективное представление о тех переменах, которые произошли к тому времени в оценке и осмыслении событий 1700–1720-х гг. В качестве примера стоит указать на публикации шведского историка П. Энглунда, отечественных специалистов И. Андреева, Н. Петрухинцева, В. Шеремета, украинского публициста В. Скуратовского.

Промежуточным продолжением дальнейшего развития темы стала «триада» спецпроектов 2003 и 2006 гг., посвященная соответственно 300-летию Санкт-Петербурга и отношениям России с Сербией и Черногорией. В работах Е. Анисимова для «петербургского» номера было особо подчеркнуто значение Северной войны для основания новой русской столицы, в исследованиях П. Рудякова (Украина) и Р. Распоповича (Черногория) были приведены новые факты относительно участия южных славян в становлении российского флота в петровскую эпоху.

Для нынешних подписчиков «Родины» особое значение приобрели два проекта – специальный номер «Россия Петра Великого» (2007. № 11) и «Полтавской баталии – 300» (2009. № 7). Эти выпуски объединяет не только схожесть проблематики, но и единство авторского замысла – координаторами обоих выступили известные российские историки, доктора исторических наук Н.Н. Петрухинцев (Липецк) и А.И. Филюшкин (Санкт-Петербург). Первый из названных номеров стал составной частью «большого проекта» журнала по новому осмыслению отечественной истории, начатого еще в 2002 г. спецпроектом «Древняя Русь». Эпоха Петра

передана здесь поистине многогранно – от обращения к приоритетным проблемам петровского наследия, которые еще надлежит изучить (О. Кошелева, Н. Павленко, Е. Анисимов), через исследование важных, но часто остающихся в тени сюжетов («деловой фаворит» Петра фельдмаршал Федор Головин (Н. Петрухинцев), загадки Осударевой дороги (П. Кротов), проблемы отношений Петра с русской аристократией (проф. Йельского университета П. Бушкович)) до любопытных нюансов петровского миропорядка: самозванцы эпохи (О. Усенко), фискалы на эшафоте (Д. Серов), где жил и что читал Меншиков (Е. Андреева, И. Саверкина).

События Северной войны нашли здесь отражение в материалах второй главы «Тяжкий государев промысел». Особо отметим публикации Е. Ухановой о «медали Иуды», отчеканенной после предательства Мазепы, В. Смирновой о триумфах Северной войны в графике, Д. Журавлева о внимании Петра к военной медицине в годы противостояния шведам.

Логическим продолжением упомянутого выпуска стал юбилейный номер 2009 г., представляющий собой исполненный на высоком исследовательском уровне международный проект с участием историков из России, Украины (П. Толочко, Т. Чухлиб, А. Кухарук, В. Молтусов, Ю. Погода), Швеции (А. Весслен, У. Биргегорд), Беларуси (В. Скалабан), Польши (И. Граля) и Франции (Ф.-Д. Лиштенан). Предисловие к номеру написал руководитель Администрации Президента Российской Федерации, председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России С.Е. Нарышкин. Он, в частности, отметил: «Битва 27 июня 1709 г. стала переломным моментом общей истории земель Восточной Европы, лежащих вдоль древнего пути «из варяг в греки». Было упрочено положение прорубленного Петром «окна в Европу»... Победа вывела Россию на широкую международную арену и, в то же время, спаяла единство России и Украины».

«Полтавский» спецпроект выдержан в лучших традициях журнала, представляя собой одновременно площадку для квалифицированной научной дискуссии лучших специалистов и пространство для разоблачения старых и новых фальсификаций событий 300-летней давности. Помимо широкого участия зарубежных историков, стоит отметить и поистине всероссийский характер авторского коллектива – здесь представлены ведущие историки не только из Москвы и Санкт-Петербурга, но и из Липецка, Уфы, Барнаула, Екатеринбурга и Воронежа.

Подробно пересказывать содержание номера не слишком логично, приведем лишь две яркие цитаты авторитетнейших специалистов. По

мнению В.А. Артамонова (Институт российской истории РАН, Москва), «личное соглашение Мазепы со шведами не дало положительных результатов ни скандинавам, ни старшинской верхушке потому, что основной идеей украинского народа с последней трети XVII в. стало сближение с Россией... В результате военных действий 1708–1709 гг. Украина была освобождена от шведских оккупантов совместными усилиями русской армии, украинских казаков и партизан. Полтавскую битву нельзя именовать «одной из тяжелейших украинских катастроф: она, как и разделы Речи Посполитой в 1772–1795 гг. и победа 1945 г., стали этапом собирания всех украинских земель»¹. Академик НАН Украины П.П. Толочко, обращаясь к юбилею Полтавы, убежден, что «отмечать это событие надо вместе с русскими. Это была наша общая победа. Можно возвести и памятник, но только не Карлу XII, а казакам гетмана Ивана Скоропадского или жителям непокоренной Полтавы, внесшим неоценимый вклад в дело борьбы со шведскими оккупантами»².

Попытки публицистического и политического пересмотра итогов Полтавы и Северной войны были убедительно опровергнуты усилиями интернационального коллектива профессиональных историков. Продолжение темы следует на страницах «Родины» в 2010–2011 гг.: запланированы серьезные публикации по истории Прутского похода и о роли России в тогдашних событиях в Приднестровском и Причерноморском регионах.

---

¹ **Артамонов В.** Горький путь предательства. Мазепа и шведы в 1708 г. // Родина. — 2009. — № 7. — С. 20.

² **Толочко П.** Слава шведским освободителям! // Там же. — С. 45.

РОССИЯ И КРЫМСКОЕ ХАНСТВО НАКАНУНЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

О.Г. САНИН

Дипломатическая история Северной войны достаточно широко и подробно исследована отечественной исторической наукой. Тем не менее в ее изучении остаются отдельные дискуссионные проблемы, требующие глубокого анализа. Одной из таких проблем является вопрос о роли Крымского ханства в дипломатических «играх» накануне Полтавской битвы.

Традиционно Крым играл немалую роль во внешней политике России на юге. Но с началом Северной войны, а также ростом прямых русско-турецких контактов в конце XVII в. значение Крыма во внешнеполитических акциях России существенно падает. Не последнее в этом значение имел и постепенный отказ России от выплаты традиционных «поминок» («крымского выхода») начиная с 1683 г.

Тем не менее на протяжении Северной войны возникали такие ситуации, когда Крымское ханство оказывало прямое влияние на российскую внешнюю политику и на ход военных действий. Как пример можно в первую очередь привести события, предшествовавшие знаменитой Полтавской битве 27 июня 1709 г.

Несмотря на то, что Крым являлся вассалом Османской империи, и в XVII – начале XVIII в. ханство пыталось проводить относительно самостоятельную внешнюю политику. Вообще можно отметить, что вопрос о степени самостоятельности внешней политики крымских ханов требует более пристального изучения.

Мирные отношения с Турцией, установленные Константинопольским договором 1700 г., отнюдь не давали гарантии безопасности южных границ. На протяжении первых лет XVIII в. в Крыму постоянно шла внутренняя борьба сторонников мира с Россией и приверженцев идеи продолжения прежней политики набегов. Иногда это противостояние приобретало вооруженные формы, как например, во время антитурецкого мятежа хана

Девлет-Гирея II в 1702–1703 гг.¹ Поэтому ситуация в Турции и Крыму очень серьезно беспокоила российскую дипломатию на протяжении всех первых лет Северной войны.

Начало похода Карла XII на Россию в 1708 г. и особенно поворот шведов на Украину в сентябре 1708 г. приближали театр военных действий непосредственно к границам Турции и Крыма. Таким образом, вопрос о роли Османской империи и Крымского ханства в Северной войне вставал остро на повестку дня. В России опасались расширения конфликта за счет своих южных соседей. Причем наибольшие опасения вызывала именно позиция Крыма. Если с Османской империей еще можно было надеяться на соблюдение условий Константинопольского мира 1700 г., то с Крымом ситуация обстояла гораздо сложнее: немалая часть крымской знати отказывалась признавать этот договор, запрещавший совершать набеги на своих северных соседей.

Появление шведов на Украине и измена Мазепы дополнились тревожными известиями из Стамбула. Крымский хан Каплан-Гирей, выступавший за «нейтралитет» ханства и соблюдавший договор 1700 г., был отправлен в отставку после неудачного похода на Северный Кавказ. 3 ноября 1708 г. русский посол в Стамбуле П.А. Толстой сделал запись об отставке Каплан-Гирея за то, что он «на войне против черкес явился и от черкес побежден» и что на его место ханом назначен Девлет-Гирей². Назначение нового хана было крайне неприятно для русского правительства и напоминало о грозившей опасности охлаждения русско-турецких отношений. К тому же оно почти совпало по времени с изменой гетмана Мазепы. Сведения о нем вызвали усиление воинственных настроений среди турок. Появились признаки подготовки к войне, началась заготовка больших запасов пороха в Стамбуле и Синопе. Был издан указ о постройке к весне 1709 г. 100 галер. Тревожило русского посла и распоряжение хану готовиться к войне, хотя при этом и добавлялось: «прежде указу дабы не шkodили под смертным заказом»³. По свидетельству молдавского господаря К. Раковицы, «турки, уведав об измене Мазепиной зело о том радуются», но хотят знать точные сведения о численности примкнувших к украинскому гетману казаков⁴. Однако пришедшие вскоре сообщения о блестящей победе русского оружия при Лесной, широко разрекламированной П.А. Толстым, позволили несколько сгладить нежелательный эффект от предательства Мазепы.

В сложившихся условиях было необходимо наладить прямые отношения с новым ханом. Отправлять прямые посольства из Москвы в Крым, как это делалось в XVII в., было невозможно, поэтому была предпринята попытка установить контакт с Крымом через новоизбранного украинского

гетмана Ивана Скоропадского. С этой целью в декабре 1708 г. Иван Скоропадский направил в Крым своего «бунчукового товарища» Ивана Черняка. Однако встретиться с Девлет-Гиреем ему не удалось. Прибыв 10 января в Перекоп, Черняк узнал, что новый хан в Крыму еще не появился. Прождав некоторое время и получив заверения калги-салтана в сохранении мира, Черняк был вынужден отправиться обратно⁵.

Задержка с прибытием Девлет-Гирея в Крым была вызвана тем, что уже по пути к Бахчисараю новый хан начал плести энергичные интриги против России, рассчитывая в дальнейшем вовлечь и саму Блистательную Порту в войну. Известно, что Девлет-Гирей уехал в Крым 14 декабря 1708 г. Из Стамбула его с почетом провожал отряд янычар в 6 тыс. человек. При этом он получил официальный приказ в случае необходимости быть готовым к войне «со всею ордою и ожидать приказа куда идти»⁶.

Еще не добравшись до Перекопа, в январе 1709 г. хан сразу начал зондировать почву на предмет своего возможного участия в войне. Он предпринял энергичные попытки установить контакты с запорожским казачеством, весьма серьезно настроенным против России. В целом ситуация в Запорожье была весьма противоречивой и неоднозначной. Большая часть казачества во главе с кошевым атаманом К. Гордиенко видела в России угрозу автономии и независимости Украины и Запорожья. Возвращавшийся из Крыма на Украину Иван Черняк застал в Сечи послов Крымского хана⁷. По словам переволочинского дозорца Романа Селезневича, эти послы имели беседу с Гордиенко, на которой устно обещали кошевому военную помощь в случае выступления против Москвы. Кошевой собрал раду и «домогался у войска запорожского, чью имеют сторону держать». И все, кроме одного казака, «дали слово держать сторону шведскую и Мазепину». На раде говорили, что «мы де запорожцы, на шведа не пойдем, а на Москву с охотою рады то чинить будем»⁸. Присутствовавшие на раде татарские посланцы оговорили Ивана Черняка, «будто он, будучи в Крыму, хулил запорожцев и не велел их ни в чем слушать и верить оным»⁹. Здесь же «многие запорожцы били Черняка смертным боем, заковов в оковы и с кошу отослали к изменнику Мазепе»¹⁰.

На этой раде было принято «с ордою Москву воевать»¹¹. С этим решением в Крым были отправлены запорожские посланцы Иван Гадяцкий, Яков Брюховецкий и Тимофей Фененко. Им было передано специальное письмо хана для Гордиенко, одобрявшее антирусские настроения запорожцев и обещавшее им всяческую военную помощь¹². Некоторые сведения об этом посольстве сообщил переволочинский дозорец Роман Селезневич в своем письме И.С. Скоропадскому от 9 февраля 1709 г. Он сообщал, что по

известиям, полученным из Сечи, там ожидают возвращения посольства из Перекопа. Дозорец далее указывал, что «турки и татары просят известий о положении русских и шведов, что они желают выступить против России, о чем с запорожцами договорились изустно»¹³.

Тревожные сведения об антироссийской активности Крыма и Запорожья подтверждались и по дипломатическим каналам. П.А. Толстой постоянно сообщал о том, что шведы, Мазепа и Гордиенко предпринимают попытки договориться с Крымом о совместных военных действиях. В марте 1709 г. первый министр Карла XII граф Пиппер написал Девлет-Гирею письмо, в котором сообщил, что Запорожская Сечь и Украина «заодно» со шведами, и спрашивал о видах и сроках помощи из Крыма. Данное письмо было отправлено в Крым через влиятельного Бендерского сераскера Юсуф-пашу. Турок и татар всячески устрасали многочисленными «опасностями» со стороны Москвы: «Узнаете, что Москва простирает свои замыслы не только на Крым, но и на Царство Оттоманское». В целом же шведы в такой помощи были уверены: «Мы стоим на пути, по которому татары обычно ходят на Москву. Теперь они пойдут с нами!». Такие письма шли с Украины в Стокгольм весной 1709 г.¹⁴ Энергичные попытки вовлечь хана в войну предпринимал и бывший украинский гетман И.С. Мазепа. П.А. Толстой докладывал о происках Мазепы: «Приехали татары ис Крыма с объявлением Порте, что Мазепа просит хана вступить в казацкую землю со всею Ордою и помочь казакам освободиться от ига Московского». За это хану обещалось давать «прежнюю дачу», которая раньше шла в Крым из Москвы¹⁵. Таким образом, становится очевидным то, что в марте–апреле 1709 г. шведская дипломатия всерьез рассчитывала вовлечь в войну на своей стороне не только Крым, но и Турцию. Именно с этой целью в апреле 1709 г. и началась осада Полтавы: взятие этого города позволяло установить прямые контакты с Крымом и Турцией, а также создать для Карла XII и Мазепы укрепленную базу на Украине. К тому же громким военным успехом шведский король рассчитывал окончательно склонить Ахмеда III и Девлет-Гирея на свою сторону.

Однако эти попытки натолкнулись на энергичное противодействие русской дипломатии. В ход пускались все виды дипломатического оружия, в частности, подкуп. Известно, что Юсуф-паша был предварительно задарен П.А. Толстым собольими мехами на 1000 рублей, кроме того у него была старая личная вражда с Девлет-Гиреем. Поэтому полученные от шведов письма он переправил в Константинополь и одновременно сообщил, что в войну с Россией лучше не ввязываться, поскольку дела Карла XII под Полтавой очень плохи¹⁶.

Еще одним источником потенциальной опасности продолжало оставаться Запорожье. В апреле 1709 г. в Крым прибыла целая запорожская делегация во главе с новым кошевым атаманом Петром Сорочинским (сменившим отправившегося к Карлу XII К. Гордиенко)¹⁷. Во время этих переговоров Девлет-Гирею были даны обещания разорить соседнюю русскую крепость Каменный Затон, которую в ханстве расценивали как опорную базу возможного русского наступления на Крым. Запорожцы обещали от имени Украины возобновить выплату поминок. Во время этих переговоров Девлет-Гирей заявил, что будет согласен выступить в поход в случае, если султан даст свое согласие. С этой целью хан направил в Стамбул своего диван-эфенди Мизюр-агу с письмом, в котором испрашивалось разрешение напасть на русские пограничные крепости, якобы угрожавшие крымским владениям¹⁸. Создавалась весьма серьезная угроза, что в случае успеха всех этих мероприятий Карл XII будет иметь непосредственную связь с Крымским ханом. Достаточно было турецкому правительству дать свое согласие на требования хана, чтобы стратегическая обстановка для русской армии резко ухудшилась. П.А. Толстому пришлось беспрестанно задаривать турецких пашей, «дабы в настоящем времени происки шведские и Мазепины изничтожить». Посол неоднократно предупреждал, что с «турками без подарков любовь не будет действительна»¹⁹.

Старания П.А. Толстого не прошли даром. В Турции не испытывали особого желания вступать в войну с Россией. Великий везир Чорлулу Али-паша передал Мизюр-аге письмо для хана, в котором говорилось, чтобы хан «отнюдь не чинил таких вещей, которые будут миру противны...»²⁰.

Но несмотря на эти предупреждения, хан продолжал поддерживать контакты с Карлом XII и Запорожьем. 11 мая 1709 г. Б.П. Шереметев доносил Петру I, что в Сечь прибыло 50 крымских татар для изучения того, что делается в русских и шведских войсках²¹. В России вполне резонно опасались, что несмотря на запрет султана, Девлет-Гирей может выступить в поход самостоятельно. В этом случае Запорожская Сечь могла превратиться в плацдарм для татарского вторжения. Поэтому взятие Сечи 14 мая 1709 г. отрядом полковников Яковлева и Галагана в России воспринимали как крупную победу. Русское правительство было уверено, что после разгрома запорожцев Турция и Крым не будут склонны преувеличивать шансы Карла XII на успех и предпочтут соблюдать нейтралитет.

Однако захват и разорение Сечи вызвали бурю негодования в Крыму. Не меньшее раздражение хана вызвала поездка Петра I в апреле–мае 1709 г. в Воронеж и Азов для проверки флота и крепостей. Сам факт этой поездки говорит о том, что в России весьма опасались вступления Турции и Крыма

в войну. Девлет-Гирей начал энергично бомбардировать Порту тревожными донесениями о якобы имеющих место агрессивных планах России в отношении Крыма. Для проверки этих сведений в Крым был отправлен специальный представитель султана капычи-баша Алей-ага. Вскоре из Крыма он прибыл в Азов, где убедился, что целью приезда Петра I является не подготовка захвата Крыма, а всего лишь осмотр крепости. Чтобы успокоить турок, Петр I предпринимает широкий жест: в присутствии турецкого посланника он сжигает 10 старых кораблей. Для Петра I это было весьма нелегкое решение: известно, как он ценил каждый боевой корабль, каждую галеру, каждую шняву²².

Вопрос о разрешении татарам выступить против России окончательно решался 14 мая 1709 г., когда султан собрал военный совет, на котором присутствовали высшие чины государства. П.А. Толстому «с великим трудом, иждивением и немалою дачею» удалось уговорить турок не начинать боевые действия против России. В Стамбуле явно решили подождать, чем закончится русско-шведское противостояние под Полтавой. Подкупленные Толстым турки уверяли великого везира и султана, что русский царь приехал в Азов «ни для чего иного, разве ради гуляния, понеже де видимо всему свету, что де царское Величество имеет нрав такой, еже де в одном месте быти не изволяет»²³. Крымскому хану в тот же день был направлен строгий указ, запрещающий вмешиваться в войну²⁴.

В результате Порты заняла выжидательную позицию. Установив контакт со шведами, она, однако, не желала связывать себя союзом с ними. В июне 1709 г. к Юсуф-паше прибыли статс-секретарь Карла XII О. Клинковштрем и полковник Сандул, чтобы получить ответ на отправленные в марте письма Пиппера и Мазепы к Девлет-Гирею. Однако Юсуф-паша передал им официальный ответ везира о запрещении Крыму вступать в войну с Россией в случае, если та не будет угрожать безопасности Крыма²⁵.

Подобная позиция Турции была вполне понятна и объяснима. Во-первых, как уже говорилось, П.А. Толстой развернул бурную деятельность по подкупу нужных турецких придворных. Во-вторых, по всей Европе прокатились слухи, что вскоре будет заключен мир между странами – участниками Войны за испанское наследство – Францией, Австрией, Англией. Таким образом, Австрия могла освободиться от войны и снова обратить свое внимание на Дунай. Поэтому Порты была крайне заинтересована, чтобы Россия и Швеция не развязали себе рук и воевали как можно дольше. В-третьих, и это очень важно, появились слухи о настойчивом желании Карла XII, попавшего в тяжелое положение под Полтавой, вступить в переговоры с русскими. Русская дипломатия энергично поддерживала эти

слухи. 13 апреля 1709 г. Г.И. Головкин писал из Воронежа П.А. Толстому, советуя ему объявить турецкому правительству, что «король шведской гордость свою оставляет и уже явную склонность к миру являет»²⁶. Этот маневр произвел большое впечатление на турок. Они опасались, что Россия, заключив мир с Карлом XII, тут же направит все свои силы против Порты.

Однако эта выжидательная политика Порты вряд ли могла относиться к Девлет-Гирею. Хан мог предпринять новые попытки добиться согласия султана на участие крымцев в войне. Посол Венеции в Константинополе Джустиниани в частной беседе с Толстым говорил, что «хан горит нетерпением начать войну и сдержать его будет трудно, чтобы он не вовлек за собой Порту, потому что ясно, что война неизбежна, если русские войска двинутся вперед для отражения татар»²⁷.

Бахчисарай стал фактически последним шансом шведского короля. Потеряв надежды на вовлечение в войну Турции, король был готов на все ради привлечения на свою сторону хотя бы Крыма. Карл XII и его союзник Ст. Лещинский предпринимают новые энергичные попытки привлечь Крым на свою сторону в обход Порты. 14 мая 1709 г. в Крым отправился коронный стражник киевский воевода Й. Потоцкий с грамотой Ст. Лещинского к Девлет-Гирею. В задачу Потоцкого входило добиться выступления крымцев на стороне шведов и заключения шведско-польско-крымского военного союза против России, причем шведы были согласны даже на выступление одного Крыма без участия турок. Потоцкий официально попросил от хана 40-тысячное татарское войско в распоряжение Лещинского и Карла XII. Хан заявил о своей согласии на заключение военного союза, но тем не менее не решался открыто выступить без согласия Порты²⁸.

Чтобы помешать возможному выступлению крымского хана против России, необходимо было попытаться провести непосредственные переговоры с ханом. Эта миссия была возложена на одного из дворян посольской свиты П.А. Толстого – Василия Блеклого. Еще в декабре 1709 г., опасаясь ухудшения русско-крымских отношений, П.А. Толстой направил Василия Блеклого в Крым вслед за ханом. Первоначально перед ним стояла задача предотвратить возможные со стороны Крыма антироссийские провокации. Однако миссия надолго затянулась. Силистрийский и бендерский сераскер Юсуф-паша, не испытывавший дружеских чувств к России, наотрез отказался напрямую пропустить русского представителя в Крым. В результате Блеклому пришлось до прояснения ситуации направиться в Азов и Таганрог²⁹.

Тем не менее это не помешало выполнению первоначальных целей миссии. Более того, в связи с задержкой задачи Блеклого расширились и углубились. В Азове и Таганроге перед миссией Блеклого была поставлена задача проверить информацию об опасных для России переговорах. Формальным поводом для отправки миссии в Крым послужил спорный вопрос о возвращении в Россию казаков-некрасовцев, бежавших на подчиненную Крыму Кубань после подавления Булавинского восстания 1707–1708 гг.

Вскоре после приезда в Таганрог Блеклый был отправлен в Крым. Ему было поручено передать хану Девлет-Гирею письма и подарок от государственного канцлера Г.И. Головкина и азовского губернатора И.А. Толстого. Посланец должен был разведать внутреннюю обстановку в ханстве, попытаться добиться возвращения казаков-некрасовцев, а также дать взятку хану, чтобы он воздержался от выступления против России³⁰.

Важнейшее значение миссии Блеклого заключалось в том, что она знаменовала новый этап в развитии русско-крымских отношений. Рост военно-политического могущества России в конце XVII – начале XVIII вв. привел к тому, что после Карловицкого конгресса 1698–1699 гг. и Константинопольского мира 1700 г. русское правительство наотрез отказывалось поддерживать отношения с Крымом как с суверенным государством. Русско-крымские отношения осуществлялись исключительно через украинского гетмана И.С. Мазепу и азовского губернатора И.А. Толстого, брата русского посла в Турции.

По сравнению с XVII в. резко падает и статус русских дипломатических представителей в Крыму. Если раньше это были в основном бояре или дьяки, имевшие ранг официальных послов или посланников, то Василий Блеклый фактически являлся простым гонцом, но наделенным определенными дипломатическими полномочиями. Подобное падение статуса российских представителей в Крыму четко прослеживается и в самом статейном списке.

Миссия В. Блеклого была «снабжена» письмом канцлера Г.И. Головкина хану и подарком, состоявшим из «мягкой рухледи» (мехов – О.С.) на 1000 рублей. Письмо Г.И. Головкина было составлено в максимально мягких тонах. Канцлер предостерегал Девлет-Гирея о возможных провокациях со стороны Мазепы и шведов. Он заверял хана от имени царя, что со стороны России «никакая причина не подается к нарушению мирных договоров», о чем уже даны соответствующие указы пограничным властям³¹.

Азовский губернатор И.А. Толстой добавил свое личное письмо, в котором требовал от хана выдачи бежавшего на Кубань Игнатия Некрасо-

ва³². В отличие от посольств XVI–XVII вв. Блеклый не снабжался никакими царскими инструкциями и тем более царскими грамотами. Подобный факт можно считать показательным для уровня русско-крымских отношений начала XVIII в. В Москве отныне не считали целесообразным поддерживать с Крымом равноправные дипломатические связи.

В своем статейном списке Блеклый дает весьма подробное описание миссии. 22 мая 1709 г. он выехал из Троицкого городка (Таганрога), 1 июня прибыл в Перекоп, где его встретил калга-салтан Бахти-Гирей и проводил до Бахчисарая, куда они прибыли 7 июня. Через 2 дня состоялась первая аудиенция.

В целом статейный список дает весьма полное представление о ходе миссии. Главный ее вопрос заключался в проверке сведений о переговорах Крыма со Швецией и запорожцами. Статьиный список Блеклого содержит полученные им от русского невольника сведения о приезде в Крым (незадолго до прибытия русского гонца) шведского посланника с просьбой о помощи Карлу XII. По другим данным, полученным Блеклым от греческого купца, в Крыму находился польский посланник от Станислава Лещинского, добивавшийся пропуска в Константинополь³³. На аудиенциях 9, 11 и 13 июня ханский везир и Девлет-Гирей отрицали факт подобных переговоров, заявив, что «шведов и поляков и казаков в союз не принимают, для того, что люди они непостоянные и веры им нет, и ныне говорят так, а на другой день обретаются изново»³⁴. Разумеется, подобным словам нельзя было верить, тем более что сам Блеклый к этому времени уже располагал сведениями о шведско-польско-татарских переговорах.

Подводя итог миссии В. Блеклого в Крым, надо сказать, что всех своих целей она не выполнила. Прекратить опасные контакты Крыма с Карлом XII не удалось, неудачей закончилась и попытка обеспечить нейтралитет Крыма с помощью взяток: предложенные ему собольи меха хан с гневом отверг³⁵. Не удалось договориться и о выдаче бежавших с Дона некрасовцев. Вместе с тем, факт переговоров Карла XII и Девлет-Гирея отныне не являлся тайной, и в России уже ясно видели истинную цену всем мирным заверениям хана.

События накануне Полтавской битвы 1709 г. подтверждали готовность Крыма оказать военную помощь шведскому королю. В конце мая 1709 г. Девлет-Гирей получил тайный приказ от великого везира Чорлулу Али-паши оказать шведскому королю помощь в предстоящем генеральном сражении с русскими.

16 мая в шведскую главную квартиру прибыло «два татарских военачальника». Им было поручено ханом поставить условием заключения

крымско-шведского союза 4 пункта, один из которых гласил, что Карл XII не должен заключать мира с царем. Военачальники сообщили, что в шведскую квартиру едет «Великое посольство» и просили выслать ему навстречу конвой³⁶. Однако после 14 мая, когда русские взяли под контроль Запорожскую Сечь и переправы через Днепр у Переволочны, шведская армия оказалась в состоянии стратегического окружения и татарское посольство не смогло пройти в шведский лагерь. Навстречу ему был выслан отряд полковника Свильверьельма в 500 шведов и 2000 запорожцев, но его движению помешали русские отряды, занимавшие дорогу, и 24 мая Свильверьельм вернулся в главную квартиру шведов в Великие Будиши, так и не выполнив поручения³⁷.

Прусский военный агент при Карле XII подполковник Сильтман писал, что перед Полтавским сражением ожидание татарской помощи в шведском лагере достигло предела. Лагерь шведов наполнялся слухами о скором прибытии татар. 29 мая Сильтман записал в своем дневнике, что получено известие о том, что татары якобы перешли Днепр и через 8 дней придут к шведам³⁸. Однако больше от них никаких известий не поступало.

Как подчеркивал Сильтман, татары во второй половине июня, очевидно, после того, как Блеклый покинул Крым, вышли из Перекопа и двигались по направлению к театру военных действий³⁹.

Однако в решающий момент Девлет-Гирей получил категорический приказ из Стамбула не вмешиваться в русско-шведскую войну и был вынужден отказаться от мыслей о движении к Полтаве⁴⁰. Таким образом, вмешательства Крыма в войну удалось избежать, что в немалой степени способствовало созданию благоприятных внешнеполитических условий для Полтавской битвы.

---

¹ Более подробно о мятеже Девлет-Гирея в 1702 г. см.: **Санин О.Г.** Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* – Ч. III. – Симферополь, 1991. – С. 275–279.

² *Статейный список П.А. Толстого.* Запись от 3 ноября 1708 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 2. Д. 2. Л. 419 об.

³ **Глаголева А.П.** Русско-турецкие отношения перед Полтавской победой // *Полтава.* – М., 1959. – С. 137.

⁴ Петр I – П.А. Толстому 15 февр. 1709 г. // П и Б. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 68.

⁵ **Судиенко М.** *Материалы для отечественной истории.* – Т. II. – Киев, 1855. – С. 320, 324.

- ⁶ **Крылова Т.К.** Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709 гг.). – М., 1999. – С. 273.
- ⁷ Скаски казаков Полтавского полка 21 янв. 1709 г. – С. 609.
- ⁸ Роман Селезневич – Скоропадскому 9 февр. 1709 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. 1709. Кн. 1. Л. 528.
- ⁹ Роман Селезневич – Д.М. Голицыну 4 апр. 1709 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1709. Д. 4. Л. 9–9 об.
- ¹⁰ Там же. – Л. 10.
- ¹¹ Роман Селезневич – Скоропадскому 9 февр. 1709 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. 1709. Кн. 1. Л. 529 об.
- ¹² Скаски казаков Полтавского полка 21 янв. 1709 г. // П и Б. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 607, 609.
- ¹³ Роман Селезневич – Скоропадскому 9 февр. 1709 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. 1709. Кн. 1. Л. 529.
- ¹⁴ Цит. по: **Возгрин В.Е.** Россия и Европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). – Л., 1986. – С. 224.
- ¹⁵ Цит. по: **Соловьев С.М.** История России с древнейших времен. – Кн. 8. – Т. XVI. – М., 1962. – С. 259.
- ¹⁶ **Шутой В.Е.** Позиция Турции в Северной войне 1700–1709 гг. // Полтавская победа: Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. – С. 135.
- ¹⁷ Более подробно о визите Петра Сорочинского в Крым см.: **Крылова Т.К.** Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. // Исторические записки. – Т. 65. – 1959. – С. 274.
- ¹⁸ П.А. Толстой – Петру I 24 апреля 1709 г. // П и Б. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 898.
- ¹⁹ Цит. по: **Глаголева А.П.** Указ. соч. – С. 140.
- ²⁰ П.А. Толстой – Петру I 24 апреля 1709 г. // П и Б. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 898.
- ²¹ Б.П. Шереметев – Петру I 11 мая 1709 г. // П и Б. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 887.
- ²² И.А. Толстой – П.А. Толстому 12 мая 1709 г. // П и Б. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 842, 845.
- ²³ Цит. по: **Глаголева А.П.** Указ. соч. – С. 144.
- ²⁴ Копия с письма Ахмеда III Девлет-Гирею 14 мая 1709 г. // Архив СПБОИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 5. Л. 25–25 об.
- ²⁵ **Стилле А.** Карл XII как стратег и тактик. – СПб, 1912. – С. 94.
- ²⁶ Г.И. Головкин – П.А. Толстому 13 апреля 1709 г. // П и Б. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 894.
- ²⁷ **Стилле. А.** Указ. соч. – С. 95.
- ²⁸ Ст. Лещинский – Девлет-Гирею 14 мая 1709 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709. Д. 8. Л. 22 об. – 24.
- ²⁹ **Крылова Т.К.** Статейные списки петровских дипломатов // Проблемы источниковедения. – Вып. IX. – М., 1961. – С. 164–165.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 123. «Сношения России с Крымским ханством». Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 4–6. Статейный список В. Блеклого.

---

³¹ Г.И. Головкин – П.А. Толстому // РГАДА. Ф. 89. Оп. 2. 1709. Д. 1. Л. 227 об. – 228.

³² Там же. – Л. 2–2 об. – Отправление в Крым дворянина В. Блеклого.

³³ Там же. – Л. 7 об. – 8.

³⁴ Там же. – Л. 10.

³⁵ Как писал в своем журнале хронист Карла XII К. Адлерфельд, «хан предложение отклонил и решился идти на все с королем Швеции» // См.: **Возгрин В.Е.** Россия и европейские страны в годы Северной войны. – С. 226; **Adlerfeldt K.** Karl XII krigsforetag. – Stockholm, 1919. – S. 402.

³⁶ **Стилле А.** Указ. соч. – С. 95.

³⁷ Там же. – С. 96.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. – С. 97.

⁴⁰ **Смирнов В.Д.** Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. – Одесса, 1885. – С. 15.

ПЕТР ПОСЛЕ ПОЛТАВЫ – СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ УСПЕХА

Н.Н. ПЕТРУХИНЦЕВ

Несомненно важная, но все-таки второстепенная для понимания сущности и хода Северной войны «украинская проблема», в значительной степени надуманная и гипертрофированная современными украинскими исследователями, а еще больше текущей исторической публицистикой Украины, начинает уводить нас от главного – геополитических последствий полтавской победы и ее реального влияния на судьбы тогдашнего мира и на дальнейшую историю военных действий. Выросшая в этих мелких спорах до явно не соответствующей ее подлинному историческому масштабу величины фигура гетмана Мазепы – долговременного послушного исполнителя воли российских государей, не лишённого административных способностей прагматика и мастера интриги, однажды ошибшегося в своих расчетах и осенью 1708 г. просто «поставившего не на ту лошадь», а посему умершего от огорчения всего через три месяца после Полтавы – начинает заслонять от нас подлинный «исторический ландшафт» и искажать истинные пропорции действующих на нем сил и исторических персонажей. Пешка, так и не превратившаяся в ферзя (в лучшем случае – слон или подобие «троянского» шахматного коня), внезапно оставила «в тени» куда более сильные фигуры на шахматной доске Истории. Уже и сам Петр I обращается в этой размытой фокусировке на фоне «ста дней» гетмана (полукарикатурных в сравнении с наполеоновскими) в фигуру бледную и второстепенную...

Но, вероятно, пора вернуться к реальным пропорциям в общей картине исторического процесса и обратить внимание на его истинных вершителей – в первую очередь, на Петра I, тем паче, что многие аспекты «полтавского периода» его деятельности пока еще не получили должной оценки.

Сложившаяся в историографии традиция обычно сосредоточивает внимание исследователей и читателей на предыстории Полтавской бит-

вы и на самом сражении. То, что происходило после победы, невольно остается в тени. Сражение выиграно, а остальное – не так уж и важно. Однако умение воспользоваться плодами победы, развить успех, выжать из сложившейся ситуации максимум возможного – не менее значимое качество государственного деятеля, сполна оцененное человечеством еще со времен римских походов Ганнибала (знаменитое «vincere scis...»).

Сам Петр I прекрасно понимал его значимость и ощущал крайне остро, что время после победы – чрезвычайно дорого. Ставший результатом тяжелых десятилетних трудов ошеломляющий успех, скорее всего, уже не повторится. А потому нужно торопиться, чтобы воспользоваться им на всех «фронтах» – и военном, и дипломатическом, и внутреннем – и не упустить времени, чтобы развить успех, превратить его в стратегический. Он понимал, что нужно сполна использовать ситуацию, когда Швеция потеряла основную армию, и не имея возможности восстановить ее, осталась практически беззащитной.

Правильно увиденная перспектива событий отодвинула на периферию другие театры, на которых разворачивалась его разносторонняя деятельность. Вероятно, у Петра I накануне отъезда к армии под Полтаву были планы возвращения к азовскому флоту: 1 июля 1709 г., еще не зная о победе, Кристиан Отто писал Петру I с борта «Ластки», стоящей в миле от берега, что на ней ставят мачты и собираются ставить паруса – он надеялся, что все исправит к приезду Петра Великого¹. Но теперь царю было уже не до этого – после Полтавы надо было заниматься развитием успеха. Поэтому «восточные» планы, актуальные до Полтавы², были отставлены.

Петр I сразу же и почти целиком переключился на «шведский театр» военных и дипломатических действий. В тот же день 1 июля, когда Москва, уже получившая известия о Полтаве, начала праздновать победу, Петр I, бывший в Переволочне и разговаривавший со сдавшимся Левенгауптом, отдал первые распоряжения, намечавшие «послепобедную» стратегию. Нужно было уничтожить остатки сил Швеции на польско-прибалтийском театре и усилить дезорганизацию ее административных структур: поэтому генерал-лейтенант Генрих фон дер Гольц, стоявший с русским корпусом в Польше, получил приказ преследовать шведский корпус Крассау, а бригадиры Г.И. Кропотов и Г.С. Волконский с конными полками – ловить Карла XII на подходах к турецким границам³.

Петр I торопился, поэтому армия, участвовавшая в сражении под Полтавой, марше к Переволочне и обратно, получила лишь короткий, менее чем двухнедельный отдых. Празднование победы на поле боя оказалось недолгим: короткие торжества 10–13 июля стали лишь эпизодом в хлопот-

тах по приведению армии в порядок, комплектованию полков и отправке внутрь России огромного шведского «полона». Они, кстати, сопровождались в том числе и пожалованием украинцам («всему малороссийскому войску») круглой по тем временам суммы в 100 тыс. руб.⁴ (более 3% тогдашнего годового бюджета России, стоимость ежегодного содержания примерно трех-четырех пехотных армейских полков), что свидетельствует не о «враждебной позиции» украинских казаков и якобы существовавших у российских властей опасениях их «внезапного удара в тыл» накануне и во время Полтавской битвы, а скорее о признании российским правительством реальных заслуг украинского народа в борьбе со шведскими войсками на территории Украины. Завершив празднества пожалованием новых рангов генералитету⁵, Петр I в тот же день 13 июля вывел армию из Полтавы в новый марш.

Отдых и передышка для армии закончились – армия и ее штаб-квартира 14–15 июля 1709 г. переместились в Решетиловку, где состоялся Военный совет. В последующие две недели определились основные контуры стратегии Петра I после Полтавы. В течение этих недель были сформулированы принципы решения трех проблем: определения военной стратегии на вторую половину 1709 г.; «украинской» проблемы, а также важнейшей внешнеполитической проблемы – восстановления Северного союза. Уже на совете в Решетиловке стал ясен размах стратегических планов Петра I.

Прежде всего, нужно было торопиться развить успех на шведском театре военных действий. Поэтому армия разделялась: А.Д. Меншиков, получивший чин фельдмаршала за Полтаву, шел с кавалерией в Польшу на соединение с Гольцем уничтожать корпус Крассау; Б.П. Шереметев с основной массой пехоты – осаждал Ригу. С выполнением главных решений отнюдь не тянули – армия, очевидно, выступила в эти новые дальние марши из Решетиловки уже 16–17 июля. Петр I не забывал и о других территориях Прибалтики – 17–18 июля он отправил письма Ф.М. Апраксину с приказом готовить Нарву как базу для штурма Ревеля, который царь считал возможным уже в этом году; одновременно Апраксин должен был форсировать строительство балтийского флота и готовиться к закладке для Балтики пятого линейного корабля⁶.

В наступившей паузе после разгрома шведских сил, естественно, встал и вопрос о судьбе Украины. Уже в Решетиловке Петр I принял прошения Скоропадского с вопросами, определяющими статус Украины, но пока не ответил на них. Царь был слишком занят более важными на тот момент делами – организацией марша армии и его материальным обеспечением, да и сам уже готовился выступить в поход (прошения были по-

даны 17 июля, за день до отъезда царя из Решетилówki). К тому же Петр I, видимо, не хотел действовать сгоряча в определении «послевоенной» судьбы Украины. Ему нужно было время на размышления и консультации со специалистами. Дорога среди украинских полей, деревень и местечек, дававшая непосредственные и живые впечатления о ситуации на Украине, предоставляла для этого достаточно возможностей. Петр I получал и необходимый резерв времени – марш армии был, естественно, более медленным, чем передвижения царя, выехавшего через Лубны на Киев 19 июля. Именно здесь, в украинской столице, куда Петр I прибыл к 23 июля, и должен был решаться вопрос о будущем Украины «после Мазепы».

Недельное пребывание царя и его министров в Киеве, куда вскоре пришел с полками и Меншиков, было, конечно, отмечено не только осмотром строящейся новой Печерской крепости и вдохновенным панегириком царю, произнесенным Феофаном Прокоповичем, выдвинувшим в перспективе красноречивого и образованного малороссийского воспитанника иезуитской коллегии в Риме в высшие иерархи Русской Православной Церкви, но и решением «украинской проблемы». Допросы представителей мазепинской старшины, беседы с Меншиковым и лучше других владевшим информацией о ситуации на Украине киевским губернатором Д.М. Голицыным позволили Петру I окончательно определиться с правительственным курсом в «украинском вопросе» 30–31 июля 1709 г. перед намечавшимся отъездом из Киева.

Вопреки утверждениям некоторых украинских историков и публицистов, «мазепинская история» отнюдь не привела к ликвидации украинской автономии и даже к существенному ее ограничению. Даже после мазепинской измены Петр I не ликвидировал «украинских вольностей». Основы украинской автономии в указе гетману Скоропадскому от 31 июля 1709 г. сохранялись практически в полном объеме: «Права и вольности и порядки войсковые, от прежних бывших государей царей всероссийских и от его царского величества прежним гетманом в статьях изображенные, а особливо на которых приступил гетман Богдан Хмельницкий с малороссийским народом под высокодержавную руку блаженные памяти государя царя Алексея Михайловича . . . великий государь в грамоте своей за подписанием своея монаршеские высокие руки при наставлении его, господина гетмана, в Глухове на гетманский уряд генерально уже подтвердить изволил и оные и ныне ненарушимо содержать, по милости своей монаршей, обещает»⁷. Ограничения носили частный характер – в частности, в пограничной со степью Полтаве был оставлен российский гарнизон, тогда как из большинства других городов российские войска выводились и были

уже выведены. Более того – украинское казачество получило на 1709 г. освобождение от участия в дальнейших операциях Северной войны с тем, чтобы Украина могла оправиться от последствий кампании 1708–1709 гг.⁸ (несмотря на серьезные последствия для экономики Украины все же менее чем годичной, всего лишь девятимесячной на ее территории), да и в дальнейшем, в отличие от начального этапа войны, редко использовалось на собственно «шведском» театре войны, вдалеке от своих территорий, что, конечно, существенно уменьшало его потери, которые, как и потери всей армии, больше были связаны с «дальними маршами», антисанитарией и недостаточным довольствием, чем с боевыми столкновениями.

Но, естественно, события 1708 г. не могли быть оставлены без всяких последствий. Порожденный ими «кризис доверия» к украинской старшине не мог не породить стремления ужесточить контроль над ней. Поэтому 27 июля 1709 г. была учреждена должность российского наместника при украинском гетмане, которую первоначально занял А.П. Измайлов, – он должен был контролировать с российскими полками новую гетманскую резиденцию в Глухове и следить за поведением самого гетмана, находясь при нем почти неотлучно. И.И. Скоропадский был извещен об этом 30 июля⁹.

При оценке подобного рода мероприятий надо иногда выходить из «безвоздушного пространства», из которого судят события некоторые исследователи, сознательно замыкая свой кругозор шорами узкорегionalной «местечковой» точки зрения, для которой не имеют никакого значения исторические факторы и события, если они действуют хотя бы в пяти метрах «за оградой» их поля зрения, и возвращаться на продуваемую всеми ветрами «грешную землю», от которой никогда не отрывались действительные участники и современники событий. Северная война отнюдь не закончилась, и в сложившейся в конце июля 1709 г. ситуации было еще много неясного. Еще не был восстановлен Северный союз, и Россия по-прежнему оставалась один на один со своим главным шведским противником. Шансы на восстановление антишведской коалиции были весьма значительны, но далеко не однозначны. Мог ли Петр I и российские власти, выводя армию с Украины к побережью Балтики, в еще не до конца успокоенной после астраханского, булавинского, башкирского восстаний и шведского вторжения обстановке на южных окраинах, которая вполне могла спровоцировать русско-турецкую войну, усугубляясь присутствием Карла XII на турецкой территории, в Бендерах, всего в какой-то сотне километров от украинских границ, оставлять ситуацию на Украине и в рядах украинской старшины совершенно бесконтрольной? Вероятно, нет.

Ужесточение контроля над украинской автономией и гетманом в этой ситуации было неизбежно и, конечно, было прямым следствием действий Мазепы.

Однако для самого Петра «украинская проблема» в тот момент, естественно, была далеко не главной. Самыми существенными были проблемы дипломатии – задача восстановления антишведской коалиции, в которой Петр отводил значительную роль «личной дипломатии» и самому себе, а потому и был нацелен в первую очередь именно на нее, поручив командование армиями и ведение военных операций Меншикову и Шереметеву. В сущности, «киевский эпизод» был лишь временной остановкой Петра I на пути в Европу, к встречам с Августом Саксонским и Фридрихом Прусским, которых он спешил вовлечь в новый союз как можно скорее.

Первые шаги к этому были сделаны еще в Полтаве. Не случайно целая серия писем царя европейским монархам и должностным лицам Речи Посполитой из лагеря под Полтавой от 8 июля 1709 г.¹⁰, извещающих о Полтавской победе, почти совпала с завершением 9 июля 1709 г. работы над «обстоятельной реляцией» о Полтавской баталии¹¹. Петр I торопился с ее написанием и редактированием, ибо она могла дать наглядное и исчерпывающее представление о масштабах русской победы, рассчитанное прежде всего на «психологический переворот» в умах при европейских дворах.

Этот «переворот», обозначившийся не ранее начала – середины августа 1709 г., когда известия о победе дошли до европейских столиц и были отфильтрованы от недостоверных слухов, надо было срочно использовать, что и было решено на совете Петра и министров в Киеве по иностранным делам 30 июля 1709 г. Петр I одновременно с отъездом Меншикова к армии на следующий день сам должен был отправиться на свидание с Августом, а потом попытаться вовлечь в союз и Фридриха Прусского.

Но жизнь вносила в реализацию планов свои коррективы. Август 1709 г. оказался «проблемным» месяцем для России. Во-первых, организм Петра I, видимо, не выдержал того чрезвычайного напряжения, в котором были прожиты летние месяцы – царь снова свалился с приступом болезни, от которой, вероятно, лечился во время «воронежско-азовского» визита накануне Полтавы, и на две недели задержался в Киеве, теряя драгоценное время перед выездом в Польшу и Пруссию. Сам Петр, видимо, считал причиной болезни нервное потрясение от Полтавы: «Я от полтавской игрушки здесь с лишком две недели был болен, но ныне, слава богу, оздравел и позафтрее еду в Польшу», – писал он 13 августа И.А. Мусину-Пушкину¹².

Во-вторых, Полтава, естественно, не смогла остановить финансовый кризис, более четко обозначившийся к 1708–1709 гг. и вынудивший Петра начать губернскую реформу, – победоносная полтавская армия испытывала на марше к Риге серьезные проблемы с довольствием, армейская касса была пуста, и 5 августа Б.П. Шереметев писал царю: «Как афицеры, так и салдаты в даче жалованья великое оскудение имеют и не получили своей заплаты полного числа на июнь, а на июль и сей август месяцы ничего. А некоторые полки, которые были во отлучении, и на многие месяцы не получили»¹³. Руководивший финансовым ведомством «прибыльщик» А.П. Курбатов в ответ на письмо больного Петра I об отсутствии денег «в камиссарстве» отвечал царю, что и в Ратуше денег нет, а из приказов «ратушских сборов не присылают многие тысячи»¹⁴.

В-третьих, корпус Меншикова и Гольца, преследовавший уходившего Крассау, столкнулся с еще одной серьезной проблемой: на его пути встала одна из последних массовых эпидемий чумы в Европе, вспыхнувшая в 1709 г. Уже с конца августа до Петра I стали доходить известия о начавшейся в Гданьске чуме. Корпус был вынужден терять время, обходя зачумленные территории, что давало Крассау выигрыш во времени.

В-четвертых, первое ошеломляющее впечатление середины августа о Полтавской победе при европейских дворах стало уже проходить, что могло ухудшить позиции русской дипломатии на переговорах о восстановлении Северного союза.

И потому Петр, еще не вполне оправившийся от болезни, уже 15 августа выехал из Киева в Польшу, куда «с другого конца» уже двигалась саксонская армия и сам Август II.

25 августа Петр прибыл в Люблин и встречался с литовским польным гетманом Огинским и, видимо, в тот же день опубликовал манифест о вступлении в Польшу. Он пробыл в «столице венгерского вина» почти неделю, до 6 сентября, видимо, пытаясь разобраться в обстановке, сложившейся в Польше, и дожидаясь информации о месте личной встречи с саксонским монархом. В тот же день 25 августа в Польшу вступил и Август и 27 августа устроил пир встречавшим его полякам. Некоторое время монархи двигались по территории Польши, не зная о точном местоположении друг друга, но, наконец, договорились о встрече.

Российского монарха ждал еще более напряженный и насыщенный событиями сентябрь. Чума уже всю свирепствовала в Польше – от нее практически полностью вымерли шведские гарнизоны Калиша и Познани; русские войска вынуждены были менять свои маршруты, постепенно увеличивая разрыв со спешно уходившим к балтийским берегам

корпусом Крассау, который без русской конницы не решалась атаковать на переправах через реки ни польская, ни саксонская армия. Маршрут вынужден был менять и сам Петр I, который, вероятно, тоже подвергался немалому риску, передвигаясь по все больше поражаемой чумой стране. Возможно, именно поэтому Петр I почти две недели простоял в Сольцах, в конце концов, выбрав к месту свидания с Августом в Торуне речной путь по Висле. «...Мы сего дня отсель едем водою в Прусы, и первое будем в Торуне у караля Августа, а потом к прусскому поедем. И чаем по двух или трех неделях вас видеть...», – писал Петр I 20 августа своей отважной супруге, ехавшей к нему из Ковно с Астраханским полком под командой М.М. Голицына¹⁵.

За день до прибытия Петра в Варшаву в Варнице под Бендерами 22 сентября 1709 г. умер Мазепа, но, похоже, «отыгранный» исторический персонаж уже не очень интересовал Петра I, торопившегося на встречу с Августом в Торуне и не задержавшегося в Варшаве даже на сутки. Царя больше заботило состояние армий, двигавшихся к Риге через разоренные территории Литвы и Смоленщины под холодными осенними дождями: Репнин на марше «принужден ... салдатами хлеб жать и провиант строить, понеже деревни пусты»¹⁶; корпус мучимого флюсом Меншикова в Польше, при котором находился и царевич Алексей, страдал не меньше: «...в сих местах такие великие грязи и болота, каких я мало видывал ... везде здесь пустота великая и впереди во многих местах ... моровое поветрие, и того ради опасся, дабы войска не разорить...»¹⁷; армия при вступлении на чужие территории, где требовалась звонкая монета, еще большее ощущала последствия финансового кризиса. Поэтому в Дании русский посол В.Л. Долгорукий вел ожесточенную борьбу за заключение русско-датского договора и за вступление Дании в войну без обещанных ранее Россией субсидий – Россия, вероятно, просто физически не могла уже их себе позволить, и надо было спешить использовать «эффект Полтавы», чтобы добиться выгодных для страны условий.

Начавшиеся в конце сентября переговоры с Августом в Торуне тоже шли не так уж просто, но напряженные усилия Петра, наконец, увенчались успехом. Петр I все-таки успел использовать «полтавский эффект». Октябрь 1709 г. оказался для него временем «жатвы хлебов», посеянных при Полтаве. 9 октября 1709 г. после почти 10-дневных напряженных переговоров Петру удалось заключить договор с Августом, а 11 октября 1709 г. В.Л. Долгорукий в Копенгагене заключил договор с Данией без всяких субсидий. Антишведская коалиция была восстановлена. Переговоры с прусским королем в Мариенвердере, куда Петр I отправился сразу же

после заключения договора с Августом, шли быстрее и завершились уже 21 октября подписанием союзного договора, обеспечивавшего пусть и не присоединение Пруссии к антишведской коалиции, но все же благожелательное отношение прусского короля.

Таким образом, Петр I мог быть доволен октябрём 1709 г. Он сделал все, что хотел, восстановил Северный союз и в течение месяца (а точнее даже двух недель) заключил три необходимых для этого договора, причем на выгодных в целом для себя условиях. Из Мариенвердера Петр I отправил бывшего при нем Б.И. Куракина в Ганновер и Англию – это было продолжение тех же усилий, хотя и с неясным пока исходом, то есть усилий по расширению Северного союза и ослаблению возможного противодействия ему. Надо было постараться через Ганновер смягчить Англию и, возможно, привлечь нового союзника, предложив ему кость – раздел шведской Померании, Бремен и Вердер – Петр I, видимо, понимал, что до окончания Войны за испанское наследство каких-то радикальных действий не последует, но позиции Англии все-таки могут смягчиться. Тем временем началась осада Риги, но предполагаемый штурм Ревеля Петру в этом году пришлось отложить, петербургский корпус при позднем выступлении в поход понес бы слишком большие потери.

Стратегия развития «полтавского успеха» вполне себя оправдала. Несмотря на частичные неудачи (с упущенным корпусом Крассау; отменой штурма Ревеля и потерями при подготовке к нему), основные направления этой стратегии Петра удалось успешно реализовать всего за три с небольшим месяца после Полтавы, к середине октября 1709 г. И это – несмотря на огромные расстояния, плохие дороги, обуславливающие малую скорость перемещения не только самого царя, но и информации, которая могла повлиять на принятие решений; на болезнь самого Петра, из-за которой он потерял почти полмесяца личного участия в реализации этой стратегии (чрезвычайно важного, а то и ключевого); на чуму (пожалуй, последнюю крупную эпидемию в Северной Европе); на крайне тяжелый поход армии, почти непрерывно находившейся в маршах с начала лета; на достигающий своего пика финансовый кризис в России, ударивший, прежде всего, по финансированию армии и осложнявший «поле для маневра» в международных отношениях.

Реализацию этой стратегии можно признать просто стремительной. Петр I после Полтавы не «почил на лаврах», а пережил период еще более активной и бурной деятельности, чем в начале 1709 г. Пожалуй, «дополтавская» половина 1709 г. была для него гораздо более спокойной, чем половина «послеполтавская». Только к ноябрю 1709 г. он мог почувство-

вать себя относительно свободным и начать думать о возвращении в Россию к готовившемуся там торжественному празднованию полтавского «триумфа».

---

¹ Письма и бумаги Петра Великого (далее – ПБПВ). – Т. 9. – М., 1950. – Вып. 2. – С. 868.

² **Петрухинцев Н.Н.** Вниз по Дону на бригантине. (Петр перед Полтавой) // Родина. – 2009. – № 7.

³ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 1007, 10013.

⁴ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 1081.

⁵ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 1. – № 3312. – С. 287–288.

⁶ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 1. – № 3328. – С. 302–303; Там же. – Вып. 2. – С. 1120–1121.

⁷ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 1. – № 3352. – С. 321.

⁸ ПБПВ. – Т. 9. – № 3352. – С. 321–326.

⁹ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 1. – № 3343, 3351. – С. 313–314, 320.

¹⁰ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 1. – № 3283–3292. – С. 247–255.

¹¹ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 1. – № 3297. – С. 258–276.

¹² ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 1. – № 3381. – С. 344.

¹³ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 1163.

⁴ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 1174–1175.

¹⁵ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 1. – № 3428. – С. 387.

¹⁶ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 1204.

¹⁷ ПБПВ. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 1248–1250.

ГЕНЕРАЛ-ХОРУНЖИЙ ВСЕВОЛОД ПЕТРОВ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В УКРАИНСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ*

А.В. ГАНИН

Как известно, сторонники радикального украинского национализма всегда стремились к поиску исторического обоснования мнимой враждебности российских властей по отношению к Украине и украинцам в различные периоды нашей общей истории. Не стало исключением и такое масштабное событие в жизни Восточной Европы, как Великая Северная война.

В концентрированном виде наиболее вызывающие антироссийские трактовки можно найти в работах украинских эмигрантов первой половины XX в. Такая особенность связана, судя по всему, с тяжелыми условиями жизни в изгнании и потребностью эмигрантов выплеснуть накопившийся негатив по отношению к Советской России, «поработившей», как полагали сторонники подобных взглядов, в результате Гражданской войны украинские земли. Как знаток военного дела и военной истории, проблематикой Северной войны в украинской эмиграции активно занимался генерал-хорунжий армии Украинской народной республики (УНР) Всеволод Николаевич Петров (2.01.1883–10.07.1948). Анализ его работ по этой теме вполне определенно характеризует то историческое мировоззрение, которое сложилось в среде украинской военной эмиграции в целом.

Но прежде всего, несколько штрихов к портрету самого Петрова. Он родился в Киеве, в семье дворянина Киевской губернии, получил образование во Владимирском Киевском кадетском корпусе, Павловском военном училище (1902 г.) и императорской Николаевской военной академии,

---

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 08-01-00052а «Генеральный штаб в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

которую окончил по первому разряду в 1910 г. В начале своей офицерской карьеры Петров несколько лет прослужил в гвардии. С молодых лет он увлекался гимнастикой и фехтованием. Перед Первой мировой войной служил в Киевском военном округе. Петров принимал участие в Первой мировой и Гражданской войнах. В мирное время был награжден орденами Св. Анны 3-й степени (1907 г.) и Св. Станислава 2-й степени (1913 г.). В годы Первой мировой войны Петров занимал должности старшего адъютанта 42-й пехотной дивизии, штаб-офицера для поручений при штабе XXIV армейского корпуса (с 15 сентября 1914 г.), штаб-офицера для поручений при штабе X армейского корпуса (с 6 июля 1915 г.), и. д. начальника штаба 7-й Туркестанской стрелковой дивизии (с 9 мая 1916 г.)¹. Мировую войну Петров закончил в звании полковника, причем за бой 27 апреля 1915 г. заслужил Георгиевское оружие (награжден 24 января 1917 г.).

В 1917 г. на Западном фронте Петров активно участвовал в процессе украинизации, охватившем некоторые части русской армии. Состоял членом украинской Рады 7-й Туркестанской стрелковой дивизии и III Сибирского армейского корпуса². Петров даже командовал сводным украинским отрядом своего корпуса³. В ноябре 1917 г. в районе станции Осиповщина неподалеку от местечка Мир Минской губернии он сформировал из украинских частей фронта полк имени К. Гордиенко (до 500 казаков и офицеров), вместе с которым, пройдя через Пинские болота, в декабре прибыл в Киев, где принял участие в боях с большевиками, в том числе в знаменитых боях за киевский Арсенал. Здесь, в боевых порядках, он и познакомился с одним из лидеров украинского национального движения тех лет командиром гайдамацкого коша Слободской Украины С.В. Петлюрой⁴, что сыграло определяющую роль в последующей карьере Петрова. Убеждения Петлюры оказались близки Петрову, который был одновременно и украинским националистом, и сторонником левых взглядов. На протяжении 1917–1922 гг. Петров непрерывно служил в различных украинских формированиях. Столь преданных украинской идее генштабистов насчитывались буквально единицы. Неудивительно, что Петров вскоре оказался в руководстве украинской армии.

По свидетельствам сослуживцев, Петров отличался энергичностью и храбростью, хорошо проявил себя во многих боях, иногда даже как рядовой с винтовкой в руках⁵. В 1918 г. он был командиром 3-го Запорожского куреня войск Центральной Рады (с 9 февраля 1918 г., позднее – 1-й Запорожский конно-гайдамацкий полк им. К. Гордиенко). С июня 1918 г. Петров состоял в распоряжении начальника Генштаба Украинской державы, с 29 июля 1918 г. получил должность начальника штаба 12-й пехотной дивизи-

зии гетманской армии, расположенной в Лубнах, но с августа 1918 г. вновь оказался в распоряжении начальника Генштаба. Осенью 1918 г. Петров занялся военно-учебными вопросами. В частности, с 14 октября являлся помощником начальника учебного отдела пехотных школ Главного управления военно-учебных заведений (Головной школьной управы) военного министерства. С 28 октября занял пост помощника начальника 2-й Киевской объединенной юнкерской школы, с 1 декабря 1918 г. – помощник начальника офицерской инструкторской школы, с 22 декабря – начальник Житомирской юнкерской школы. Находясь на этой должности, Петров 13 марта 1919 г. был контужен, но остался в строю. Наконец, в 1919 г. начался карьерный взлет Петрова. Со 2 июня 1919 г. он – командующий Волынской группой Действующей армии УНР, а с 9 июля – военный министр УНР. На этом посту Петров многое сделал для того, чтобы усилить украинскую армию и возродить ее Генеральный штаб. В частности, он занимался переводом генштабистов с канцелярских должностей на посты, более соответствовавшие их квалификации⁶.

5 ноября 1919 г. Петров занял пост товарища военного министра, а с 1 мая 1920 г. служил инспектором пехоты армии УНР. 5 октября 1920 г. он получил звание генерал-хорунжего. В период пребывания украинских войск в лагерях интернированных в Польше с марта 1921 г. стал 1-м генерал-квартирмейстером Генерального штаба УНР, а с 19 августа 1921 г. – начальником Генерального штаба. Наконец, 24 июня 1922 г. был, видимо, по состоянию здоровья освобожден от обязанностей начальника Генштаба, и по собственному желанию уволился в запас⁷.

По характеристике украинского генерала Н.А. Капустянского, Петров – «храбрый. Успешно руководил своими частями в боях, особенно конным полком им. Костя Гордиенко. Был для воинов образцом, примером своею отвагой в боях. Талантливый, работоспособный, творческий, темпераментный, а временами и неуравновешенный в своих увлечениях. Имел связи с левыми украинскими партиями (эсеры). Они впоследствии выдвинули кандидатуру полк. Петрова на пост Военного Министра»⁸. По рассказам самого Петрова, еще в академии он вошел в какое-то оккультное общество, что подорвало его нервную систему⁹.

Дополняет характеристику Капустянского мнение другого генштабиста – помощника начальника украинского Генштаба генерала Г.Е. Янушевского, знавшего Петрова на протяжении многих лет: «...в то время в самом Ген. Штабе происходили большие нелады. Генерал Петров со свойственной ему страстностью и не скажу – со строгою обдуманностью и осторожностью – сводил свои старые счета со своими бывшими сослуживцами

по Генеральному Штабу, а ныне своими подчиненными, под видом так модной в то время «непewности»¹⁰ и делал это так, что заставил меня даже обратить его внимание на неудобство подобной расправы»¹¹. Это важное свидетельство указывает на то, что Петров уже в первые годы эмиграции, будучи начальником украинского Генерального штаба, активно использовал свое положение для сведения счетов при помощи обвинения неугодных ему лиц в нелояльности идеологии украинского национализма. Не случайно Янушевский в другом месте назвал Петрова «ярым демагогом»¹². Факты сведения Петровым личных счетов с использованием служебного положения, приведенные в мемуарах Янушевского, имеют документальное подтверждение¹³.

Вспоминая о своих предвоенных занятиях с офицерами Генерального штаба в Киевском военном округе, Янушевский писал о Петрове: «Энергичный, неутомимый спортсмен, всегда веселый, находчивый в сложных положениях, он давал основание ожидать, что при надлежащем руководстве из него выйдет прекрасный, полезный офицер Генерального Штаба. Условия службы в русском довоенном Ген. Штабе не представляли благоприятной почвы для развития тех отрицательных качеств, которые выразились в следующей, довольно близкой к действительности, характеристике генерала Петрова»¹⁴. Далее Янушевский процитировал мемуары Капустянского о Петрове, которые мы уже приводили выше.

Заигрывания Петрова с солдатской массой нашли отражение в карикатуре из украинского сатирического журнала «Колючки», изображавшей Петрова, танцующим вприсядку перед строем. С другой стороны, его поведение можно понять. Петров, по всей видимости, относился к категории «вундеркиндов», выдвинутых Гражданской войной. Именно так подобных ему выскочек презрительно именовали старые офицеры. Достаточно отметить, что Петров дослужился до генеральских чинов к 37 годам, причем прошел путь от капитана до генерала всего за шесть лет. Разумеется, никакого серьезного военно-административного опыта у него не было, но, как и у многих людей, сделавших стремительную карьеру в антибольшевистском лагере, было прекрасное понимание нюансов текущей политической конъюнктуры и сильное стремление любой ценой добиться популярности у солдат. О том, что Петров был склонен к демагогии, писал в 1923 г. и еще один украинский генерал-генштабист С.И. Дядюша. В одном из писем украинскому генералу-генштабисту В.А. Сигареву он отмечал: «Петров, имевший много лекций по Администрации, Военному искусству и тактике технических войск¹⁵, вчера уехал с женой и сыном (два месяца тому родился у него маленький демагог) в Прагу... Петров уехал демонстратив-

но, буквально ни у кого не побывавши: ни у Удовиченко¹⁶, ни у Куца¹⁷, ни у меня, очевидно с[о] здешней ориентацией все рвет, тем более, что у нас ходят сплетни (здесь подчеркнуто автором – А.Г.), что в Праге они (с.р.)¹⁸ устраивают новый центр...»¹⁹.

Приведем еще одно, крайне важное для оценки личности генерала Петрова свидетельство Янушевского: «Работать с генералом Петровым было легко: он быстро схватывал мысль и ориентировался, не спорил о мелочах, как это обыкновенно бывает с людьми узкого кругозора. На протяжении нашей 10-месячной совместной на этот раз службы наши отношения ни разу не омрачались. Но, несмотря на прекрасные служебные отношения, между нами стояла непреодолимая стена – ненависть Петрова ко всему русскому, доходившая до хитрости его скрытность, а также чересчур уже явная его демагогия, которою он как бы даже щеголял. Он сам неоднократно отзывался о себе как о демагоге. Но причин этого я так и не узнал. Полагаю, что это «дань времени» и той среде, в которой мы находились; ибо там показная ненависть ко всему русскому считалась как бы признаком «хорошего, патриотического тона». Будь в то время лейб-гвардии Литовский полк, не было бы украинского генерала Петрова, но был бы вполне корректный и лояльный гвардейский полковник Петров.

Как-то раз на обеде с польскими офицерами Генерального штаба в Калише 18 апреля 1922 г. генерал Петров в застольной речи проговорился, что «главковерх Крыленко объявил его вне закона». Быть может этим объясняется до некоторой степени ненависть его ко всему русскому. Мне же лично эта ненависть не казалась искреннею: она, по-видимому, вызывалась желанием «загладить» большой свой грех в глазах украинских «левых демократических діячей»²⁰, могущий отразиться на его будущей карьере, – явно еще недавнюю службу в «царской гвардии». А генерал Петров действительно был честолюбец и карьерист.

Но чего я никак не мог объяснить себе в характере и деятельности генерала Петрова, – это его какую-то болезненную страсть к слежке, шпионажу, к КР (контрразведке – А.Г.). Он следил за всеми и всем: он знал, кажется, все, что делалось в таборах²¹, не исключая самых интимных подробностей семейной жизни. Для этого он имел при Генеральном Штабе свою собственную КР...»²². Итак, по оценке офицера, прекрасно знавшего Петрова, его национализм был неискренним и вызывался карьерными соображениями. Впрочем, на Украине апологетическая биография Петрова недавно вышла в серии «Украинские государственники»²³. С другой стороны, подлинных и убежденных сторонников украинского национализма среди высших украинских офицеров периода Гражданской войны было

немного, так что особого выбора для идеализации у современных поклонников этого движения нет.

Петров был, безусловно, знаковой фигурой для украинской военной эмиграции и одним из ее лидеров. Кроме того, он вполне может быть отнесен к числу наиболее радикально настроенных украинских националистов из числа бывших офицеров русской армии и офицеров Генерального штаба, оказавшихся во время Гражданской войны в украинских вооруженных формированиях. Генерал В.Н. Петров не был украинцем по происхождению, а являлся потомком обрусевших шведов и норвежцев, живших на территории Малороссии. Его прадед попал в русский плен как раз во время Северной войны и в честь царя Петра получил фамилию Петров, возможно, этим отчасти объясняются симпатии В.Н. Петрова к Карлу XII²⁴. Ни происхождение, ни русская фамилия, ни служба офицером в русской армии не способствовали инкорпорированию Петрова в среду украинских националистов. Возможно, поэтому он был столь радикален во многих своих высказываниях, а для подчеркивания собственной «щирости» в эмигрантских кругах Петров любил ходить в украинской «вышиванке». В 1927 г. он был включен в число свидетелей на знаменитом судебном процессе по делу Ш. Шварцбарда, застрелившего С.В. Петлюру²⁵. По своим взглядам генерал Петров был украинским националистом, что сочеталось с его социалистическими взглядами. Идеалом государственного устройства для Петрова была трудовая республика²⁶. Возможно, по этой причине в годы Второй мировой войны он активно поддерживал политику германских национал-социалистов. По мнению Петрова, которое он высказывал весной 1943 г., если бы Гитлер был у власти в Германии в 1918 г., то украинцы не оказались бы в эмиграции²⁷.

В эмиграции как один из старших и наиболее авторитетных украинских офицеров Петров часто получал приглашения выступить на различных украинских торжественных мероприятиях. Он по-прежнему увлекался гимнастикой, участвовал в сокольском движении, занимался преподавательской работой и много печатался, работал над военно-научными, военно-историческими трудами, воспоминаниями, занимался публицистикой, которая дает полное представление о его политических убеждениях, писал стихи и даже сказки. Публикации Петрова выходили в издававшихся в эмиграции украинских газетах и журналах: «Летопись червонной калины», «Дело», «Литературно-научный вестник», «Луговик», «Днипро», «Свобода», «Украинский голос» и многих других. Петров серьезно занимался вопросами военной географии, следил за развитием военной мысли. Одной из своих задач Петров видел подготовку того, что можно назвать

украинским «Генеральным штабом», к возможной вооруженной борьбе за интересы Украины²⁸.

Нередко он печатался под псевдонимами: «Гордієнко та не Кость» (как бывший командир полка им. К. Гордиенко) и «Всеволод Лясиченко». Петров также состоял членом Украинского института обществознания, с 1923 г. был лектором физической подготовки Украинского высшего педагогического института им. Драгоманова в Праге²⁹, состоял в украинском военно-научном товариществе и был одним из его руководителей³⁰. В 1939 г. был учителем гимнастики в одной из гимназий³¹.

Семья Петрова, оставшаяся в СССР, подверглась репрессиям³². Дочь Петрова Злата, не имевшая около двух десятилетий вестей от отца, открыто радовалась приходу немцев и писала отцу из Киева 13 ноября 1941 г.: «Хотя сегодня тяжело приходится, но сознание того, что мы уже избавились от опеки «родного отца Сталина» так окрыляет к новой жизни и новой работе, что сердце бьется от счастья и хочется работать и работать на пользу нашей обновленной Неньки Украины»³³.

В годы Второй мировой войны Петров в качестве военного министра вошел в состав украинского правительства, провозглашенного летом 1941 г. ОУН С. Бандеры во Львове. Петров возлагал большие надежды на гитлеровскую Германию, принимал активное участие в переговорах с нацистами. В это время в эмигрантских кругах Петрова прочили на пост главы украинского правительства³⁴.

В изгнании Петров занялся изучением украинской военной истории начала XVIII в., выступал с докладами на эту тему. Событиям Северной войны посвящен его очерк «Московско-украинская война 1708–1711 гг.», составленный им в Чехословакии летом 1926 г.³⁵ Итак, что же писал генерал Петров о Северной войне? В каком ключе рассматривал ее события? Прежде всего, все происходившее в XVIII в. генерал Петров пропускал сквозь призму своего жизненного пути и воспоминаний о Первой мировой войне, революции и Гражданской войне, видел в событиях прошлого конкретный практический опыт для украинских националистов. Метания гетмана И. Мазепы Петров оправдывал тем, что и в XX в. многие государства лавировали между различными блоками³⁶. Сопоставляя украинские формирования XVIII и XX вв., Петров находил много общего, считая эти армии передовыми армиями всенародного типа.

По мнению генерала, национальное освобождение украинского народа невозможно без участия широких народных масс, без выдвижения социальных лозунгов, без популярных демократических лидеров. При этом, по мнению Петрова, гетман И. Мазепа стремился вести войну под соци-

альными лозунгами, тогда как они не были популярны³⁷. Обратим внимание на название его работы, значительно отличающееся от общепринятого представления, согласно которому украинско-московской войны как таковой в это время все же не было, а лишь сравнительно небольшая часть казаков во главе с Мазепой перешла на сторону шведов. Между тем, Петров писал, что украинцы составляли 40% армии Карла XII в полтавский период³⁸.

Разумеется, вину за возникновение русско-украинского противостояния Петров возлагал на Москву, которая нарушала Переяславский договор 1654 г. Москва, полагал Петров, лишь использовала украинцев и украинские территории в своих интересах, проводила русификацию, а московские гарнизоны якобы творили произвол. Хронологические рамки украинско-московской войны Петров определял как период 1708–1711 гг. Выдавая желаемое за действительное, Петров стремился показать, что Москвой на Украине в тот период будто бы все были недовольны³⁹. В работах Петрова есть и масса других откровений. Например, что Москва разрушала и уничтожала все украинское, а шведы, наоборот, не разрушили ни одного украинского города⁴⁰. Конечно, генерал явно тенденциозен в этом вопросе и, видимо, намеренно не упоминал факты террора шведов на Украине, не укладывающиеся в его концепцию. Вопреки исторической действительности Петров писал, что 6 000 украинских казаков бились на полтавском поле⁴¹. Петров призывал на основе опыта прошлого осторожнее относиться к внешним союзным силам, чтобы борьба при помощи союзников не вызвала освободительную борьбу против союзников. Ответственность за поражение в войне Петров возлагал на Карла и Мазепу. Последний, по его мнению, отличался нерешительностью. Полтавский разгром Петров считал скорее разгромом украинцев, чем шведов. Одним из ключевых постулатов Петрова было то, что Москва завладела Украиной насильственным путем. Думается, этот тезис был весьма важен для русофобской идеологии украинского национализма. Всячески пытался Петров принизить и полководческое искусство Петра I. Например, он писал, что Петр уступал в этом Богдану Хмельницкому, поскольку все силы концентрировал в одном месте, не оставляя ничего для глубоких охватов⁴².

В работах Петрова проскальзывает неприкрытая ненависть ко всему русскому, т. е. к тому, что окружало Петрова до 1917 г., когда он никак не демонстрировал свою приверженность идеалам украинского национализма. Петров «в своей ненависти, кажется, не знает границы», – писал о нем в 1924 г. один из украинских офицеров-эмигрантов⁴³. И это действительно так. Сохранились схемы, которые готовил Петров к своим публикациям

по истории Северной войны. Например, схема действий в районе Полтавы в 1709 г. Весьма показательны условные обозначения этого чертежа – запорожцы, шведы, Скоропадский, москали⁴⁴. В характеристике поручика В. Филоновича Петров отметил, что тот бежал с белыми москалями от москалей червонных⁴⁵. Таким образом, для Петрова, как, в частности и для другого видного украинского военного деятеля генерала А.И. Удовиченко⁴⁶, не было красных и белых, а существовали лишь две разновидности «москалей».

В октябре 1941 г., когда немцы были под Москвой, он поспешил в одной из украинских газет, выходивших в Польше, написать о том, что поражение СССР во Второй мировой войне является историческим фактом. Радости генерала-эмигранта не было предела, поскольку «темные людские массы» СССР прежде угрожали жизни Европы⁴⁷. Петров прямо заявлял: «Москва, сунувшаяся в Европу после победы под Полтавой над северным вождем Карлом XII и его союзником нашим гетманом Мазепой, ныне отброшена фюрером Великой Германии далеко от влияния на европейскую жизнь и, нужно верить, что навсегда»⁴⁸. Генералу очень хотелось верить, что украинцы еще во времена Мазепы осознали угрозу, которую несла человечеству Россия, и боролись с ней уже тогда, а теперь эту миссию выполняет нацистская Германия. Кстати, неудивительно, что примерно в этот период Петров писал о поддержке большевиков со стороны мирового еврейства⁴⁹.

В другой анонимной статье «Правдивое обличье Москвы» в той же газете «Краковские вести», по всей видимости, Петров печатал и вовсе удивительные излияния. Он вновь писал о том, что при Петре московские орды сунулись на Украину и разрушили столицу в Батурине, так же, как и в 1918 г. советские орды М.А. Муравьева пришли в Киев⁵⁰. Аналогия весьма сомнительная. Из этой аналогии Петров выводил тезис о том, что историческое предназначение Москвы – «дух разрушения, жажда истреблять и резать, – вот, что характеризует ее в ходе столетий, за все время ее существования»⁵¹. Москва, полагал Петров, приняла на себя духовное наследие азиатских орд. «Эта Москва, неизменная и последовательная в своей злодейской акции, является вечным врагом Украины, Европы, порядка, культуры»⁵². Петров считал, что литература на «московской мове» разлагает украинскую молодежь⁵³, писал о примитивности россиян⁵⁴. Ознакомление с некоторыми публикациями Петрова оставляет впечатление, болезненной русофобии. Кажется, что перед нами не представитель военной элиты дореволюционной России, получивший в России и воспитание, и возможность сделать блестящую карьеру, и положение в обществе, а ка-

кой-то средневековый варвар. Самое интересное, что позиция Петрова не вызвала ни возмущения, ни удивления в украинской эмиграции. Так что есть все основания полагать, что другие украинские эмигранты, тем более, если речь идет о военной эмиграции, немногим отличались по своим взглядам от Петрова.

Однако ненависть – плохой советчик, и генерал Петров в своих суждениях эпохи Второй мировой войны жестоко просчитался. В конце войны ему пришлось бежать с насиженных мест в западную Германию, чтобы не попасть в плен не пожелавшей остаться на европейских задворках Красной армии. Спустя три года Петров, с сознанием полного крушения всех надежд, умер в беженском лагере Регенсбург в Западной Германии.

Интересно понять причины возникновения такого восприятия истории, которое содержится в статьях и рукописях генерала Петрова, в общем-то, человека русской культуры. Каким образом такой махровый русофоб мог оказаться в корпусе офицеров Генерального штаба, попав в эту элитную внутриармейскую корпорацию? Насколько вообще лояльны власти и патриотичны были офицеры-генштабисты? Единственным объяснением является, что называется, не врожденная, а приобретенная после 1917 г. по карьерным соображениям русофобия Петрова. К сожалению, карьеризм был одним из главных пороков офицеров-генштабистов русской армии. Именно поэтому в их среде и встречались люди вроде Петрова.

Вступив по каким-то соображениям на путь украинизации в 1917 г., в период Гражданской войны и после нее Петров сознательно порвал всякие связи с Россией, прежним кругом общения и стремился инкорпорироваться в украинскую военно-политическую среду для успешного продвижения по карьерной лестнице уже в ее рамках. Признаком лояльности идеалам украинской государственности и была оголтелая русофобия, которую генерал постоянно демонстрировал в своих эмигрантских публикациях. Таким образом, перед нами уже не русский офицер, а один из наиболее рьяных проводников идей украинского национализма.

Разумеется, работы генерала Петрова о Северной войне и военной истории XVII–XVIII вв. нельзя назвать академическими, хотя некоторые из них и претендуют на научность. Тем не менее в этих трудах в полной мере отразились те установки, взгляды и оценки, которые были характерны для идеологии украинского национализма в эмиграции. Некоторые из этих взглядов, хотя и в более умеренном выражении, находят свое отражение и логическое продолжение в современной украинской национальной историографии. Конечно, для украинского национального самосознания всег-

да остро стоял вопрос с кем быть – с Россией или с Европой. Традиционно эти два полюса ориентации противопоставлялись, хотя такое противопоставление в значительной степени было искусственным. Идеология радикального украинского национализма неизбежно поднимала на щит идею того, что Украина является неким форпостом, ограждающим западный мир от азиатских орд, угрожающих ему из России. Во времена генерала Петрова речь шла о союзе против этой вымышленной угрозы с «фюрером Великой Германии», а вполне прозрачные параллели сегодняшнего дня в представлении не нуждаются.

---

¹ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 г. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июня 1914 г.). – Пг., 1914. – С. 590; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Января 1916 года (С приложением изменений по 1 Марта 1916 г.). – Пг., 1916. – С. 115; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е Января 1917 г. (С приложением изменений по 8 Февраля 1917 г.). – Пг., 1917. – С. 113.

² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОУ). Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 344.

⁴ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 2. Д. 124. Л. 31.

⁵ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 124. Л. 1, 2 об.

⁶ Процес генерала Мирона Тарнавського в 1919 р. – Вінніпег, 1976. – С. 19.

⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 4. Д. 9. Л. 45. Подробнее см.: **Тинченко Я.Ю.** Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. – К., 2007. – С. 334–335.

⁸ **Капустянский М.** Похід Українських Армій на Київ – Одесу в 1919 році (Короткий военно-історичний огляд). Кн. 1. – Мюнхен, 1946. – С. 49.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 117 об.

¹⁰ «Непевность» – от укр. «певний» – благонадежный – А.Г.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 217 об.

¹² Там же. – Л. 220 об.

¹³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 3 об.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.

¹⁵ Речь идет о преподавании Петрова на руководимых генералом Дядюшей ускоренных курсах подготовки штабных офицеров в украинском беженском лагере Калиш – А.Г.

¹⁶ Удовиченко Александр Иванович – генерал-полковник армии УНР, окончил ускоренный курс Николаевской академии Генерального штаба (1917 г.) – А.Г.

¹⁷ Куц Виктор Максимович – генерал-хорунжий армии УНР, выпускник Николаевской академии Генерального штаба (выпуск 1912 г.) – А.Г.

¹⁸ С.р. – социалисты-революционеры – А.Г.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 47.

²⁰ Діяч (укр.) – деятель. Этим словом генерал Янушевский называет разделявших идеологию украинского национализма, но неквалифицированных политических и государственных деятелей – А.Г.

²¹ Речь идет об украинских беженских лагерях в Польше – А.Г.

²² ГА РФ. Ф. Р–7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 118 об. – 119.

²³ **Сергійчук В.** Всеволод Петрів. – К., 2008.

²⁴ Там же. – С. 7–8.

²⁵ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

²⁶ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 2. Д. 3. Л. 10.

²⁷ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 130. Л. 44.

²⁸ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 127. Л. 97.

²⁹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 124. Л. 44, 54; Д. 125. Л. 11.

³⁰ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 381. Л. 1; Оп. 2. Д. 159. Л. 88 об.

³¹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 19.

³² ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 129. Л. 155–155 об.; **Сергійчук В.** Всеволод Петрів. – К., 2008. – С. 279–280.

³³ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 129. Л. 155 об. – 156.

³⁴ Там же. – Л. 75.

³⁵ Машинописный экземпляр очерка с автографом Петрова хранится в: ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 5а. Л. 60–80. Впервые опубликован В. Сергійчуком в сб.: На пошану 80-річчя професора Теодора Мацьківа. Науковий збірник. – Київ, 1999. – С. 122–147.

³⁶ **Петрів В.** Військово-історичні праці. Спомини. – К., 2002. – С. 186.

³⁷ Там же. – С. 187.

³⁸ Там же. – С. 25.

³⁹ Там же. – С. 188–189.

⁴⁰ Там же. – С. 196.

⁴¹ Там же. – С. 200.

⁴² Там же. – С. 169.

⁴³ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 92.

⁴⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 127. Л. 57.

⁴⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 168. Л. 140.

⁴⁶ **Удовиченко О.І.** Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. – К., 1995. – С. 127–128.

⁴⁷ **Петрів В.** Військово-історичні праці. Листи. – К., 2004. – С. 170–171.

⁴⁸ Там же. – С. 172.

⁴⁹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 129. Л. 58.

⁵⁰ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 132. Л. 62 об.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 163. Л. 5.

⁵⁴ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 2. Д. 3. Л.

300-ЛЕТИЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЯХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОЛОГИЯХ

П.Н. РУДЯКОВ

Одной из отличительных черт современной эпохи в гуманитарной сфере стала подмена знания о том или ином процессе, событии, явлении представлением о них или, иначе говоря, образом каждого из них. Причем образом, формируемым преимущественно или даже целиком не на основе подтвержденных в результате научных исследований сведений, а исходя из ситуативно сложившихся обстоятельств, в том числе политических.

Немалое число специалистов в области различных научных дисциплин видят в этом проявление общей тенденции управляемого перехода от идеологии к имагологии, сопровождающегося определенными политическими и социокультурными «наслоениями» и, в частности, радикальным изменением характера оценки и осмысления как всего массива истории человечества, так и отдельных его национальных составляющих.

Параллельно с этим в целом ряде обществ, оказавшихся в силу объективных причин в состоянии общественно-политической и социально-экономической трансформации, происходит фрагментация взглядов на язык, историю, культуру и социальную роль каждого из этих явлений с целью перекодировки общественного сознания путем уничтожения целостного представления о них «старого образца», имея в виду последующее формирование целостности нового типа. Пока же эта цель не достигнута, и новой целостности не существует, по умолчанию продолжает действовать целостность старая, из контекста которой вырываются отдельные сегменты.

Полтавская битва, трехсотлетие которой отмечалось в 2009 г. во многих странах, как раз и представляет собой одно из событий, оказавшихся в центре пристального внимания, например, в Украине в связи с активизацией процесса становления нового украинского национального мифа, сфо-

кусированного на обосновании глубокой и прочной исторической укорененности концепта национальной государственности и, к тому же, в силу некоторых обстоятельств отягощенного значительной долей русофобии.

И сама битва, и личность гетмана Ивана Мазепы входят в пятерку наиболее востребованных новой украинской властью исторических событий, представляемых в совершенно новом свете без какой-либо оглядки на установившуюся в предыдущие годы традицию и даже вопреки ей.

Современная украинская историческая наука предпочитает, не выходя за рамки собственно научного дискурса, рассматривать Полтавскую битву и события, с нею непосредственно связанные, не столько как историческое событие, сколько как элемент новой национальной мифологии. Данная, пока что в большей степени виртуальная, чем реально существующая, мифология при этом пребывает в стадии становления, вычленяясь из некоего предыдущего состояния, в котором сосуществовала вместе с другими компонентами общего целого, обслуживая принципиально иные идеологические установки и государственные концепты.

Связь с исторической основой в чем-то сохраняется, в чем-то нет, доводя до такого положения дел, в котором узнать историю под «покровом» мифологии оказывается сложно, настолько исторические факты и их оценка изменяются и адаптируются под новые установки и задачи.

В Украине сегодня настойчиво ищут собственную национальную историю и свою национальную мифологию, которые были бы отличны от русской, советской, а также совместной русско-украинской. Вряд ли по этой причине стоит говорить о «фальсификации» истории. Хотя во многих случаях предлагаемая интерпретация исторических фактов, явлений, персоналий страдает чрезмерной произвольностью и заданностью, это все-таки скорее политизация и инструментализация, т. е. целенаправленное, осознанное использование истории в качестве средства политической борьбы и инструмента идеологии и политики в большей степени, чем обращение к ней как к научной дисциплине, призванной восстановить для новых поколений действительную картину прошлого.

Ключевым элементом нового украинского взгляда на обстоятельства русско-шведского противостояния трехсотлетней давности вполне логично, если, конечно, исходить из преследуемых целей и задач, выступает личность гетмана Ивана Мазепы и ее историческая роль. Образ этого деятеля оказался предметом серьезнейшего пересмотра, направленного, прежде всего, на очищение его от клейма предателя, представление поборником национальных интересов и борцом за самостоятельную украинскую государственность, ориентированную на Европу и независимую от России.

В свете новейших политических и геополитических реалий, искусственно проецируемых на эпоху Петра I и Карла XII, метания И. Мазепы между шведским королем и русским царем представляются как проявление политики «многовекторности» с нескрываемой аллюзией на нынешнюю ситуацию в Украине, положение и поведение Украины в регионе и в мире, а также связываются с характером и особенностями поиска Киева своего места в конфигурациях, диктуемых так называемым «новым мировым порядком».

Гетман, добровольно принимающий на себя роль «слуги двух господ» и осознанно допускающий элементы «блефа» на грани измены и даже за этой гранью в отношениях с каждым из них, объявляется сторонником «европейского выбора» Украины. При этом попытки Мазепы изменить Карлу и в решающий момент опять перейти на сторону Петра как бы не замечаются и не акцентируются. Этому в немалой степени способствует негласное, но ставшее в последнее время у нас чрезвычайно популярным представление, согласно которому предательство по отношению к России и к русским для «настоящего» украинца не может быть квалифицировано как предательство.

В измененной в соответствии с гласными и негласными постулатами нового украинского национального мифа системе координат, в которой Мазепа предстает третьим участником русско-шведского конфликта, причем совершенно равноправным с двумя другими – королем Карлом и царем Петром, такое, казалось бы, немотивированное и неподкрепленное историческими документами видение, легализованное на основе новой целесообразности, вдруг приобретает черты определенной конкурентности, превращаясь в предмет для обсуждения.

Вне рамок нового украинского национального мифа тезис «Мазепа – не предатель, а герой» выглядит, само собой разумеется, неубедительно и даже несколько странно. В рамках же этого мифа его героичность не вызывает ни сомнений, ни отторжения, обусловленного этическими мотивами. Особенно в том случае, если принять в качестве аксиомы (как это и делается), что личные интересы и амбиции Ивана Степановича полностью совпадают с национальными интересами всего украинского Левобережья и что союз Мазепы со шведами, подкрепленный разрывом с Петром I и с Россией, выгоден не только ему самому, но и всем украинцам.

Стремление к реабилитации гетмана И. Мазепы, к очищению от негативных коннотаций его измены русскому царю, к героизации его образа стали главной причиной того, что украинская мифологема «Мазепа-герой» приобрела уникальный характер, вступив в очевидное противоречие

с представлениями об этом историческом персонаже, распространенными в других национальных историях и исторических мифологиях, например, в русской, белорусской, польской, сербской и др. Любопытно отметить, что трактовка Полтавской битвы и «многовекторного» поведения И. Мазепы в ходе подготовки к ней и ее проведения в современной шведской исторической науке и в шведском общественном сознании существенно отличаются от того, что предлагается на официальном уровне в Украине.

«Украинский» Иван Мазепа сегодня совсем не похож ни на «русского», ни на «шведского» Мазепу, хотя все три образа формируются, вроде бы, на тех же самых документальных и других материалах, посвященных одному и тому же историческому событию. Это обстоятельство естественным образом наводит на мысль о том, что в данном случае значение фактажа отступает на второй план, оказываясь подчиненным концепции осмысления и освещения фактических данных. Хотя и принято считать, что факты – упрямая вещь, но и им, как видим, при желании удается придать желаемую форму.

Признание факта единства интересов И. Мазепы и народа, кроме всего прочего, должно было бы, очевидно, повлечь за собой утверждение в коллективном сознании современных украинцев или хотя бы части из них представления о пребывании шведской армии на украинских землях как об «освободительном походе», приветствовавшемся их далекими предками. Поверить во что-либо подобное крайне сложно. Во-первых, вследствие того, что для мирного населения любая армия, проходящая по местам его проживания, это всегда катастрофа, связанная с материальными потерями и моральными переживаниями. Во-вторых же, потому что в начале XVIII в. для православных украинцев шведы считались безусловными врагами и воспринимались как «чужие», в то время как русские, хоть и были «москалями», воспринимались все же как единоверные друзья-соратники и как «свои», тем более при сопоставлении их с прибывшими из далеких пределов, весьма странными и по виду, и по поведению шведами.

Стремление к изъятию из восприятия Полтавской битвы такого, без преувеличения, важнейшего компонента ее исторического значения и мифологического смысла, как единство русских и украинцев в борьбе против иностранных захватчиков – шведов, а также к эмансипации отдельной от других украинской Полтавы, проявляющееся у многих киевских «режимных» историков, имеет одним из своих последствий исчезновение в украинском национальном варианте интерпретации Полтавской битвы и Северной войны содержательного элемента победности.

Украина сегодня наотрез не желает считать битву под Полтавой против шведов своей победой или хотя бы общей русско-украинской победой. Большой популярностью стало пользоваться представление об Иване Мазепе в частности и об украинском народе того времени в целом как о жертвах царя Петра и русского влияния. Такой подход, наверное, имеет право на жизнь, однако, даже без глубокого научного анализа вызывает целый ряд вопросов, производя впечатление одностороннего и дискуссионного.

Не может не показаться странным и удивительным в связи со сказанным еще и то обстоятельство, что украинская нация и государство Украина, в активе которых и без того не так уж много собственных ярких исторических успехов и побед, получивших европейский и мировой резонанс, упорно и упрямо отказывается одну из таких побед манифестировать как свою. В силу этого само собой возникает ощущение, что создателям новой украинской национальной мифологии исторические победы по каким-то причинам не особенно интересны и не очень-то нужны. Их внимание сосредоточено на чем-то другом, что должно позволить сформировать в коллективном сознании современных украинцев специфическую модальность отношения к национальному прошлому, отличную от модальности, основанной на победном духе, на эмоциях, связанных с новым переживанием былых, но остающихся памятными, побед.

Подобное, кстати, происходит и с историей Второй мировой войны, о вкладе в общую победу в которой украинцев и Советской Украины как одной из республик СССР независимая Украина или вообще не вспоминает, или же вспоминает крайне мало и неубедительно. На наш взгляд, это представляется прямым следствием, во-первых, русофобии, возведенной, к сожалению, сегодня в Украине в ранг национальной идеологии и государственной политики, во-вторых, откровенного желания культивировать исторический образ «страны-жертвы» и «нации-жертвы».

ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

В.Е. ЖУРАВЛЕВ

Рассматривая Полтавскую победу, можно подходить с разных позиций – военно-политической, культурно-исторической, символической и т. д. С любой точки зрения она стала важной вехой в истории России. Благодаря победе под Полтавой Россия вошла в круг ведущих европейских держав, решила ряд важнейших геополитических задач, прежде всего, овладела южным побережьем Балтийского моря. Это, в свою очередь, позволило установить тесные экономические, политические и культурные связи с европейскими государствами – Англией, Францией, Австрией, Голландией и др. Была ликвидирована военная угроза со стороны Швеции не только для России, но и для Польши, Дании, Австрии и иных европейских стран. В 1721 г., после окончательной победы над Швецией, Россия стала империей. Полтавская победа в сражении, которое длилось всего два часа, стала решающим эпизодом Северной войны, в котором, как в зеркале, отразилась новая судьба Российского государства. Полтавскую победу необходимо рассматривать в контексте всей Северной войны, так же как Северную войну следует оценивать в системе координат всей внешней и внутренней политики России конца XVII – первой половины XVIII в.

По мнению современных исследователей, процесс модернизации России насчитывает три волны: реформы Петра I, реформы 1860-х гг. и советская модернизация второй половины 1920-х – первой половины 1950-х гг. Отметим, что сам по себе термин «модернизация» (в буквальном смысле – «осовременивание») является небесспорным и менявшим свое содержание с течением времени. Первоначально под модернизацией понимался переход от традиционного аграрного общества к индустриальному. Однако с середины 50-х гг. XX в. теория модернизации стала использоваться западными политологами в качестве идеологического

оружия информационно-пропагандистской войны с коммунистической идеологией. В этом дискурсе либеральная модернизация стала представляться как универсальная модель развития человечества, в соответствии с которой мировой рынок является самым рациональным экономическим регулятором распределения ресурсов. О негативных последствиях подобного экономического либерализма еще в середине XIX в. предупреждал немецкий ученый-экономист Фридрих Лист, а в начале XX в. в России с ним солидаризировались русский ученый Д.И. Менделеев и выдающийся царский министр С.Ю. Витте.

Петровские реформы были основаны не просто на подражании европейским образцам и внедрении в России западных технологий, но на глубоком понимании национальных интересов в области государственного строительства и развития экономики. Переход к регулярной армии, создание Сената вместо Боярской думы, введение «Табеля о рангах», учреждение Российской академии наук, издание первой русской газеты, строительство флота, организация морских исследовательских экспедиций, основание Санкт-Петербурга, устройство дворянских собраний и даже учреждение специальной тайной канцелярии «Слово и дело» – все эти меры были направлены на формирование эффективных государственных и гражданских институтов применительно к тогдашним российским условиям.

Петр I не просто организовывал вывоз за границу российского сырья, но занимался развитием производительных сил страны. При этом промышленная политика увязывалась с пространственно-географическими особенностями российских регионов. Простому кузнецу из Тулы Демидову Петр поручил строительство заводов на Урале для выплавки чугуна и стали, также развивались заводские комплексы на территории европейской России. За столетия последующего индустриального развития они прошли путь, аналогичный промышленным регионам мира, таким, как Рур, Эльзас, Лотарингия и др. Например, в Замоскворецкий горный округ в конце XVIII – первой половине XIX в. входило около 40 металлургических предприятий Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Калужской, Орловской, Тульской, Костромской и Вологодской губерний. Социальные инновации Петра I создали социально-экономический, политический и культурный формат Российской империи, который обеспечивал ее успешное развитие, по крайней мере, до середины XIX в., когда Россия столкнулась с новыми вызовами со стороны европейских держав. При этом петровские реформы в целом сохраняли основы национальной культуры и самобытности. Там же, где они наруша-

лись, например, в церковной сфере или в некоторых областях быта, возникали социальные напряжения. Так, раскольники, появившиеся еще ранее в ответ на церковные реформы Никона, не признавали Петра, называя его антихристом.

Интересно, что опыт внедрения новых технологий при сохранении традиционных ценностей уже во второй половине XX в. продемонстрировали Япония и Китай, создавшие конкурентоспособные на мировом рынке экономики. Кстати, последовавшая волна российских реформ второй половины XIX в., осуществленная в либерально-западническом векторе развития, породила в российском обществе новые социальные противоречия, ответом на которые стали Февральская и Октябрьская революции 1917 г. и «сталинская» индустриализация.

Возвращаясь к Полтавской битве и личности Петра I, снова зададимся вопросом, почему стала возможна победа российского оружия и все эти грандиозные социальные инновации, произведенные российским государем? Анализ исторического события с точки зрения социологической теории указывает на необходимость наличия объективных социально-экономических, культурных и политических предпосылок для его наступления, с одной стороны, и сознательное целеполагание субъекта действия в контексте психологических мотивационных установок – с другой. Обращаясь к русским воинам перед началом битвы под Полтавой, Петр сказал: «Вы сражаетесь не за Петра, а за государство ему вверенное, за Отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия в славе и благоденствии». Петр I обладал тем, что с позиции категорий политической социологии и социологии управления определяется понятием «харизма». Политическое лидерство определяется структурой самой личности, включающей в себя совокупность ценностных ориентаций, стиль политической деятельности, особенности вербального дискурса и символической политики. Востребованные обществом ценностные характеристики, в свою очередь, задаются типом национально-государственной и религиозно-этнической культуры. К важнейшим факторам политической харизмы относятся также нравственные качества личности, физические и интеллектуальные данные, эмоциональная связь политика с окружением. Иногда смешиваются понятия формального социального лидерства и харизматичности как личностной характеристики политика. Однако формальное социальное лидерство может достигаться и при отсутствии личных заслуг в этом самого деятеля. Например, наличие родственных и коррупционных связей, финансового капитала, информационного ресурса и т. п. могут привести и безликую личность на вершину политической

власти. Имиджмейкерские технологии создадут мифологический образ героя, референты напишут речь, режиссеры подгонят соответствующую картинку, составят видеоряд. Но способны ли такие политические лидеры осуществить адекватное целеполагание, восприниматься со стороны общества цельными личностями, увлечь за собой людей личным примером, добиться реализации поставленных задач в экстремальных условиях, достойно представлять страну на внешней арене? Петр I, сумевший путем проведения системных социальных инноваций превратить Россию из периферийного Московского государства, каким оно было в конце XVII в., в конкурентоспособную влиятельную мировую державу, является, безусловно, ярким политическим лидером.

Уже при жизни Петра I русские люди прозвали его Великим. И не только потому, что своим ростом он превосходил современников, а прежде всего, за его выдающиеся дела. Планировавшаяся Петром морская экспедиция достигла берегов Аляски. Петр пытался обеспечить России выход не только в Балтийское, но и в Средиземное, и Каспийское моря. Не все его замыслы удались, и не все проекты в полной мере были результативными, однако достигнутые успехи и победа в Полтавской битве занимают в этом смысле особое место, являются убедительным показателем успешности социальных инноваций, проведенных политическим лидером во внутренней жизни и внешней политике России.

Бутромеев В. Русская история для всех. – М., 1994.

Виноградов В.А. Экономическая история и современность: к 20-летию Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории / В.А. Виноградов, Н.М. Арсеньев, Л.И. Бородкин. – Саранск, 2009.

Григорьева Н.Ю. Возможности структурирования харизмы // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы». – М., 2003. – Т.1. – С. 698–699.

Лысюк А.И. О специфике анализа социокультурных детерминант политического лидерства / Там же. – С. 700–702.

Френк Н.В. Политическая харизма как категория социологии / Там же. – С. 710–711.

МАЗЕПА КАК ИНДИКАТОР ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

И.Н. ГАЛИНСКИЙ

Историю, исторические события всегда следует воспринимать в ценностных категориях той эпохи, того исторического времени, когда они происходили. Ни в коем случае нельзя подгонять их к сегодняшнему восприятию мира, иначе это будет уже не история, а какая-то практическая политика сегодняшнего дня.

Несмотря на это, мы раз за разом наблюдаем, как в разных государствах новые политические элиты пытаются кардинально поменять оценочную составляющую того или иного исторического события или исторической личности. Образно говоря, знак «минус» поменять на «плюс», и наоборот.

Практически все это присутствует в национальных историях постсоветских государств, в частности, в Украине, где создается своя, национально ориентированная доктрина, которая формирует общее мировоззрение, те взгляды и ценности, по которым украинское общество сегодня должно жить. Это обстоятельство делает историю в сегодняшних украинских условиях чрезвычайно уязвимой. Она фактически становится объектом мифотворчества, а мифы истории не просто рассматриваются как реальные факты, но становятся элементом воспитания и образования. Именно в таком контексте национальный миф, внедренный в современные украинские учебники истории, считается вещью не только полезной, но и необходимой.

Если только на миг предположить, что в прошедшие исторические эпохи так могли поступать пришедшие к управлению своими государствами властители, т. е. заниматься переписыванием истории, то может быть, действительно, как утверждают А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский, наша с вами история – это история во многом искаженная или даже выдуманная.

Чтобы этого не допустить, чтобы еще сравнительно недавние исторические события не переворачивались с ног на голову, историки, обществоведы должны уходить от политических пристрастий и сегодняшних ложно понимаемых национальных приоритетов и воссоздавать объективную историческую картину прошедших эпох, исходя из анализа реальных фактов и событий.

В этом контексте весьма поучительной и в то же время демонстративно-политической нам видится ситуация, складывающаяся вокруг новых оценок, толкования такой личности, как гетман Иван Мазепа, которая оказалась в центре общественного и идейного противостояния в современной Украине. Причем, и об этом следует сказать особо, украинское общество, согласно проведенным социологическим исследованиям разделилось приблизительно поровну в оценке его политической деятельности. Для одних он по-прежнему остался символом предательства и национальной измены, человеком, который изменил Украине, украинскому народу, русскому царю и братской России. Для других, прежде всего значительной части интеллигенции, политиков и общественных деятелей Украины, отношение к нему стало своеобразным символом мировоззренческого и политического выбора. Эти персоналии не тяготеют моральным дискомфортом предательского поступка Мазепы. Главное для них – его политическая составляющая. Именно поэтому официальные власти Украины целенаправленно проводят линию на его возвеличивание, создание ему своеобразного культа во благо национальной идеологии современной Украины. Сегодня даже великий украинский поэт Тарас Шевченко с точки зрения официальной позиции как бы отошел на второй план. Главным украинцем всех времен все больше становится Иван Мазепа.

При этом не только представители государственной власти Украины, но и официальная украинская историческая наука тоже объявляет Мазепу народным украинским героем. В школах Украины сегодня учителя рассказывают детям о гетмане Мазепе как о великом сыне Украины, который мечтал увидеть украинскую землю свободной и счастливой, стремился сделать Украину великой европейской державой и освободить ее из-под гнета московского государя. Большинство украинских историков доказывает, что Мазепа был не предателем, а выдающейся личностью, поэтому, мол, когорту великих украинцев должен возглавить именно Мазепа.

Имя и портреты Мазепы сегодня буквально наводнили Украину, замелькали на газетных полосах, в журналах, с теле- и киноэкранов. Чего только стоит скандальный фильм «Молитва за гетмана Мазепу», в котором Мазепа изображен национальным героем, вдохновителем движения

сопротивления «москалям», а Петр I – сущим чудовищем с целым букетом мерзких пороков, геем, страдающим сексуальными девиациями и умственными расстройствами.

Заголовки украинских газет сегодня гласят – «Патриот украинской нации», «Строитель украинской державы», «Борец за самостоятельную и независимую», «Верный сын украинского народа». И это все – Мазепа. Между тем, абсолютно объективные исторические факты, основанные на источниках, на документах, беспристрастно демонстрируют нам, что Мазепа на определенном этапе своей политической карьеры изменил клятве верности, присяге на верность русскому царю Петру I, нарушил свой долг перед своим народом и народом России.

В те судьбоносные годы гетман Мазепа и практически вся Украина оказались по разные стороны баррикады. Украинский народ в своей массе не поддержал измену Мазепы, наоборот, заявил, что это предательство, которое нельзя оправдать, остался верен России, славянскому выбору.

Так кем же на самом деле был гетман Иван Мазепа? Вот какую характеристику дает ему известный российско-украинский историк Н.И. Костомаров в своей книге «Мазепа»: «В нравственных правилах Ивана Степановича смолоду укоренилась черта, что он, замечая упадок той силы, на которую прежде опирался, не затруднялся никакими ощущениями, чтобы не содействовать вреду падающей, прежде благотельной для него силы. Измена своим благодетелям не раз уже высказывалась в его жизни. Так он изменил Польше, перешедши к заклятому ее врагу – Дорошенку, так он покинул Дорошенку, когда увидел, что власть его колеблется. Так и еще беззастенчивее поступил он с Самойловичем, пригравшим его и поднявшим его на высоты старшинского звания. Так же поступил он теперь со своим величайшим благодетелем, перед которым еще недавно льстил и унижался».

Именно в таком контексте воспринимает Мазепу значительная часть украинского общества, выступая против фальсификации Полтавской битвы, против мазепинского мифа, с помощью которого определенные политические силы в Украине хотят разорвать историческую память и зомбировать народное сознание. Эта часть общества выступает против целенаправленных попыток оторвать Украину от Русского мира, за культурное, этническое и политическое единство с Россией в прошлом, настоящем и будущем.

Как тут не вспомнить обоснованное утверждение известного российского ученого-евразийца Николая Трубецкого, сформулированное еще в 1927 г. в статье «К украинской проблеме» о том, что «Российская империя

по сути была не просто российской, а российско-украинской». Иначе говоря, украинство всегда считалось неразрывной частью российского. Вот этого-то и не хочет помнить, от этого хочет уйти нынешняя правящая украинская политическая элита.

В условиях, когда конструирование новой национальной истории становится в Украине важнейшей политической задачей, президент В. Ющенко как выразитель мнения этой политической элиты заявляет, что исход Полтавского сражения лишил Украину шансов на независимое и европейское развитие. Поэтому, мол, «Полтавская битва – это трагедия упущенных возможностей».

Таким образом, если резюмировать ведущуюся в Украине «войну с историей» на примере возвеличивания Мазепы, мы видим, что история может быть наукой, но может быть и манипуляцией, фальшивкой, инструментом и аргументом в политике, способом национального самоутверждения. Такая история, опираясь на национальные чувства, становится «познанием» через создание собственного мифа, мифа о патриоте и герое Мазепе, мифа, который характеризует главные духовные и социальные ценности, модель поведения для нынешней украинской политической элиты.

ЧИ МОЖНА ВВАЖАТИ І. МАЗЕПУ ЗРАДНИКОМ?

М.Є. ГОРСЛОВ

У 1687 році гетьманську булаву (за допомогою Петра) отримав І. Мазепа. Але згода його на укладання так званих «Коломацьких статей» стала ще одним кроком назад у справі політичної автономії Української держави: вони заперечували державний характер гетьманської влади і державний статус Гетьманщини. Забороняли для її характеристики таке правове визначення як «Малоросійський край гетьманського регіменту» й зобов'язували трактувати, що вона належить до єдиної держави з Великоросійським краєм. Вперше в них визначалося, що гетьман і старшина зобов'язані «народ малоросійський всякими засобами і способами з великоросійським народом з'єднувати», сприяти змішаним шлюбом тощо. Передбачалося введення московського гарнізону до гетьманської столиці Батурина. Підтверджувалася заборона на дипломатичні відносини з іншими країнами, висловлювалося застереження, що новий гетьман не повинен порушувати «Вічний мир» з Річчю Посполитою (тобто мав відмовитися від претензій на Правобережну Україну). Однак І. Мазепа продовжував писатися «гетьманом обох сторін Дніпра»¹.

Протягом багатьох років реальними справами гетьман спростував численні доноси, які йшли у Москву з України (найвідоміший – Кочубея та Іскри). Він керував будівництвом на запорозьких землях царської Богородицької фортеці на р. Самарі, брав участь разом зі своїм військом у поході на Крим; вислав полки проти Петрика, котрий закликав виступити проти царя; надавав свої військові формування для участі у Північній війні, на будівництво на Ладозі тощо. А потім сталося неймовірно, з точки зору Петра I та його оточення, – восени 1708 р. гетьман із частиною свого війська та запорожцями перейшов на бік короля Карла XII з метою визволення України від імперської влади і встановлення паритетних відносин зі Швецією.

Чому це сталося? Будуючи модерну європейську імперію, Петро I не міг не скасовувати архаїчні структури Малоросії: полкову організацію влади, наявність у краї своєрідної піратської Тортути - Запорозької Січі тощо. Тому на ці традиційні для України інститути відбувався постійний тиск, а їх права ставали все примарнішими. Створюючи професійну регулярну армію, цар планував реорганізувати в цьому плані й українське військо. І з точки зору інтересів імперії це було абсолютно необхідно.

З точки ж зору Мазепи і наближеної до нього старшини це було суцільним крахом: з великих магнатів вони перетворювалися на «служивих людей», повністю залежних від царської ласки. На що міг розраховувати старий Мазепа за таких умов: на ще один високий орден від царя, чи на зайвий бочонок з червінцями? Для одного з найбагатших магнатів тодішньої Європи це були дитячі іграшки. А що, в разі успіху, приносив йому союз з Карлом XII? Тимчасове збереження люб'язної для гетьмана «старини» і, більше того, статус «першого прокуратора» Швеції як на Україні, так і в Польщі та Росії. Якби Карло XII переміг під Полтавою, постать Мазепи висувалася б в один ряд з європейськими самодержцями. Чи міг він пройти повз такий шанс? Безперечно, ні. До того ж підписанням у 1667 р. між Польщею і Росією Андрусівського договору, за яким Правобережна Україна знову переходила під владу Речі Посполитої, Росія сама вчинила акт зради по відношенню до України. Тому дивуватися вчинку Мазепи, або засуджувати його за нього немає жодних підстав. Він діяв так, як підказувала йому логіка подій, що відбувалися. І Петро I так різко зреагував на т. зв. «зраду» Мазепи не через неї як такої – подібних прикладів у ті часи було безліч. Тут ми маємо скоріше справу з емоціями людини, яка любила гетьмана і повністю йому довіряла. Саме в цій площині слід розглядати і церковну анафему, і ритуал страти мазепинської «парсуни». А далі в силу вступила вже історична традиція. Тим більше, що імперська пропаганда перетворила Мазепу на своєрідний жупел, паплюженням якого виправдовувалися всі подальші кроки Росії по інкорпорації України.

Отже, розрахунки І. Мазепи зазнали краху – Полтавська перемога росіян майже вщент зруйнувала гетьманську державність. Гетьману не вдалося підняти проти Москви український народ. Причини цього спробував розкрити М. Брайчевський. «І. Мазепі, – пише він, – теж аніскільки не пасує роль «народного героя»: це був великий феодал, який всю свою державну діяльність присвятив реставрації феодальних порядків на Україні... Спочатку він орієнтувався на Петра I і цим дискредитував російсько-український союз. Потім він виступив проти Росії і тим дискредитував національно-визвольний рух. Народ дійсно ненавидів Мазепу, але

природа тієї зненависті лежить в сфері не міжнаціональних, а класових відносин. Жоден державний діяч не зробив стільки для закріпачення українського посіпльства (за винятком, звичайно, Катерини II) як Мазепа, і саме це забезпечило йому всенародну відразу»². Щоправда, необхідно пам'ятати, в які часи писалася ця праця. На думку академка НАН України В. Смолія, «егоїстична соціальна політика привела до того, що в найвишальніший момент широкі маси козаків і селян не підтримали планів Мазепа. В пам'яті народній залишалися надзвичайно свіжими спомини про панування Польщі з її шляхетською анархією, жорстким феодалним та національно-релігійним визиском»³.

Таким чином, тут ми маємо справу ще з одним цивілізаційним парадоксом. З одного боку, не викликає сумніву правомірність виступу І. Мазепа на боці Карла XII в контексті можливого поліпшення статусу України, а, з іншого, – цілковита неспроможність захопити цією ідеєю скільки-небудь значні соціальні верстви населення через відверто антинародну політику, яку провадив гетьман. Мазепа, як і всі його попередники з Б. Хмельницьким включно, зневажали той чинник, який завжди успішно використовувала проти них Москва. Як справедливо зазначає В. Липинський, характеризуючи добу Хмельниччини, «були натомість у тодішній політиці козацькій супроти селянства вельчезні хиби і помилки. Вони довели до того, що «чернь» українська, «права рука» гетьмана Хмельницького, стала правою рукою Московського царя і що Москва за допомогою цієї «черні», взятої в міцні московської держави шори, Україною опанувала й усю опозиційну старшину козацьку, а особливо тих, хто «черні» золоті гори обіцювали, в Сибір позасилала, вимордувала і до тла іскоренила...»⁴.

Що ж стосується т. зв. «зради» Мазепа московській короні й протиставлення його «вірному союзнику Росії» Б. Хмельницькому, то в цій колізії найкраще розібрався М. Грушевський. «...Зовсім курйозом буде, – писав він, – проставлення Хмельницького Мазепі немов полюсів українських настроїв, яке, власне дозволили собі різні землячки, присвоюючи собі назву богданівців в пику мазепинцям. Як відомо всякому, ознайомленому з фактами української історії, Хмельницький був не тільки яскравий автономіст, але й досить свідомий носитель державної української ідеї. Стрівшись з першими реальними проявами московського централізму, був незвичайно збентежений ними, і став в рішучій опозиції московській позиції... Хмельницький, переконуючись в неприхильності московського правительства до української автономії, шукав опертя у інших держав і, нарешті, спинився на ідеї тісного союзу з Швецією... Він спочатку думав погодити свій союз з Швецією з протекцією московською, а далі, – як

московська політика (замирения з Польщею) ввійшла в нову суперчність з політикою Швеції й Хмельницького (рішучої боротьби з Польщею) – Хмельницький і його старшина рішається йти з Швецією до кінця, хоч би прийшлося розірвати з Москвою зовсім і помагати Швеції проти самої Москви... Мазепина кон'юнктура таким чином тільки пов'язувала наново нитки політики великого гетьмана».

Грушевський робить висновок: «Богдан Хмельницький таким чином ніяк не надається, а ні в протиставлення мазепинцям, а ні на історичного патрона новітніх спеціалістів від нищення вторичного патріотизму. Не знайдуть вони взагалі ніякого чесного і шановного історичного імені, котре могли б дійсним правом взяти в патрони собі. Не дурно цар Петро зачислив в «изменники» всіх українських гетьманів, з незаслуженим виключенням Скоропадського, цього «гетьмана дурного», кажучи словами Шевченка, котрого й на гетьманство призначив цар Петро в тій надії, що він, як чоловік недотепний і безхарактерний, не підніметься на висоту національних українських домагань»⁵.

Для України фігура І. Мазепи, за визначенням того ж Грушевського, стала трагічною ще й тому, що після 1708 р. «московське правительство вважало себе надалі свобідним від усіх обіцянок і зобов'язань, яке прийняло на себе перед Україною і не хотіло більше рахуватися ні з якими правами і “древніми обичностями” українськими»⁶.

---

¹ **Степанков В.** Проблеми возз'єднання козацької України в контексті міжнародних відносин Центрально-Східної Європи (остання чверть XVII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). – Вип. 2. – К., 2002. – С. 265–266.

² **Брайчевський М.** Приєднання чи возз'єднання. Триптих // Переяславська рада 1654 року (історіографія та дослідження). – С. 399.

³ **Смолій В.** Іван Мазепа // Володарі гетьманської булави. – К., 1994. – С. 391.

⁴ **Липинський В.** Україна на переломі. 1657–1659. Замітки до історії українського державного будівництва в XVII столітті. – Відень, 1920. – С. 67–68.

⁵ **Грушевський М.** На українські теми. «Мазепинство» і «Богданівство» // Діалог. Україна і Росія. – 2002. – № 3. – С. 105–111.

⁶ Там само. – С. 108.

ДВЕ СТОРОНЫ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

А.П. МОЦЯ

Совсем недавно состоялись торжества по случаю Полтавской баталии 1709 г., эпохального события европейской истории, которое имело значимую роль для современных русского, украинского и шведского народов. После этой битвы шведы навсегда распрощались с имперскими амбициями, а россияне двинулись по пути создания собственной империи, куда влилась и большая часть нынешних украинских территорий. Не следует оценивать имперские формы существования государств в историческом плане – наверное, это был необходимый этап развития не только многих европейских стран, но и всего мира в целом. Вероятно, для своего времени империя явилась прогрессивной формой правления (Рим, империи Карла Великого в Западной Европе и Рюриковичей в Европе Восточной, позже Великобритания и т. д.).

В данном случае нас привлек один из «неотъемлемых элементов» рассмотрения событий Северной войны – измена украинского гетмана Мазепы тогда еще московскому государю, а впоследствии императору Петру I. Как известно, он незадолго до упомянутого сражения перешел на сторону шведского короля Карла XII.

После бегства короля и гетмана на территорию Османской Порты, в Глухове – новой столице Малороссии (как именовали тогда территорию Гетманщины правители молодой и перспективной державы, с 1721 г. – Российской империи) была проведена имитация казни старого «изменника». На площади установили эшафот с виселицей, а на него поставили чучело, которое символизировало самого Мазепу. Далее был зачитан приговор, после чего палач вздернул чучело, но до этого сорвал ленту кавалера Андреевского ордена (кстати, второго из получивших его лично из рук молодого царя).

На девятый день после символической казни – 23 ноября 1708 г. – была провозглашена анафема Мазепы в Глухове и Москве. Кстати, автором сце-

нария церемонии в новой гетманской столице, вероятнее всего, был префект Киево-Могилянской академии небезызвестный Феофан Прокопович, а в Москве ее лично проводил Стефан Яворский – еще недавно личный друг опального гетмана. Мазепа многое сделал для успеха его духовной карьеры.

Глуховская церемония состоялась в церкви в присутствии самого царя, новоизбранного гетмана Скоропадского и старшины. Духовенство в черном облачении несло свечи черного света. Палач протащил символическое тело по городу и после втянул его в церковь. Священники, обступив «тело», под песнопения опустили свечи к полу пламенем, а новгород-северский протопоп Афанасий Заруцкий концом своего жезла ударял чучело в грудь и выкрикивал: «Анафема! Пусть будет проклятым!». После этого «тело» крючьями было вытянуто из храма, как бы на съедение псам.

Стефан Яворский, предав анафеме своего бывшего покровителя в Москве без излишней театральности, среагировал на эту акцию еще и стихами, в которых сравнил экс-гетмана «с ядовитым и лютым змеем», который пробует съесть утробу «матери-отчизны – России».

Только в последние два десятилетия отношение к данным событиям в Украине и России разделилось: в первом из новых независимых государств к Мазепе власти начали относиться по-иному, о чем свидетельствует Указ Президента Украины от 9 октября 2007 г. «Про відзначення 300-річчя подій, пов'язаних з військово-політичним виступом гетьмана України Івана Мазепи та укладанням українсько-шведського союзу». Во второй из названных держав официальная трактовка и ныне звучит по-прежнему. Об этом свидетельствует хотя бы Заявление Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации «В связи с 300-летием победы русской армии в Полтавской битве», принятое в июле 2009 г. В нем, в частности, отмечается: «Депутаты Государственной Думы преисполнены чувством гордости и глубокой благодарности к тем, кто 300 лет назад, не щадя своей жизни, встал на защиту Родины. Имена Петра Великого, солдат, генералов – «птенцов гнезда Петрова», названия победоносных полков и героизм казаков и жителей Полтавы не будут забыты. Не будет забыто и предательство Ивана Мазепы, имя которого стало нарицательным, а сам он был предан анафеме Русской Православной Церковью. Не может не удивлять, что в руководстве Украины сегодня находятся люди, усматривающие в измене образец для подражания и, таким образом, отказывающие себе и своему народу в исторической правде считаться потомками победителей Полтавской битвы».

Попытаемся оценить деяния преданного анафеме гетмана с позиций исторической перспективы. Но сначала приведем оценку всей политики Мазепы, в сравнении с политикой гетмана «хорошего» – Богдана Хмельницкого, которую сделал еще в начале прошлого века известный историк М.С. Грушевский в статье «Мазепинство» і «богданівство»: «Мазепина кон'юктура таким чином тільки нав'язувала наново нитки політики великого гетьмана. Богданів союз з Швецією зостався нереалізованим в своїм часі...спільна боротьба з Польщею була, власне, першою підставою проєктованого шведсько-українського союзу...Коли Карло XII, розгромивши Польщу, звернув свою зброю проти Москви...заклики до українців, аби скористатися з цієї нагоди, зв'язавшись з шведами, скинути з себе московську зверхність – це був немов поклик до продовження політики Хмельницького, до діла і традицій славного освободителя від іга лядського». Но то была точка зрения ученого, писавшего сто лет назад. А как оценивают Мазепу сегодня? Обратимся к мнениям наших российских коллег.

Вот точка зрения известного специалиста по данному историческому периоду В.А. Артамонова, которую он изложил в июле 2009 г. на страницах журнала «Родина» в своей статье «Горький путь предательства»: «Ныне Мазепа возведен в ранг героя Украины, потому что, вопреки общему стремлению украинцев в XVIII–XIX вв. к сближению с Россией, он в последний год жизни призвал казаков к походу на Москву вместе со шведами и возглавил «антимосковскую революцию». Амбициозность была его отличительной чертой. Внимательно следя за конъюнктурой и страстно желая пробиться наверх, он семь раз менял хозяев». Такую точку зрения разделяет большинство российских и часть украинских историков.

Существует и другая оценка, которую разделяет меньшинство российских исследователей. Речь идет о книге Т.Г. Таировой-Яковлевой «Мазепа», вышедшей, кстати, в серии «Жизнь замечательных людей» московского издательства «Молодая гвардия»: «Давно уже пора отказаться от политических анафем и проклятий в адрес Мазепы и постараться извлечь урок из трагедий наших предков. Не стоит следовать пропагандистским штампам, которые пытались объяснить русско-украинский конфликт начала XVIII в. корыстью одного «изменника-гетмана». Надо набраться мужества и признать, что интересы и цели молодой Российской империи и ослабленной Гетманщины были очень различными». Такой несколько абстрагированный подход, на наш взгляд, более перспективен для дальнейших исследований. Теперь же попробуем обратиться к некоторым другим

важным историческим событиям, в которых также присутствовал озабоченный феномен измены.

Следует обратить внимание, что Богдан Хмельницкий и последующие гетманы вплоть до Мазепы жили в эпоху, когда украинская сторона не расставалась еще в своих планах отношений с Россией с идеей конфедеративного государства с более-менее равными правами. Но российским монархам перспективы развития виделись по-иному. Поэтому обратимся теперь к периоду развитого абсолютизма, когда Российская империя пребывала на пике своего величия и могущества.

Одним из таких государей был Николай I, который, как известно, пришел к власти после добровольного отречения старшего брата Константина (тот был женат на особе не царских кровей). Все делалось тайно, но легитимно и в рамках тогдашнего законодательства. «Переприсяга» Николаю I была назначена на 14 декабря 1825 г. Но против нового престолонаследника выступили «дети 1812 г.» (так они сами себя называли) – декабристы. В многочисленных энциклопедических изданиях и публикациях разных лет их характеристика сводилась к следующему: «Декабристы – российские дворянские революционеры, которые в декабре 1825 г. впервые в истории России подняли вооруженное восстание против самодержавия и крепостничества... В 1821 г. создано в г. Тульчине Южное товарищество декабристов (в 1825 г. в него влилось Товарищество объединенных славян), в Петербурге – Северное товарищество декабристов». В планах восставших рассматривалось даже физическое уничтожение нового государя. Но и в столице империи и на юге выступление было жестоко подавлено. Пятерых – П.И. Пестеля, К.Ф. Рыльева, П.Г. Каховского, С.И. Муравьева-Апостола, М.П. Бестужева-Рюмина, «кои, превосходя других во всех злых умыслах силою примера, неукротимостью злобы, свирепым упорством и, наконец, хладнокровною готовностью к кровопролитию, стоят вне всякого сравнения» казнили, а многих других в кандалах отправили на каторгу в Сибирь или рядовыми в действующую армию на Кавказ.

В Петербурге Николай I устроил «очистительное молебствие» на самом месте бунта – около памятника Петру I на Сенатской площади, где соорудили «походную церковь». Войска были расставлены так, как это было 14 декабря. После окончания молебна и поминок по убитым во время бунта зачитали по всем войскам приказ, в котором отмечалось: «Ныне суд над ними и казнь, им подлежащие, исполнены, и очищены верные полки наши от заразы, нам и всей России угрожавшие».

В сибирскую ссылку было отправлено по этапу только представителей дворянского сословия более 120 человек. Среди них – аристократы

и представители воинской элиты. За ними часто добровольно следовали и жены. Сочувственное отношение к ним прослеживалось уже во время вынесения приговоров, благородство и мужественность их поступка отмечается в многочисленных изданиях и поныне. Только правительственная верхушка николаевского времени осудила такое вооруженное и идеологическое негативное отношение к правящему легитимному режиму.

Власти предрежащие можно понять: ведь это был прямой и жесткий вызов правящему режиму, заметим – легитимному. Но с точки зрения российского сознания разного времени (только сейчас ситуация начинает меняться) у героев 14 декабря никакой измены не было: благородство и мужество декабристов подчеркивалось и подчеркивается повседневно и повсеместно – ведь они боролись за народное счастье.

Но с позиции «исторической правды», о которой упоминалось в думском заявлении 2009 г., это не совсем так – был прямой вызов существующей на то время законной власти, на который она быстро и жестко отреагировала. Поэтому прослеживается субъективизм в оценке Мазепы в сравнении с декабристами – ведь он тоже хотел достичь благоденствия (конечно и с учетом собственных интересов), но не для всех подданных империи, а только подчиненных ему как гетману.

Казус декабристов случился во времена расцвета российской державы. А вот пример времен ее заката. Кратко остановимся на событиях марта 1917 г. (по новому стилю), приведших к падению царского режима. Вот как они описываются в опубликованных в 2007 г. «Очерках истории России»: «Под впечатлением от переговоров с лидерами социальной революции Родзянко (спикер Государственной Думы) связался со штабом Северного фронта, где пребывал император. «Ненависть к монархии дошла до крайних пределов, – сообщал он Рузскому (командующему фронтом), – раздаются грозные требования отречения...». В случае отречения, утверждал Родзянко, «наша славная армия не будет ни в чем нуждаться... Железнодорожное сообщение не будет ничем затруднено». Думским лидерам казалось, что половинными мерами возможно взять рабочие массы под контроль. Но, как засвидетельствовали последующие события, массы контролировали вождей не менее, чем вожди контролировали массы. Родзянко успокаивал Рузского, сообщая: «Правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной Думы». Это была правда, хотя и не вся (о влиянии Совета Рузский не догадывался), и сообщение оказало впечатление. Рузский решил требовать отречения Николая II. На этот момент Николай II фактически пребывал под домашним арестом. После того как боль-

шинство командующих фронтами высказались за отречение, морально готовый к этому Николай дал согласие. Днем 2 марта он подписал телеграмму об отречении сначала в пользу сына Алексея, а затем – в пользу брата Михаила».

Фрейлина Анна Вырубова вспоминала слова Николая II: «Это вынужденное решение, надо мной был занесен нож, и я всегда смогу это доказать, если меня спросят об этом». «Нельзя не придти к выводу, что Николай II здесь хитрил... Пройдут тяжелые дни, потом все успокоится, и тогда можно будет взять данное обещание обратно», – считал Павел Милоков.

Но «тяжелые дни» не прошли. У Э.С. Радзинского в книге «Распутин» читаем: «В марте 1917 г., после победы Февральской революции, в казематах Петропавловской крепости стало многолюдно. Сюда, в камеры русской Бастилии, где при царе сидели политические преступники, были доставлены те, кто их туда сажал. Люди, еще недавно вершившие судьбы России, – бывшие премьер-министры Штюрмер и Голицын, министр внутренних дел Протопопов, руководитель департамента полиции Белецкий и сменивший его на этом посту Васильев, министр двора престарелый граф Фредерикс, председатель Государственного Совета Щегловитов, дворцовый комендант Воейков, ближайшая подруга царицы Вырубова, и прочие, и прочие, – собрались в крепостных камерах, вечно сырых от наводнений. Как напоминало это общество недавние балы в Зимнем дворце». И далее: «А потом грянул переворот, и захватившие власть большевики покончили с Временным правительством. И вчерашние министры отправились в те же камеры Петропавловской крепости. Там их не без юмора встретили царские министры, которых они так недавно туда посадили».

Большевики кардинально завершили этот наглядный процесс предательства монарха элитой – расстреляли царскую семью. Но для нас, с точки зрения злополучной «исторической правды», важно другое: измена государственному строю в России начала XX в. началась не с большевистских кровавых деяний, а с действий представителей политической и военной элиты тех времен, вынудивших императора уйти с легитимного поста главы государства. Дело было сделано: верхушка общества «сдала» своего государя. Но в современных публикациях почти не встречается осуждение такой измены – ведь, как заведено со времен советской историографии, «была объективная необходимость» в таких действиях.

Перед нами три существенных эпизода из истории как России, так и Украины. Но почему-то только за личностью Мазепы тянется хвост

«изменника». А ведь были еще многие истории предательства – вспомним хотя бы Петра III и Екатерину II, Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева... Можно даже высказать крамольную мысль, что некоторые измены законному правителю порой приводили к прогрессу в развитии общества. И над этой проблемой на фоне действительно бесславного финала Мазепы как политика можно и нужно еще рассуждать. Только тогда можно будет говорить о подлинной исторической правде как явлении в нашем сознании.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ

А.В. ПЕТРОВИЧ

Когда речь идет об истории международных отношений, историк должен апеллировать к основным документам эпохи. Главными международными документами, определившими пути развития международных отношений в Европе конца XVII – начала XIX в. стали Вестфальский мирный договор 1648 г. и решения Венского конгресса 1814–1815 г. Из этих документов отчетливо видно, что в первом одной из ведущих держав с громадными территориальными притязаниями является Швеция, и совсем не упоминается Россия. Во втором же ситуация совершенно противоположная: Россия играет роль «первой скрипки», Швеции же нет совсем. Что же произошло за эти 167 лет? Что таким коренным образом изменило систему международных отношений в Европе? Какое событие так повлияло на смену вектора международной политики? Этим событием стал разгром шведской армии под Полтавой 27 июня 1709 г.

Следует отметить, что до начала XVII в. интерес к России как к европейской державе в таких странах, как Англия и Нидерланды, отсутствовал. Россия представлялась им отсталым государством, причем такое мнение сложилось абсолютно безосновательно, так как Россия в информационном отношении была им совершенно незнакома. Английские авторы, писавшие о России в XVII в., часто утверждали, что Россия не является европейской страной, и критически высказывались о русском народе. Зато Польша, Венеция, Австрия, особенно со второй половины XVII в. остро нуждались в русской помощи против Турции, хотя, говоря откровенно, большой любви к России и они не испытывали. Однако было нечто общее, что признавали и страны, сотрудничавшие с Россией, и страны с крайне негативным отношением – это русская военная доблесть, которой все они в той или иной степени опасались. Тем не

мене, весть о гибели шведской армии казалась невероятной в Европе. Не только в Швеции, но и в других странах, долго отказывались верить приходившим из России известиям. Русская победа так решительно и неожиданно спутала все карты в сложной политической игре, которую вели тогда воевавшие между собой Франция с одной стороны, Австрия, Англия и Голландия – с другой, что рядовым дипломатам было отчаянно трудно свыкнуться с мыслью, что Россия раз и навсегда вышла победителем из смертельной схватки на севере Европы.

Для того, чтобы получить влияние в Европе, России нужна была решающая победа. Такой победой окончилось Полтавское сражение, значение которого, однако, не сразу и не вполне было оценено в Европе. Сам Карл XII, потерпевший сокрушительное поражение, считал, что потери, понесенные им, «в короткое время будут исправлены». Об этом он писал своей сестре из Бендер 9 августа 1709 г.

Однако оценка оценкой, но всем стало ясно, что требуется новая постановка вопроса о месте России в системе европейских государств. Россия стала вызывать интерес, но в то же время смущала своими новыми возможностями западноевропейские правящие круги. Например, после Полтавского сражения в германских государствах круто изменилось отношение к России, и сближение с ней стало представляться весьма соблазнительным. Моментально решилось дело о браке между царевичем Алексеем Петровичем и принцессой Шарлоттой, тянувшееся до этого уже несколько лет.

Усиленно стал добиваться расположения Петра I и прусский двор. После Полтавы Берлин стал искать путей для использования в своих целях русского могущества, предложив в 1709 г. проект раздела Польши, который был отвергнут русской дипломатией, но еще не раз выдвигался Пруссией.

Оставил Полтавский триумф свой след и во взглядах французов, считавших до этого Россию страной, затерянной на краю света. Французская дипломатия, живо и внимательно следившая за событиями Северной войны, быстро оценила перспективы, открытые Полтавской победой. Оценив возросшую роль России в международных отношениях, Франция сделала вывод о необходимости сближения с ней. Только неоконченная в то время Война за испанское наследство препятствовала реальным шагам в этом направлении, хотя она же усиливала интерес Франции к России как к возможному противнику Австрии и других держав. В 1710 г. в Россию был отправлен французский посланник де Балюз, имевший четко определенные цели вовлечь Россию в решение чуждых для нее задач, серьезно

усиливших бы Францию. Однако этим усилиям суждено было остаться без результата, потому что Петр I и руководимые им дипломаты неукоснительно отклоняли эти попытки.

Говоря о развитии международных отношений после Полтавской битвы, нельзя не упомянуть и об изменении отношений с Турцией. Как известно, после поражения под Полтавой Карл XII скрывался в турецких владениях, а именно в Бендерах. Порту беспокоило продолжительное нахождение шведского короля в Бендерах, и она стремилась избавиться от него. Вместе с тем Турция использовала это пребывание для оказания давления на Россию. Несомненным остается факт, что дверь к печально известному Прутскому походу отворило именно присутствие Карла XII в Бендерах и нежелание турецкого султана выдать его. На настойчивые требования Петра I о высылке шведского короля из турецких владений султан Ахмед III объявил 20 ноября 1710 г. войну России. Этот конфликт предоставил возможность русскому царю вновь заняться решением проблемы выхода к Черному морю. Русская армия образца 1710 г. располагала достаточной мощью и умением, чтобы вести успешные боевые действия против Турции. Исходя из сложившейся ситуации, царь замыслил войну более масштабного характера, в которой Россия выступила бы освободительницей православных народов Европы от османского владычества.

Турция, обеспокоенная усилением России близ своих границ и наслушавшаяся пугающих разговоров Карла XII об агрессивных замыслах русского царя, а также по наущению французской, английской и шведской дипломатий, готова была дать решительный отпор.

Так началась русско-турецкая война 1710–1713 гг., кульминацией которой суждено было стать Прутскому походу – самой драматической для Петра I кампании. После генерального сражения у села Станилешты и неудачного исхода его для России стороны заключили Прутский мирный договор. Россия уступала Турции Азов с округом, обязывалась не вмешиваться в польские дела и обеспечить свободный пропуск Карла XII домой. Турция же согласилась на беспрепятственный уход русской армии при оружии и со знаменами. Однако следует заметить, что интересы Швеции в этом договоре оказались вообще не представлены, за исключением высылки за пределы Османской империи шведского короля, который уже доставил много беспокойства турецкой стороне. Сама же русско-турецкая война закончилась в 1713 г. подписанием Адрианопольского мирного договора, который в целом подтверждал условия Прутского договора.

Интересным фактом, также имеющим отношение к международному праву, является учреждение должности омбудсмана Карлом XII во время его нахождения в Бендерах. Этот акт был принят в 1713 г., однако, по нашему мнению, он является одним из последствий поражения шведов под Полтавой. Для справки скажу, что омбудсмен – это новая государственная должность, осуществляемая королевским доверенным лицом, контролирующим законность деятельности государственных служащих. Это беспрецедентное решение было продиктовано острой необходимостью укрепить расшатавшийся в Швеции порядок. В наше время должность омбудсмана (или парламентского адвоката) появилась во многих странах, но уже для защиты интересов обычных граждан.

Важным последствием Полтавской битвы стало заключение Россией международных договоров. После Полтавской победы целью русской дипломатии было восстановление и расширение Северного союза, основанного в 1699 г. и почти распавшегося в 1706 г. И надо сказать, русские дипломаты в этом преуспели, заключив 11 октября 1709 г. русско-датский союз, лишивший Швецию выгодного положения на Балтийском море, которое она занимала первую половину Северной войны. Заключение этого договора давало России сильного союзника на море (датский флот был почти равен шведскому) и переносило войну на собственно шведскую территорию.

9 октября 1709 г. были подписаны союзные договоры с Августом II, один из которых провозглашал восстановление русско-саксонского оборонительного и наступательного союза против Швеции. Эти договоры, равно как и заключенный одновременно с ними договор с Данией, отражали возросший военный и международный интерес к России. Они означали полное восстановление Северного союза, возрожденного благодаря выдающимся победам русского оружия и умелым действиям русской дипломатии.

Полтавская победа принадлежит к числу таких побед, которые решили не только военные, но и великие национальные задачи. Являясь переломным моментом в многолетнем тяжелом единоборстве между Россией и Швецией, она в то же время на целую историческую эпоху определила судьбу всей Восточной Европы. Полтава обеспечила русскому народу свободный выход к Балтийскому морю, она самым решительным образом укрепила политические позиции России на международной арене, доказав, что ее место в числе великих европейских держав. Мир увидел страну развивающуюся, стоящую на пути экономического, военного, политического и культурного прогресса.

---

300 лет отделяют нас от великой Полтавской победы. История уготовила этой виктории особое место в сонме великих русских побед, в лавровом венце славы русского оружия. Как и все великие события, Полтавская битва оставила свой значительный и глубокий след в европейской и мировой истории.

УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТАКТОВ РОССИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В НАЧАЛЕ XVIII в.

Я.В. ВИШНЯКОВ

XVIII в. занимает особое место в истории взаимоотношений югославянских народов и России. Именно в это время не только началось заметное оживление русско-югославянских контактов, но и произошло обретение их качественно нового смысла: именно в этот период зарождалось новое, балканское направление внешней политики России. Не менее заметные трансформации происходили и в Османской империи, владеющей большей частью Балканского полуострова, и в Австрийской империи, где также проживало значительное число сербского населения. В этой связи особое место занимают русско-турецкие войны второй половины XVIII в., не только изменившие границы Российской империи и повлиявшие на характер международных отношений в целом, но и открывшие угнетенным народам Балканского полуострова возможность для освобождения от османского ига при опоре на Россию. И уже в следующем, XIX в. эта возможность получила свое практическое воплощение в период двух сербских восстаний 1804–1815 гг. и 1817–1830 гг. и в их итоге – создании автономного сербского княжества, Валашского восстания 1821 г., и, конечно, греческой национальной революции 1821–1829 гг. Именно поэтому этот период является предметом особого внимания и пристального специального изучения историков¹.

Не претендуя в рамках небольшой статьи на комплексное и детальное освещение данного вопроса, мы постараемся лишь кратко охарактеризовать основные этапы установления контактов России с представителями югославянских народов в XVIII в.

Первые заметные политические контакты России с представителями славянских народов Балканского полуострова относятся к концу XVII в.

Именно в это время идет длительная семнадцатилетняя война «Священной лиги» (1683–1699 гг.) – союза Речи Посполитой, Австрии, Венецианской Республики и с 1686 г. России – против Османской империи. В 1687 и 1689 гг. в рамках подписанного в 1686 г. «Вечного мира» с Речью Посполитой состоялись два неудачных крымских похода под руководством фаворита царевны Софьи В.В. Голицына.

Однако в помощи России были заинтересованы не только европейские государства. В 1688 г. в Москву прибыл архимандрит монастыря св. Павла на Афоне Исая, который привез грамоты от бывшего константинопольского патриарха Дионисия, сербского патриарха Арсения Чарноевича и господаря Валахии Щербана Кантакузино. В них содержалась просьба бросить войска против турок. Для переговоров с Щербаном Москва отправила в Бухарест специального представителя Дементия Фомина. Однако подписать договоры не удалось. Щербан умер, а его преемник Константин Брынковяну уклонился от союза с Россией. Миссия Исая потеряла смысл, и в 1689 г. он покинул Москву. На обратном пути он был арестован в Вене, по ходатайству российского правительства был освобожден, вернулся в Россию, где ему из-за подозрений в поддержке царевны Софьи был оказан сдержанный прием. В 1692 г. он окончательно покинул Россию². И хотя миссия Исая не увенчалась успехом, «это была первая попытка, исходившая от подвластных султану народов, в условиях войны Священной лиги против Турции соединить интересы греков, сербов, влахов и России перед лицом восточной империи»³, – отметила И.И. Лещиловская. Именно конец XVII в. определил для России Балканский полуостров как ее внешнеполитическую стратегическую перспективу⁴, что стало очевидно уже во время Великого посольства Петра I 1697–1698 гг., одной из главных целей которого было оживить антитурецкий союз, что помогло бы развить успех России на Азовском море в 1696 г.

Отметим, что именно с войной «Священной лиги» и Османской империи связано появление сербов на территории Австрийской империи. В сентябре 1683 г. польский король Ян Собесский остановил продвижение турок в Европу, сняв осаду с Вены. Австрийская армия перешла в контрнаступление, захватив в сентябре 1688 г. Белград, а в следующем году – Скопье. Турки, тем не менее, сумели остановить австрийцев, нанеся им ряд существенных поражений. Сербь в этих событиях активно поддержали Австрию, однако возвращение турок после поражения последней сопровождалось невиданным террором. Сербское население, опасаясь репрессий, стало активно переселяться в границы Австрийской империи. Пик этой миграции приходится на 1690 г., когда турецкая

армия захватила Ниш и Белград. К переселенцам присоединился Печский патриарх Арсений Черноевич, увезший с собой главные сербские православные реликвии. В результате событий 1683–1699 гг. сербский народ оказался разделен на две части – турецкую и австрийскую. Основная масса австрийских сербов оказалась сосредоточена в границах современной Воеводины, а также в пограничных районах Хорватии и Славонии.

Австрийское правительство сочло целесообразным дать новым подданным некоторые автономные права. Если в 1690 г. переселилось около 70 тысяч сербов, то уже в конце XVIII в. в границах Австрийской монархии их проживало, по данным Ю.А. Костяшова, 678 505 чел.⁵, что вполне сопоставимо с населением Белградского пашалыка. Он же приводит сведения о том, что по переписям 1846–1847 гг. на территории Венгрии проживало 896 902 серба, а в Сербском княжестве 892 315 чел.⁶ Именно там, вне границ Белградского пашалыка, начался процесс национального возрождения, что глубоко отразилось как на характере национально-освободительного движения, так и на формировании национального самосознания и национальной идеи будущего сербского государства.

9 июля 1698 г. на богослужение Великого посольства Петра в Вене явился сербский патриарх Арсений Черноевич, который передал посольству две челобитные с жалобой на нарушение Австрией привилегий, дарованных сербам, прося выступить в защиту их прав. Видимо, именно тогда Петр убедился, что Россия в глазах южных славян, даже тех, которые волей судьбы оказались на территории католической державы Габсбургов, является оплотом и опорой.

В этом же контексте следует рассматривать Карловицкий мир 1699 г., знаменовавший окончание войн «Священной лиги», согласно условиям которого Австрия закрепила за собой часть Срема и Хорватию и занимающий особое место в установлении контактов России с югославянскими народами. Россию на переговорах представлял полномочный представитель при австрийском дворе П.Б. Возницын, которому удалось добиться лишь перемирия с Турцией на два года⁷. Однако уже на следующий год посольство во главе с Е.И. Украинцевым, прибывшее в османскую столицу на фрегате «Крепость», добились закрепления за Россией Азова, заключив мир сроком на 30 лет.

Начало XVIII в. знаменовало собой новый этап в установлении русско-южнославянских контактов, причем ключевым моментом этого этапа является Прутский поход Петра I. Основными причинами похода 1711 г. стала не только уверенность российского царя в собственных силах после

блестящей Полтавской битвы, но и поток просьб о помощи, который исходил от балканских народов.

Курс на европеизацию русского государства, создание в невероятно короткий срок армии и военно-морского флота, строительство Петербурга не могло не поражать умы людей той эпохи, в том числе представителей зарождающегося славянского Возрождения. Предстоящий поход преподносился ими как легкая военная прогулка, Петра I убеждали в том, что одного появления русских войск будет достаточно для того, чтобы турецкое владычество было сметено общебалканским восстанием сербов, черногорцев, болгар, валахов и молдаван. В этой связи нельзя кратко не упомянуть о Савве Рагузинском – поборнике освобождения южных славян с опорой на Россию, который имел существенное влияние на действия российского монарха. Савва Лукич Владиславич–Рагузинский (1669–1738) выделялся среди представителей многих сербских и черногорских фамилий, переселившихся в Россию в начале XVIII в. В 1687 г. он жил в Дубровнике, отчего и известен в России как Рагузинский. Представляется обоснованным предположение, что таким образом Савва пытался скрыть свое герцеговинское происхождение, а основание считать его гражданином Дубровника делало его независимым от Порты подданным⁸. Известно, что он встретился в Константинополе с российским дипломатом Украинцевым, а в 1701 г. с П.А. Толстым – постоянным представителем России в Османской империи. Видимо, ряд услуг, оказанных им русскому правительству, позволили ему получить жалованную грамоту на право свободной торговли в Азове и Малороссии и поселиться в Москве. Сохранилась и его личная переписка с Петром, а по некоторым данным он лично участвовал в составлении грамоты ко всем христианам Балкан, с которой Петр обратился к ним 3 (14) марта 1711 г. Эта грамота была отправлена со специальными посланцами – Михаилом Милорадовичем, Иваном Албанезом и Иваном Лукчевичем. Благодаря ему же, Петр I установил контакты с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром, который в апреле 1711 г. заключил секретный договор с Россией. Однако надеждам Петра I не суждено было сбыться. В силу противодействия европейских держав, и особенно монархии Габсбургов, он не смог получить серьезную военную помощь от валахов и австрийских сербов, а поход 1711 г. закончился неудачно.

Прутский договор подписали П.П. Шафиров, М.Б. Шереметев – сын знаменитого фельдмаршала, с турецкой стороны – великий везир Балтаджи Мехмед-паша⁹. Планы освобождения народов Балканского полуострова пришлось отложить в долгий ящик. Но с этого времени российско-югославянские связи приобрели новые формы – на первый план выступило пе-

реселение в Россию сербов и других южных славян, что является темой специального рассмотрения¹⁰. Отметим только, что в 1715 г. последовал соответствующий указ Петра об отводе земель молдавским, валашским и сербским солдатам и офицерам в Киевской и Азовской губерниях и выдаче им жалования. В октябре 1723 г. царь подписал новый указ с призывом к сербам вступать в гусарские полки на Украине. Всего на службе в гусарском полку на ноябрь 1724 г. числилось 175 солдат и офицеров по происхождению сербов, болгар, македонцев и молдаван¹¹.

В этот же период была заложена основа для развития сербского просвещения, что связано с именами Досифея Обрадовича, Захария Орфелина – автора труда «Житие и славные дела государя императора Петра Великого». З. Орфелин посвятил его Екатерине II и стал первым сербским автором, который подробно и обстоятельно познакомил соплеменников с современной им Россией. Продолжил дело сербского просвещения ученик Обрадовича Павле Соларич. Особое место занимает в этом смысле творчество Йована Раича – автора фундаментального четырехтомного труда «История разных славенских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, из тьмы забвения изытая и во свет исторический произведенная».

К началу XVIII в. относится и начало зарождения русско-черногорских политических отношений. Призыв Петра I имел большой успех у черногорцев, которые, подняв летом 1711 г. антитурецкое восстание, разгромили крупный турецкий отряд у города Гацко. Движение, по данным генерала Милорадовича, охватило 29 800 человек¹². Однако плохо вооруженные повстанцы не сумели взять ни одного города. И, главное, разгорелось оно слишком поздно. Русская армия после подписания Прутского мирного договора ушла за Днестр, а туркам удалось предпринять опустошительный набег на Черногорию.

В 1715 г. состоялось важное событие в истории российско-черногорских отношений. Цетиньский митрополит – Владыка Данило Петрович-Негош посетил Россию, где ему была оказана материальная помощь и установлена постоянная денежная субсидия Цетиньскому монастырю¹³. В записке коллегии министерства иностранных дел сказано по этому поводу: «И в разсуждении того по прошению онаго митрополита, а по указу Е.И.В. посланы с ним, митрополитом, в Монтенегрию церковные сосуды, книги, и архирейские одежды, да на раздаче тамошним начальникам 160 партретов золотых в 1000 червонных, да денег 500 рублей.<...> А монтенегрийскому народу послана с ним, митрополитом, Е.И.В. грамота с похвалою и благодарением за оказанныя от них воинския действия и помощь с обнадеживанием, что и впредь, когда Е.И.В. с королем шведским мир

получит и от претяжких воинских иждевений освободится, не оставит за ту их верную службу свою милостию вящше наградить»¹⁴. Кроме того, он же удостоился аудиенции Петра I.

Таким образом, реформы Петра I, значительно усилившие военную мощь России, способствовали усилению ее авторитета среди югославянских народов, которые не имели возможности освободиться от турецкого владычества собственными силами. Этническая, религиозная и языковая общность приводила национальных лидеров этих народов к идее союза с Россией против общего врага – Османской империи. И если в начале XVIII в. балканские народы находились под прочной османской зависимостью, то уже к его концу все явственнее, при активном военном и политическом участии России, проявлялись признаки национального возрождения и ослабления влияния Порты. XVIII в. – время начала политического и культурного возвращения южнославянских народов в Европу, где постепенно перестали смотреть на Балканы только как на часть Османской империи. Роль России в этом процессе не подлежит сомнению.

---

¹ См. например: **Бажова А.П.** Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. – М., 1982; Век Екатерины II: Дела балканские. – М., 2000; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. – М., 2003; История Балкан: век восемнадцатый. – М., 2004; **Лециловская И.И.** Сербский народ и Россия в XVIII в. – СПб, 2006.

² См. об этом подробнее: **Лециловская И.И.** Указ. соч. – С. 26–27.

³ Там же. – С. 26.

⁴ После взятия Азова стали прощупываться первые пути проникновения на Балканы. В октябре 1697 г. в «Шклявонскую» землю был послан капитан Г. Островский, который, впрочем, до нее так и не добрался, осев в Венеции.

⁵ **Костяшов Ю.А.** Сербь в Австрийской монархии в XVIII в. – Калининград, 1997. – С. 46.

⁶ Там же. – С. 47.

⁷ Возницын поставил вопрос не только о свободе торговли на Черном море, но и о облегчении положения христианского населения Османской империи, в том числе об их свободном праве на отправление религиозного культа. Известно, что спор о палестинских святынях стал поводом для начала Крымской войны 1853–1856 гг. Однако вопрос о «святых местах» впервые был поднят именно на конгрессе в Сремских Карловцах. Традиционно службу в храмах Иерусалима и Вифлеема проводило православное духовенство, поскольку католиков в пределах Османской империи проживало сравнительно немного. Однако такое положение не устраивало французского короля Людовика XIV, который поднял вопрос о передаче «святых мест» в ведение католической церкви. В 1689 г. султан под давлением Франции изъял «святые места» из ведения

православной церкви в пользу католиков. На защиту интересов православия выступил иерусалимский патриарх Досифей. На конгрессе в Сремских Карловцах инициативу при обсуждении этого вопроса проявили австрийцы, однако, вопрос был решен не в их пользу, во-первых, из-за позиции османского драгомана Маврокордата, а во-вторых, сами австрийцы не проявляли настойчивости в этом вопросе, прежде всего из-за нарастающих противоречий с французской короной. В Европе дело шло к Войне за испанское наследство.

⁸ **Бажова А.П.** Указ. соч. – С. 52.

⁹ П.П. Шафилов и М.Б. Шереметев, которому Петр вне очереди присвоил чин генерал-майора, вынуждены были отправиться в столицу Османской империи в качестве заложников, где провели долгих три года. В конце концов, условия Прутского договора были подтверждены в 1714 г., а шведский король Карл XII насильственно был выставлен за пределы Османской империи.

¹⁰ См., например, работы исследователя П.Н. Рудякова, который на основе малоизвестных материалов рассматривает историю возникновения и причину ликвидации сербских и черногорских поселений на юге России. **Рудяков П.Н.** «В службу и вечное подданство». Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764). – Киев, 2001.

¹¹ См. Балканы. Век восемнадцатый. – М., 2004. – С. 62–63.

¹² **Бажова А.П.** Указ. соч. – С. 60.

¹³ Зависимость Черногории от Османской империи была очень слабой и сводилась лишь к уплате харача (налога), нередко собиравшегося с помощью военной силы. Эти особые условия, оторванность от внешнего мира, необходимость защиты своей земли привели к тому, что здесь образовались сильные племенные объединения, в которых строго соблюдались установления обычного права, включавшего в себя и кровную месть. Практически все черногорские племена были очень разобщены, среди них не прекращались военные столкновения, нередко разжигаемые турецкими властями. В этих условиях единственным фактором, способным объединить черногорские племена, могла быть только православная церковь, значение которой в общественной жизни с начала XVIII в. постепенно увеличивалось, а ее резиденция – Цетиньский монастырь, расположенный в неприступных горах Катунской нахии, постепенно превратился в политический центр всей Черногории. Все это способствовало расширению функций в общественной жизни черногорских племен митрополитов в лице представителей династии Петровичей-Негошей, которые уже к началу XVIII в. превратились в правителей, обладавших реальной политической властью, практически никем и ничем неограниченной. Вплоть до 1852 г. управление светское и духовное не было разделено.

¹⁴ Черногорско-русские отношения 1711–1918 гг. Русские архивные документы о Черногории (конец XVIII – середина XIX в.). – Т. I. – Подгорица-Москва, 1992. – С. 44.

ПРУТСКИЙ ДОГОВОР 1711 г. В СУДЬБЕ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ

П.А. БОЙКО

Русско-турецкая война 1710–1711 гг. является составной частью Северной войны между Россией и Швецией 1700–1721 гг. Эта война была спровоцирована недовольными успехами России Англией и Францией, готовностью самой Турции пересмотреть невыгодные для нее условия Карловицкого (1699 г.) со «Священной Лигой» и Константинопольского (1700 г.) с Россией мирных договоров.

Для более полного представления об этой войне, на наш взгляд, целесообразно хотя бы в общих чертах ознакомить читателя с важнейшими вехами Северной войны в период с 1700 по 1709 г., т. е. до поражения Швеции в Полтавской битве.

Известно, что Северная война началась в августе 1700 г. неудачей русской армии у шведской крепости Нарва. Учитывая уроки Нарвского поражения, Петр I принялся за создание регулярной армии на основе рекрутских наборов. Мало было укомплектовать армию, ее надлежало вооружить и одеть. В короткий срок надо было создать и новую армию, и военную промышленность, и морской флот.

Бремя Северной войны вызвало массовое недовольство в стране. На постройку Санкт-Петербурга в дельте Невы сгонялись тысячи крестьян. Полуголодные, не обеспеченные жильем, люди гибли тысячами. Задавленное невиданными поборами, трудовой повинностью, рекрутчиной, трудовое население восставало. Наиболее крупными движениями явились Астраханское восстание, восстания в Башкирии, на Дону, крестьянская война под предводительством Кондратия Булавина с попыткой взятия Азова, где впервые скрестились шпаги России и Турции в 1695 и 1696 г. Весной 1708 г. восстание охватило почти весь юго-восток государства¹.

За сложившейся ситуацией в России внимательно следили соседние государства, в особенности Швеция и Турция.

Петр I, понимая сложившуюся ситуацию, предвидел вторжение шведской армии в Россию, а поэтому в конце декабря 1706 г. на Военном совете был принят общий план дальнейшей борьбы с противником. План основывался на вере, что народ поддержит русскую армию партизанской борьбой, уничтожением провианта и фуража измотает и ослабит шведов. Петр I не ошибся в своих расчетах: народ выступил против внешнего врага, что в определенной мере и сказалось на исходе Полтавской битвы 27 июня 1709 г.

Турция вынашивала планы расторжения Константинопольского договора 1700 г. с Россией. Только при поддержке австрийского, английского и других послов Порты отвергла ряд требований Петра I, особенно требование свободы плавления русских торговых судов по Черному морю. Тем не менее по договору Россия добилась значительных результатов: она получила Азов и близлежащие территории; ей было предоставлено право иметь в Константинополе своего посла – с правами и преимуществами, присвоенными послам других держав, крымскому хану было запрещено производить набеги на Россию и требовать от нее дань². Все это не устраивало Турцию, поскольку влияло на престиж Османской империи на международной арене.

Северная война продолжалась. Карл XII расширил театр военных действий. В июне 1708 г. он вторгся в Россию с западных рубежей. Вступив в пределы Русского государства, армия Карла XII сразу же столкнулась с беспощадной народной войной: запасы сжигались, население бежало в леса, ни за какие деньги нельзя было достать ни продовольствия, ни фуража. Король повернул на Украину, где, как предполагалось, гетман Мазепа встретит короля и приведет в шведские ряды двадцатитысячную армию. Однако казаки за Мазепой не пошли. Изменила Петру I лишь часть запорожцев³.

Наступила тяжелая для шведов зима 1708–1709 гг. Армия Карла таяла. В апреле шведы подошли к Полтаве. Небольшой гарнизон города при поддержке крестьян окрестных деревень выдержал более чем двухмесячную осаду. К Полтаве со всех сторон стягивались русские войска. Карл, осаждавший город, сам оказался в окружении.

Генеральное сражение началось рано утром 27 июня, а к 11 часам исход сражения был решен: шведы бежали, преследуемые русской конницей. Карл и Мазепа с небольшой свитой переправились через Днепр и укрылись в Бендерах под защитой турецких властей. Отсюда Карл XII прилагал все усилия к тому, чтобы столкнуть Россию с Турцией. В самой Турции за войну ратовали наиболее агрессивные круги, которые мечтали

захватить земли Северного Причерноморья. Петр I стремился избежать войны, однако безуспешно. Усилия западных держав оказались не напрасными: в ноябре 1710 г. Турция объявила войну России.

Военные действия начались весной 1711 г. Десятки раз за предыдущие десятилетия русское правительство получало заверения от греков, сербов, валахов, молдаван в том, что русская армия при приближении к Дунаю получит большую поддержку местного населения. В первую очередь Петр I рассчитывал на помощь Валахии и Молдавии, с господарями которых были подписаны союзнические договоры⁴.

Для организации восстания угнетенных народов на Балканах Петр I направил на адриатическое побережье своего уполномоченного полковника М. Милорадовича с царской грамотой, в которой говорилось: «Если кто из вас в сей праведной войне потрудится, то от бога получит благовоздание, а от нас милость и награждение, и всякий по заслугам и желанию нашему привилегиями нашими пожалованиями будет, ибо мы себе иной славы не желаем, токмо да возможем тамошние христианские народы от пиратства поганого освободить, православные церкви тамо украсить и животворный крест возвысить»⁵.

И действительно, русскую армию встретило всеобщее сочувствие, но организованную помощь оказала только Молдавия. Успешно действовали во время Прутского похода войска Черногории, возглавляемой митрополитом Данилой Негошем. По свидетельству современников, «турков немало побили»⁶.

Однако другие же порабощенные Турцией народы как из-за измены господаря Валахии Брынковяну, так и по другим причинам, были не в состоянии этого сделать⁷.

Во время похода русская армия испытывала большие трудности: солдаты были изнурены тяжелыми переходами и жарой. Армия снабжалась мясом, но не хватало хлеба, поля Молдавии опустошила саранча. Соотношение сил сложилось не в пользу русской армии.

В июне русская армия вступила на территорию Молдавии. В пятнадцатидневный срок Д. Кантемир собрал войско из 6–7 тыс. человек. Д. Кантемир обратился к населению страны с воззванием, призывавшим помочь русским войскам в борьбе против захватчиков. В воззвании указывалось, что если «неверный безбожник и клятвопреступник... множество раз напал на Молдавию, разрушил крепости и укрепления, другими завладел сам, как Тигина, Килия, Четатя Албэ, Галаць, Рень, Сорока, Измаил, а также другие места по Дунаю захватил и весь край Бужякский, и по его разрешению часто и татары грабили всю Молдавию, наложил жестокое рабство

на ее население»... то «царь всея Руси, своим победоносным оружием и со знаком Святого Креста воспротивился тиранской силе для уничтожения рабства христианских безбожников»⁸.

В своем манифесте к населению Молдавии Петр I указывал, что «мы в этой войне, ни подтверждения власти нашей, ни расширения владений наших не имеем, а только освобождения святой церкви ради и христианских народов драться желаем»⁹.

Генеральное сражение произошло около села Станилешты у Прута, где двухсоттысячное турецко-татарское войско окружило немногим более чем сорокатысячную русскую и молдавскую армии. Три дня подряд союзники стойко отбивали все атаки противника. В стане турок назревал бунт янычар. Русский лагерь для них был неприступным. Однако положение русских войск было тяжелым из-за нехватки боеприпасов и продовольствия.

Создавшиеся в обоих лагерях условия заставили воюющие стороны искать мира. Мирный договор между Россией и Турцией был подписан 12 июля 1711 г.¹⁰ Вступительная часть договора была краткой и сдержанной, в ней даже не были упомянуты представители России. «Мы, ниже наименованные, полномоченные, объявляем через сие, что мы по указу нашего все милостивейшего царя и государя и по данной полной мочи постановили: пресветлейшего и державнейшего великого государя салтана Ахметхана с сиятельнейшим Великим визирем Магмет-пашой по учинившейся между обоими государствами ссоре, последующий договор о вечном мире».

При сложившихся чрезвычайных обстоятельствах, когда Петр I оказался в окружении, условия мира могли быть гораздо более тяжелыми. Известную роль в их смягчении сыграли крупные подарки, которыми русский уполномоченный одарил великого везира Ахмед-пашу и окружающих его сановников. Уполномоченным России, которые вели переговоры о мире, удалось спасти армию¹¹.

Этот договор отличался краткостью, что свидетельствует о том, что договаривающиеся стороны по различным причинам были крайне заинтересованы в его оперативном заключении¹². Договор состоит из семи статей, двух дополнений: записи с турецкой стороны и Именного указа Петра I Сенату 15 июля 1711 г.

В первой статье отмечено, что «понеже прежний мир (1700 г.) у Его Царского Величества с его Султановым Величеством разорвался, и оба войска между собой в бой вступили, и потом не допуская крупного разлития крови человеческой, требовано таки мир учинить, на который согласенность, чтоб вечный мир учинить на сем, дабы туркам завоеванные

их города отдать, а новопостроенные разорить, и с обеих сторон пусты да будут вся же артиллерия, амуниция и прочее введено в сторону царского Величества да будет только пушки обретающиеся в Каменном Затоне уступить в сторону турецкую».

Таким образом, в договоре не отмечено место и дата сражения, не упоминается причастность Молдавского княжества к инциденту. Это положение явно было выигрышным для турецкой стороны, поскольку исключало возможность обнаружения на международной арене неустойчивость внутреннего положения в Турецкой империи, связанного с оживлением национально-освободительного движения поработенных православных христиан на Балканах и, в особенности, сепаратистских действий молдавского господаря Дмитрия Кантемира.

Однако относительно Дунайских княжеств Молдавии и Валахии Турция предприняла невиданные чрезвычайно жесткие меры. За симпатии и оказанную помощь русской армии турецкая армия и татарские войска подвергли Молдавское княжество тотальному ограблению. Крепость Хотин и ее окрестности были отторгнуты и объявлены Хотинской райей¹³.

Многие города были разрушены. На месте Галаца и Берлада остались развалины. Население бежало в леса и горы. Турки уводили отсюда много мирных жителей, обращенных в рабов. О масштабах опустошения страны свидетельствуют результаты переписи населения Хотинской райи, проведенной в 1715 г. турецкой администрацией. Перепись выявила, что в Хотинском крае насчитывается 93 села, однако только в 19 осталось население, в 74 жителей не оказалось вообще¹⁴.

После заключения Прутского договора и ухода господаря Молдавии Дмитрия Кантемира в Россию господарская власть султаном была передана иностранцу – греку Николаю Маврокордату. С этого момента исчисляется столетие фанариотского режима, суть которого состояла не столько в назначении господарей султаном, сколько в ограничении функций крупного боярства. Несколько позже, в 1716 г. фанариотский режим был установлен и в Валахии¹⁵.

Назначенные султаном господари были низведены до рядовых чиновников османской администрации, которых в любой момент могли отстранить от власти. Систематическим стало вмешательство турецких властей во внутренние дела Дунайских княжеств. Оба княжества были лишены права проводить собственную внешнюю политику. Их военные силы были ограничены до размеров господарской гвардии и нескольких незначительных отрядов. В экономике наступил сложный период с периодическими застоями и даже падением экономических показателей.

Статья вторая договора была направлена на отношение договаривающихся сторон к Польскому государству. «В польские дела с обеих сторон не мешаться, також и их поданных ничем присвоять, ни их, ни земель их». Здесь проявилась заинтересованность турецкой стороны защитить от преследования сторонников гетмана Мазепы, перешедшего на сторону шведов и нашедших убежище на территории, подконтрольной Польше. К тому же имелось в виду возвращение Карла XII в Швецию. Ведь с учетом того, что при Карле XII оставалось немногочисленное войско, он легко мог быть переправлен в Швецию даже морским путем. Однако султану было важно добиться свободного передвижения шведов по суше, подобно тому как русские войска покинули Молдавию в полном боевом порядке с артиллерией, под бой барабанов. Эта позиция турецкой стороны несколько расширена в записи с турецкой стороны к договору, где отмечено, что России не держать войска в Польше, не вмешиваться в ее дела, а также «отнять руку» от донских казаков и запорожцев, т. е. не поддерживать их.

Для подтверждения своего превосходства Турция заявила, что лишает Россию права иметь в Стамбуле своего постоянного дипломатического представителя.

В статье четвертой содержится забота турецкой стороны о судьбе шведского короля Карла XII. «Понеже Король Свейский под защищение Его Султанова Величества пришел, – отмечается в статье, – того ради Его Царское Величество для любви Его Султанова Величества, оного свободно и безопасно до его земель пропустить соизволяет, и ежели между ними соглашенность и соизволено быть может, то с ним и мир учинить».

В других статьях договора констатировались взаимоотношения в торговле «купцам... приезжать и отъезжать и торговать свободу иметь» «дабы впредь на обе стороны... никаких обид и убытков ни от кого учинению по сим пактам не было» (ст. III–V), а также «по сим пактам все прежние неприятельские поступки забвению да предадутся...» (ст. VI), «турецкие невольники, сколько оных в государстве Его царского Величества и здесь в обозе обретаются, освобождены быть имеют...» (ст. VII).

При заключении договора первым условием везир поставил выдачу Д. Кантемира, на что Петр I ответил: «Я дал ему слово сберечь его и не изменю, лучше уступлю туркам землю до Курска: мне остается еще надежда возвратить ее, но нарушение слова невозвратно»¹⁶.

Условия договора нельзя назвать тяжкими и унижительными для России, хотя она теряла то, что в свое время было завоевано дорогой ценой. Но сохранилась армия, артиллерия (туркам отдали лишь те пушки, кото-

рые имелись в Каменном Затоне), сохранились завоевания в Прибалтике. Состояние войны, однако, между Россией и Турцией продолжалось до 1713 г.

Отметим, что с точки зрения стратегических планов русской политики Прутская кампания завершилась достижением главной цели. Прутский мир лишил Швецию союза с Турцией, следовательно, создал более благоприятные возможности Русскому государству для продолжения войны на севере. Петр стремился, чтобы это положение осознали политические круги России. В именном указе Сенату от 15 июля 1711 г. Петр писал, что жаль Азова «однако ж чаю сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительной прибылью нам есть»¹⁷. Для Карла XII мир означал крушение надежд, потерю союзников.

Ни Турция, ни Россия, однако, не торопились с выполнением условий Прутского договора. Султан медлил с высылкой Карла XII, а Петр I воспользовался этим как предлогом, чтобы оставить свои войска в Польше и воздержаться от возвращения туркам Азова и срытия Таганрога. Однако под угрозой новой войны Петр I вынужден был уступить, так как был связан войной со Швецией.

Ушла из Молдавии русская армия, вместе с ней, опасаясь турецкой мести, уехали несколько тысяч молдаван и со всей семьей Д. Кантемир, который получил титул князя, став сенатором России, одним из ближайших советников Петра I.

Сторонники Кантемира получили в России места для поселения и службу. Сын Д. Кантемира Антиох был известным дипломатом, поэтом, основоположником жанра русской сатиры. Из среды молдаван-переселенцев вышли великие деятели культуры, такие как Н.Н. и Д.Н. Бантыш-Каменские, В.Г. Анастасевич, М.М. Херасков, К. Абаза и др., генералы и офицеры – К. и А. Кантемиры, В. Абаза и др. Из рядовых кантемировских полков вышли целые поколения честных тружеников, которые внесли свой вклад в будущее второй своей родины¹⁸.

Условия Прутского договора легли в основу договоров между Россией и Турцией от 16 апреля 1712 г. и 24 апреля 1713 г., по которым Петр I признал потерю русскими крепости Азов, обязался срыть фортификационные укрепления на побережье и соглашался не вмешиваться в «польские дела»¹⁹.

Таким образом, Прутский поход 1711 г. заложил основу стратегической линии, которая в дальнейшем станет решающей в российской военной стратегии XVIII – начала XIX в. на проникновение на Балканы. В этом плане 1711 г. стал своего рода «рубиконом», когда русские войска впервые

пересекли Днестр и вступили на территорию Молдавии, оказали огромное влияние на общественно-политическое положение на Балканах.

Победа под Полтавой стала не только поворотным пунктом в дальнейшем ходе Северной войны, но и поворотным моментом в международных отношениях нового времени. Христианские народы Османской империи все больше ориентировались на Россию. Во французском донесении из Стамбула в ноябре 1709 г. отмечалось: «Мунтяне, молдаване, болгары и греки (т. е. православные) были предрасположены признать царя, и видели в нем своего освободителя»²⁰.

Яркий тому пример Черногория. Во внешней политике Черногория ориентировалась на Россию. Петр I одарил черногорских воевод деньгами и назначил постоянную субсидию Цетинскому монастырю. Русское покровительство укрепляло политическое положение Черногории и способствовало усилению внутреннего единства в борьбе против турок и Венеции²¹.

Как легенда от церкви к церкви, от страны к стране распространялись слухи о поведении русского императора Петра I на приеме с боярами, устроенном Д. Кантемиром. Император на приготовленное для него почетное место во главе стола усадил Кантемира, как хозяина страны.

И хотя турки мнили из себя победителей, упадок престижа Османской империи, наступивший после Карловицкого мира 1699 г., продолжился после Прутского похода 1711 г. и привел к новой расстановке сил на юго-востоке континента. Появились признаки усиления Габсбургской и Российской империй.

Однако турецкая сторона была далека от объективной оценки истинного положения дел как внутри страны, так и на международной арене. Свидетельство тому война, затеянная в 1716–1718 гг. потерявшими голову турецкими правителями, принесшая Османской империи крупное поражение и территориальные потери, которые еще более ухудшили ее внутреннее положение и ослабили перед лицом внешних противников.

По Пожаревацкому мирному австро-турецкому договору от 21 июля 1718 г. к Австрии отошли Банат, часть Сербии с Белградом, северная Босния и Малая Валахия (Олтения). Договор содержал гарантии свободы богослужения для католического духовенства на территории Османской империи. Это еще раз напомнило православным балканских стран, что их проблемы в системе Османской империи могут быть решены лишь с помощью России²².

Русско-молдавское боевое содружество, проявившееся во время Прутского похода 1711 г., получило дальнейшее развитие во время русско-австро-турецкой войны 1735–1739 гг. Во время подготовки русских войск к

вступлению на территорию Молдавии в их составе росло число молдаван-добровольцев, желавших сражаться против турок. Молдаване-добровольцы включились также в так называемые «летучие отряды», высылаемые с целью разведки, уничтожения мелких отрядов противника и доставки фуража. После победы у местечка Ставучаны и взятия Хотина сводный отряд русской армии под командованием К. Кантемира, сына господаря Д. Кантемира, 1 сентября 1739 г. вступил в Яссы. Население устроило им торжественную встречу. Молдавское боярство и духовенство обратились к русскому командованию с просьбой о принятии Молдавии в русское подданство. Этому помешала международная обстановка. Поскольку Австрия потерпела ряд поражений, она заключила с Турцией сепаратный мир. Заключила мир и Россия. Ее войска оставили Молдавию, однако по мирному договору Россия расширила свои границы на юг вдоль Днестра, возвратила Азов.

Вопреки исторической истине известный молдавский историк Д. Драгнев повторил измышления румынских авторов: «Русские военные части во главе с генерал-фельдмаршалом Б.К. Минихом вели себя в Молдове, подобно туркам и татарам, как настоящие захватчики. Первым делом этот полководец германского происхождения, испугав молдавских бояр тем, что подожжет столицу г. Яшь, заставил их “выкручиванием рук” подписать соглашение из 12 статей. По этому документу русские фактически заняли место турок в княжестве, превращая свою армию, этот форпост экспансии на Балканы, в военную силу, присутствующую здесь “на законных основаниях”»²³.

Во второй половине XVIII в. роль России в бассейне Черного моря и на Балканах возрастала. Ее внешняя политика и действия по оказанию помощи христианским народам становились более весомыми. Это продемонстрировала русско-турецкая война 1768–1774 гг. Эта война началась с требования Турции вывода русских войск из Польши и Украины, т. е. соблюдения условий Прутского договора 1711 г. Военные действия охватили территории от Хотина на западе до Кавказских гор на востоке. Осенью 1769 г. русская армия вступает в Молдавию и Валахию. В княжествах была введена местная гражданская администрация, составленная из крупных бояр, во главе с русским генералом.

Летом 1770 г. русская армия одержала ряд крупных побед. В июле в Чесменской бухте была уничтожена турецкая эскадра. Были разгромлены объединенные турецко-татарские силы в крупных сражениях 7 июля у реки Ларги и 24 июля у реки Кагул (около села Вулканешты), штурмом была взята крепость Бендеры. В 1771 г. русские войска одержали победу

в Крыму и овладели рядом крепостей на Дунае. Молдаване и валахи, как и прежде, активно помогали русской армии в борьбе против турок. В различных местах формировались отряды волонтеров и арнаутов, в составе которых в 1774 г. было свыше 20 тыс. человек.

Как и в предыдущей войне, стремление населения Дунайских княжеств с помощью России добиться свержения турецкого ига выразилось в том, что в Петербург были посланы делегации и от Молдавии, и от Валахии с обращением к Екатерине II о принятии княжеств в русское подданство.

Румынская историография и эти события излагает сугубо в своем стиле. Известный румынский историк 30–40-х гг. XX в. П. Панаитеску, излагая суть просьб делегаций Валахии и Молдавии, прокомментировал их следующим образом: «До чего же докатилась гордость румын!», полагая, видимо, что трехсотлетнее османское иго, в том числе столетний фанаритский режим, составляло национальную гордость румын²⁴.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. сыграла в судьбе Дунайских княжеств судьбоносную роль. Кючук-Кайнарджийский мирный договор от 10 июля 1774 г. явился первым актом международного права, ограничившим османский суверенитет над княжествами. Однако этот исторический акт представляется в современной историографии прорумынской ориентации сдержанно, фрагментарно, буднично. Обычно констатируется: «Статья 16 договора предусматривала ограничение размера дани княжеств султанскому правительству». Но это далеко не все, что влияло на улучшение экономического положения Молдавии и Валахии: отметим, что турецким сановникам запрещалось взимание подарков или поборов в свою пользу, а запрет торговли престолом, сумма за который временами превышала сумму дани, вообще для того времени невообразим. Порта обязывалась возвратить княжествам все земли, которые были отняты и приписаны к райям. Княжества получили право иметь в Константинополе своего поверенного в делах для защиты их интересов. До этого они посылали лишь заложников. В дополнение к этому в договоре имелся пункт, по которому русские послы в Стамбуле получили право выступать в защиту жителей княжеств. Однако некоторые историки не замечают в действиях России стремления облегчить судьбу населения Молдавии и Валахии, а трактуют совершенно другие тенденции, определяя этапы в планах России по «захвату румынских земель». На самом деле события развивались совсем в ином плане. По требованию России в сентябре 1802 г. султан вынужден был издать специальный хатт-и шериф, который вновь подтвердил и расширил привилегии, предоставленные Молдавии и Валахии.

Какую, как не освободительную, миссию представляли Аккерманская конвенция от 7 октября 1826 г., Адрианопольский мир по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг., реформы, проведенные русской администрацией генерала П.Д. Киселева? Введение Органических регламентов вывело Молдавию и Валахию на европейский уровень государственного устройства. По Адрианопольскому договору Турция признала в 1829 г. автономию Греции, в 1830 г. – ее независимость. Россия поддержала идею объединения Молдавии и Валахии в 50–60-е гг. XIX в. Русский посол в Париже, известный в княжествах человек, генерал П.Д. Киселев сумел оградить объединенную страну от попыток Турции вмешаться в ее внутренние дела.

И наконец, балканский кризис 70-х гг. XIX в., разрешенный русско-турецкой войной 1877–1878 гг., в результате которой Румыния, Сербия, Черногория были признаны международным сообществом независимыми, а Болгария получила автономию.

Есть все основания утверждать, что миссия, которую начал Петр I в 1711 г., пришла к завершению. Россия последовательно, в различных международных ситуациях, даже неблагоприятных, какой была Крымская война 1853–1856 гг., неся огромные материальные затраты, теряя сотни тысяч своих сограждан, выступала защитницей интересов балканских народов.

---

¹ Краткая история СССР. Часть вторая. – Л., 1978. – С. 172.

² История Турции. – Л., 1963. – С. 191–192.

³ Краткая история СССР. Указ. соч. – С. 117.

⁴ Успехи русской армии под Полтавой (1709 г.) определили ориентацию внешней политики Дунайских княжеств. Еще в 1709 г. Петр I заключил тайный договор с господарем Валахии К. Брынковяну, который обязался встать на сторону России в случае ее войны с Турцией, выставить 30-тысячное войско, снабжать русскую армию продовольствием, поднять сербов и болгар против султана. В апреле 1711 г. Петр I подписал соглашение с молдавским господарем Д. Кантемиром, который должен был выставить 10-тысячное войско. Подобно валахам, молдаване должны были перейти в русское подданство, но сохранить внутреннюю самостоятельность.

⁵ История Турции. Указ. соч. – С. 194.

⁶ История южных и западных славян. – М, 1957. – С. 131.

⁷ В это время валашское войско было собрано в Ирлаць возле Плоешт, а К. Брынковяну пытался убедить русских вывести войска из Молдавии, предлагая посредничество в переговорах о мире с турками. Валашский господарь в эти дни вел двойственную политику, выжидал исхода войны, поддерживал связь с командованием и русской, и турецкой армии. Это нарушало планы войны, ослабляло русские силы. К. Брынковяну, как сообщает летописец И. Некулче, воспрепятствовал подходу к русскому войску

военных отрядов сербов. Из валашских сил только небольшая группа вместе с Ф. Кантакузино отошла от Брынковяну и сражалась вместе с русскими и молдавскими войсками против турок // **Мохов Н.А.** Дружба ковалась веками. – Кишинев, 1980. – С. 183.

⁸ История румын. Средневековая эпоха. – Кишинэу, 1992. – С. 212.

⁹ Воззвание Д. Кантемира, манифест Петра I были встречены с большим восторгом народом. Повсюду царили большой подъем и желание сражаться совместно с русскими войсками против турецких поработителей. Летописец Иоан Некулче будучи в это время гетманом молдавской армии писал, что при продвижении русских войск по территории Молдавии «поднялись все оргеевцы, сорочане и лапушняне и шли с ними до перехода реки Прут». С большим торжеством встретила русскую армию столица Молдавии Яссы // История МССР. – Т. I. – Кишинев, 1965. – С. 300–309.

¹⁰ Мир был заключен в русском лагере у Вадул Хушилор на Пруту // <http://www.Imha.ru/knowledge/-bose/library/p-library/1144524320-prutskj-j-mirnyj-j-dogovor-ot-12ijulja.html>

¹¹ Уполномоченные царя канцлер Петр Шафиров и генерал Михаил Шереметьев названы в записи с турецкой стороны к договору: «... царев советник, верующий в Мессию, честнейший барон канцлер Петр Шафиров и сын сына Шереметьева, сына Бориса генерала Михаил (которых последняя да будут добры) исполнив службу свою без всякого замолчания».

¹² И для турецкой стороны сложилась чрезвычайная ситуация. Неудача атак русского лагеря резко снизила ее боеспособность: в тылу турецкой армии в районе крепости Брэилы появился русский отряд генерала Репе. В этой обстановке янычары отказались штурмовать русский лагерь, требуя выдачи задолженности по жалованию.

¹³ Турция постоянно нарушала территориальную целостность Молдавии. В XV–XVIII вв. она отторгла немало земель и подчинила их непосредственно своей администрации, они получили название «райя». В 1484 г. были захвачены города Белгород и Килия с близлежащими землями. В 1538 г. после захвата Тигины (Бендер) возникла Бендерская райя, в 1590 г. – Измаильская, в 1662 г. – Ренийская, а в 1715 г. – Хотинская. Порты были готовы лишиться Дунайские княжества автономии, превратив их в пашалыки. Однако из-за опасения отрицательной реакции христианских держав, в том числе и России, Молдавия и Валахия сохранили политическую автономию.

¹⁴ **Мохов Н.А.** Указ. соч. – С. 191.

¹⁵ Фанариоты – богатые греческие купцы, ростовщики и драгомань, проживавшие в стамбульском квартале Фанар.

¹⁶ В современной молдавской историографии прорумынской ориентации установление фанариотского режима трактуется просто: в 1711 г. он был установлен в Молдавии, а в 1716 г. – в Валахии. Логически получается, что это результат Прутского похода русской армии и перехода Д. Кантемира на сторону России. В действительности фанариотский режим в Валахии явился результатом подозрения турок господаря Штефана Кантакузино в сговоре с Австрией.

¹⁷ **Полевой Д.** История Петра Великого. – Ч. 3. – СПб, 1843. – С. 183; См.: Вступительную статью к работе Дмитрия Кантемира. Описание Молдавии. – Кишинев, 1973. – С. 18.

¹⁸ См.: Прутский мирный договор от 12 июля 1711 г. Указ, данный Сенату 15 июля 1711 г. В литературе приводятся разные и неточные цифры о числе отступивших вместе с Д. Кантемиром из Молдавии. Судя по письму графа Головкина сразу же после выхода армии из Молдавии, видно, что с Д.Кантемиром «ушло число мужского и женского пола 4000 человек», но вскоре осталось около 1000 человек (об этом писал Д. Кантемир в письме Петру I, прося указать места для их поселения // **Мохов Н.А.** Указ. соч. – С. 185–187, 263.

¹⁹ Карл XII, проживая под Бендерами, жестоко ссорился с турецкими пашами и самым великим везирем. П.П. Шафиров, оставленный после заключения мира в Турции для связи, доносил Петру I, что великий везир сказал ему «за секрет, что шведа почитал за умного человека, а теперь, признает его за самого дурака и сумасбродного скота». 1 октября 1714 г. инкогнито Карл XII пустился в путь и в начале ноября явился в Штральзунд, который осаждали союзники. Он был убит 11 декабря 1718 г. вражеской пулей при осмотре осадных работ у норвежской крепости Фредерикчальд // **Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.** Всемирная история. – Т. II. – Петербург, 1898. – С. 536–537.

²⁰ Istoria Moldovei. – Chişinău, 1992. – P. 159.

²¹ История южных и западных славян. М, 1957. – С. 111.

²² История Турции. – С. 196–197.

²³ История румын. С древнейших времен до наших дней. – Кишинэу, 2001. – С. 127.

²⁴ **Панаитеску П.П.** История румын. – Кишинэу, 1991. – С. 185.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ: НОВЫЕ СЮЖЕТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ПОЛТАВСКАЯ ЭПОПЕЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В.Р. ОКУШКО

Длившаяся два десятилетия Северная война, как известно, включала многие десятки значимых военно-политических событий, вовлекших в свой круговорот страны Центральной, Северной, Восточной Европы, включая земли нынешнего Приднестровья. Дипломатические интриги и акции, крупные сражения и походы, создание и распад различных коалиций, клятвопреступления, измены, военно-техническое соперничество государств, амбиции царствующих особ, переплетение интересов отдельных магнатов и представителей властных структур и великое множество подобных крупных и мелких эпизодов составляет богатый материал специальных исторических исследований. В то же время на все эти события можно посмотреть, абстрагируясь от упомянутых интереснейших и значимых вопросов, и, существенно схематизируя, упрощая всю ситуацию, утверждать, что Северная война, по существу, – аналог «мировой» войны; хотя и не получив соответствующий официальный исторический статус, она фактически была таковой.

Планы превращения балтийских вод в «шведское озеро» и создания империи «от моря до моря» очень близки к последовавшему через столетие наполеоновскому нашествию, а еще через столетие – немецкому. При

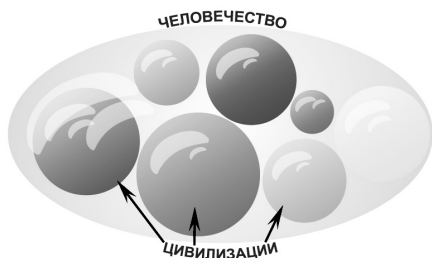
таким взглядом на минувшие три столетия, который предполагает возможность предельно обобщить, упростить весь гигантский массив исторических событий, становится очевидным, что с частотой в одно столетие объединенными усилиями стран Европы предпринимаются попытки овладеть восточными евразийскими территориями. В эту череду одновекторных континентальных катаклизмов можно включить и иные, относительно бескровные, события русской истории, связанные со «смутами», поддерживаемыми с Запада. Собственно «смутное время», как известно, разворачивалось на пороге XVII в., соответственно, переживаемые сегодня события на постсоветском пространстве приходятся тоже на начало уже XXI столетия.

Если отмеченная историческая периодичность (с «длиной волны» 100 лет) – явление случайное, то сам факт военных неудач каждой из названных векторно однотипных восточных кампаний обсуждению не подлежит. Глубинные причины, толкавшие западных европейцев на каждый из такого рода походов, равно и причины их поражений, можно связать и с индивидуальными особенностями и амбициями государей-правителей и (или) их команд, можно связать их с некими особенностями складывающихся европейских наций-государств или множеством других разнородных обстоятельств. В то же время можно и, как мы полагаем, необходимо взглянуть на эти события и с предельно обобщающих позиций, а именно с позиций цивилизационных, тем более, что сомневаться в реальности существования соответствующих культурных общностей наивысшего ранга в настоящее время уже не приходится.

Напомним, что цивилизация есть культурная сущность, общность людей наивысшего ранга, самый широкий уровень культурной общности и самоидентификации. Объективно различия между цивилизациями определяют религия, обычаи, язык, история, институты. Крупные цивилизации могут включать одно единственное государство или несколько наций-государств.

Вне зависимости от того, какой из цивилизационных схем мы будем придерживаться, само существование некой специфической «русской» цивилизации не подлежит сомнению. Мы примем концепцию С. Хантингтона и вслед за ним будем считать, что самый широкий уровень общности и идентичности

СОВРЕМЕННЫЙ ДУХОВНЫЙ МИР

людей Восточной Европы есть «православно-славянская цивилизация» (ПСЦ).

Возникновение у западноевропейцев самой мысли о возможности покорить Россию проистекала из непонимания сегодня очевидного факта: Россия – отнюдь не одна из десятков европейских стран, она всегда была и есть государство-цивилизация.

Все устроители походов на Восток этого не понимали, в географии и этнологии были глубоко невежественны. Они рассчитывали, в конечном счете, на покорение российского государства-нации по западноевропейскому типу – на ее «цивилизованную» капитуляцию. Сталкивались же они каждый раз с могучей стихией иной цивилизации, с ее инстинктом самосохранения.

В каждом из таких военных столкновений с Россией четко различается известная периодичность этапов, апогеем которых были решающие переломные сражения. После них победа России в качестве оплота ПСЦ представлялась уже неизбежной. Такие битвы, как Полтавская, Бородинская, Сталинградская, представляют собой решающие события соответствующих кампаний, в которых сталкивались военная мощь западноевропейского государства с возможностями не обычной страны, а государства-цивилизации. Последнее опиралось не только на совокупность в широком смысле технических средств, но и на духовное начало, духовное могущество православно-славянской общности, на разбуженную оккупантами волну массового патриотизма. Исход всей войны и в значительной степени самой битвы этим обстоятельством был исторически предreshен.

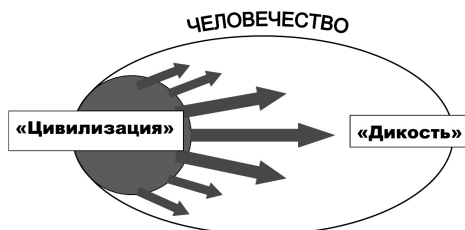
Беру на себя смелость предположить, что цивилизация в качестве духовного феномена по самой своей сути физически «непобедима». Поэтому и в Северной войне военными действиями могла бы быть решена участь лишь государства как такового, что, кстати, и случилось двести лет спустя, в 1917 г. Но что касается самой ПСЦ, она могла бы исчезнуть только вместе со своими носителями – с многомиллионным народом в случае его тотального геноцида. Ни войной, ни революцией покорить цивилизацию невозможно. Она представляет собой принципиально иной уровень общности людей, иное измерение. Поэтому, нисколько не умаляя значения полководческих талантов русских военачальников и самого Петра I, следует признать, что итог войны был предопределен не ими, а великим единством православных, объединившим великороссов, малороссов, белорусов, черноросов в единую несокрушимую цивилизационную мощь, которая таким путем не могла быть уничтожена по определению.

Самое важное для понимания сути подобных событий состоит в том, что победа была одержана не одним доблестным православным воинством. Каждый раз соприкоснувшись с реальным событием люди осознавали, что «идет война народная, священная война», что это не политический лозунг, а констатация реального и великого явления. Под снегом холодной России под ногами у пришельцев каждый раз горела земля, им противостояла ими же спровоцированная «ярость благородная» народных масс. Именно они были не только подлинными исполнителями, но и авторами всех побед. «Невидимая рука» цивилизации постоянно и упорно работает на самосохранение этой общности людей. В критические же, роковые дни спасает себя, свое будущее, не останавливаясь ни перед чем. С точки зрения психологии действующих масс и внутренних механизмов событий нет различия, происходили ли они в XVII в. или XX в.

Такое понимание сути происходившего особенно близко людям, обитающим вблизи «цивилизационного разлома», непосредственно ощущающим влияние двух цивилизационных массивов.

В то же время многие нынешние политики представляют себе принципиально обратную ситуацию: по их мнению, существует единый всечеловеческий исторический процесс, который возглавляет единая же

СОВРЕМЕННЫЙ ДУХОВНЫЙ МИР

атлантическая европейская цивилизация, все остальное – более или менее выраженная отсталость, «нецивилизованность», которую следует любыми средствами преодолеть. С таких позиций в Полтаве встретились прогрессивная европейская цивилизация с азиатской «нецивилизованностью», отсталостью, дикостью. Несмотря на «благородные и передовые» устремления Карла XII и примкнувшего к нему Мазепы, они потерпели поражение, а Украина на три века осталась под пятой «азиатской России». И только теперь, утверждают современные политики, после развала советской империи, этой стране представился исторический шанс вернуться в Европу, в частности, в НАТО, на путь процветания и прогресса. Украина, также как Белоруссия, Молдова, – вполне европейские, т. е. передовые (хорошие) страны, которым постоянно мешала и мешает отсталая и дикая (плохая) Россия. Все просто, понятно и, самое главное, выгодно.

В то же время, этим политикам стоило бы, как выражаются журналисты, «оторваться от наполненной гламурятиной кормушки», подняться в рост и оглянуться по сторонам, и тогда они увидели бы совершенно иную, цивилизационную, историю человечества, ее далекий от линейности путь. Десятки известных крупных цивилизаций прошлого принципиально не могут подразделяться на положительные и отрицательные («хорошие и плохие»), все – наше прошлое. Точно также нынешняя атлантическая цивилизация отнюдь не единственная, «прогрессивная и всепобеждающая», их в современном мире не менее семи различных, непохожих друг на друга и равнозначимых. Вне всякого сомнения, технико-экономически европейцы впереди, здесь спорить не о чем, и по этому показателю можно (по-европейски) составить рейтинг всех стран. Но ранжировать по этому принципу цивилизации бессмысленно: все они – объективная культурная данность, все имеют право на существование, и все будут продолжать существовать вне зависимости от политических интриг и даже военных операций. ПСЦ – одна из них, давшая миру особую, не привязанную исключительно к какому-либо этносу, по сути, интернациональную надэтническую российскую культуру. Пытаться доказывать ее значение здесь, конечно же, неуместно, но еще раз напомнить о ее роли в духовном прогрессе человечества – необходимо. При этом отказ от принадлежности к ПСЦ (от подобной самоидентификации) – личное дело каждого, но политические акции, направленные на отрыв населения целой страны (сейчас мы говорим об Украине), бессмысленны, бесперспективны и недостойны.

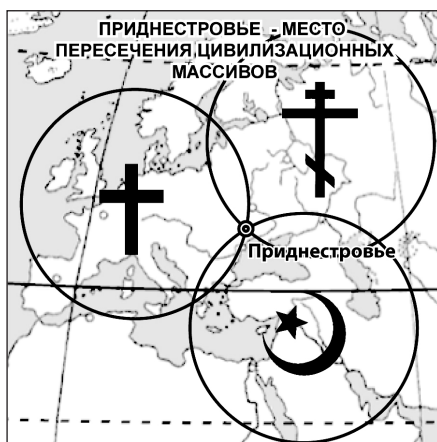
Если бы уровень духовной близорукости и финансовой зашоренности политической элиты современной Украины не был бы столь высоким, ей нетрудно было бы осознать исторический цивилизационный аспект сов-

ременной ситуации в стране. Украина, равно как и Белоруссия и Молдова, оказались в линии междивизиационного разлома. Часть населения этих стран (особенно западных районов), действительно, идентифицирует себя не с ПСЦ, а с западноевропейской цивилизацией. Попытки политическими средствами, силовыми приемами подчинить всю эту страну Западу не могут быть успешными по той простой причине, почему Швеция в Северной войне не могла поглотить Россию. Можно, конечно, организовать очередную смуту, можно довести страну до раскола и, чего доброго, и до гражданской войны, но сокрушить ПСЦ никогда не удастся. ПСЦ – это совершенно не тот уровень общности людей, который в принципе может контролироваться из кабинетов и штабов. Это другой системный уровень, другое, повторяюсь, измерение.

В наше время междивизиационные противостояния набирают силу и угрожают стабильности всего мира больше, чем что-либо другое. В конечном счете и терроризм, и взрывоопасность, сохраняющаяся во многих регионах, и локальные войны современности – все связано с междивизиационным противостоянием. Содействовать этому нарастающему расчленению человечества или противодействовать ему – вопрос кардинальный, он не имеет промежуточных решений. Отношение к нему демонстрирует не больше и не меньше, чем ответственность за судьбу человечества.

Поэтому осмысленными, реалистичными, исторически перспективными и, скажем прямо, благородными по сути были бы такие действия руководителей восточнославянских стран, которые работали бы на сближение западноевропейской цивилизации и ПСЦ внутри их стран и в межгосударственных отношениях, на снятие недоразумений и предвзвешенных, искусственно противопоставляющих эти крупнейшие человеческие общности. В этом видится долг и всех граждан стран, примыкающих к междивизиационному разлому.

В эпоху Северной войны на протяжении нескольких столетий территория, на которой нынче утвердилось Приднестровье, была единственным местом на земном шаре, где пересекались, соприкасались три великие цивилизации:

западноевропейская, православно-славянская и исламская. Это один из непреложных историко-географических фактов, который оставил свой след в дожившей до наших дней топонимике края и его археологических памятниках. К северу, востоку и западу от него контакты были лишь двусторонними (западная и православная, исламская и западная, православная и исламская). Бегство Карла XII после полтавского поражения под стены Бендерской крепости, таким образом, было предопределено уникальностью региона.

Многочисленное изменение государственных границ, происходившее в последующие столетия, существенно изменило этнический и конфессиональный состав населения. Уже два века земли Приднестровья представляют собой неотъемлемую часть сферы ПСЦ, манифестируя свойственный этой общности образец толерантности в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Здесь сложная судьба перекрестка, точки пересечения цивилизационных влияний не только сохранилась, но и нашла свое оптимальное решение в социально-политическом явлении, называемом «феноменом Приднестровья».

Не только славяне (русские, украинцы, белорусы, болгары, сербы), но и романоязычные (молдаване), и тюркоязычные (гагаузы), равно как и представители других неславянских этносов, относящих себя к ПСЦ и ее надэтнической культуре, ощущают себя хозяевами этой «приграничной» земли, ее исторического прошлого и будущего.

ПЕТР, КАРЛ И МАЗЕПА ОТ ПОЛТАВЫ ДО БЕНДЕР: СТРАТЕГИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Н.В. БАБИЛУНГА

Основной задачей внешней политики Петра Великого с конца XVII в. стала борьба за выход к Балтике. И дело не столько в том, что прибалтийские земли издревле были заселены славянами и принадлежали Русскому государству. Суть состояла в том, что без этого прямого выхода на Запад Россия была обречена на хозяйственную и экономическую отсталость, политическую консервацию и быструю деградацию в обширную, но третьеразрядную ослабевшую державу, легкую добычу любого хищника с запада или востока. Начиная Северную войну, Петр прекрасно понимал, что перед ним стоит национальная задача исторического масштаба – быть или не быть России как державе, как единому народу, как цивилизации.

В поисках союзников против своего главного соперника – Швеции Петр заключает в 1699 г. Северный союз с королем Польши Августом II, к которому вскоре присоединяется и Дания. А в июле 1700 г. после трудных переговоров в Стамбуле был заключен и мирный трактат с Турцией. Посчитав внешнеполитическую безопасность страны достаточно обеспеченной, Петр через месяц двинул русскую армию против шведской крепости Нарва. Так началась Северная война. И началась она для России с поражений.

Карл XII осадил Копенгаген и вынудил Данию капитулировать. Затем он разбил русские войска под Нарвой, привел свою армию в Польшу, сверг союзника Петра Августа и возвел на польский престол своего ставленника Станислава Лещинского. Военная удача и звезда Карла достигли своего зенита. К нему в Саксонию, где он расположился в 1706 г., едут иностранные дипломаты, искавшие союза со Швецией. Приезжали из Франции, из Англии, из других стран, приезжали, чтобы выразить свое восхищение героем и предложить перспективные союзнические отношения. Но Карл

не прельстился выгодами от вмешательства Швеции в Войну за испанское наследство, к чему его так склоняли французы. Поверив тайным посулам гетмана Мазепы о полной поддержке шведов запорожским казачеством в деле разгрома «клятых москалей», Карл принял судьбоносное решение – двинуть все свои силы в русский поход, разбить и развалить Россию окончательно и навсегда.

Король Швеции Карл XII был воистину личностью незаурядной. Рано оставшийся без отца, он воспитывался матерью в духе высокого благочестия, веры, кротости и глубокой нравственности. Ему было присуще и редкое для монархов чувство справедливости. Король-воин, крупный полководец, он был и блестящим политиком, понимал назревшую необходимость внутренних реформ и наметил их пути. Ему не были чужды и научные интересы. Уже после своего разгрома, прячась под защитой турок в Бендерах, Карл сумел организовать и снарядить ученую экспедицию в Египет и Палестину. Но рядом с этими качествами жизнь зародила и воспитала в нем удивительную самонадеянность и упорную настойчивость, перешедшую в упрямство. Он продолжил абсолютистскую и великодержавную политику своего отца Карла XI, и вероятно, мог бы стать великим шведским королем, если бы так слепо не доверял профессиональному предателю Мазепе и не выбрал бы себе такого сильного противника, как Петр I. За спровоцированный Мазепой поход на Москву Карл расплатился катастрофой своей армии, почти пятилетним пребыванием на турецкой чужбине, а затем и смертью в Норвегии от раны при неясных обстоятельствах.

Итак, две бескомпромиссные стратегии, сориентированные только на победу, двух великих людей – Петра и Карла. И в маленьком украинском городке Полтава решались исторические судьбы великих держав. Но кто же такой Иван Мазепа, облагороженный портрет которого украинцы ежедневно лицезреют на купюрах Национального банка и с иронией называют его «десятигривенным гетманом»? К своей Полтаве Мазепа шел долгим путем.

Окончив Киевско-Могилянскую коллегию, а затем Варшавскую иезуитскую коллегию, этот шляхтич, всю жизнь говоривший на украинско-польском суржике, верно служил польскому королю на дипломатической службе. В 1669 г. за свои амурные проказы он был физически опозорен польским магнатом. Однако предпочел не драться на дуэли, как того требовал кодекс дворянской чести у поляков. Мазепа решил изменить Яну Казимиру и бежать к непримиримому врагу короля – гетману Правобережной Украины и турецкому ставленнику Петру Дорошенко. И в качестве гетманского дипломата Мазепа готовит материалы позорнейшего Буцац-

кого мира, по которому в 1672 г. часть Украины, вся Подолия, включая и северные районы Приднестровья, перешли в руки турок на четверть века.

Отправив Мазепу под татарской охраной в Стамбул на переговоры, Дорошенко дал ему своеобразный «подарок» султану – полтора десятка пленных запорожцев на лютую казнь. Казаки атамана Сирко в степи перехватили посольство и выпустили пленных на свободу, а Мазепу доставили к гетману Левобережной Украины Ивану Самойловичу. Гетман не учинил над предателем расправу и даже взял Мазепу на службу, чтобы использовать его для компрометации Дорошенко в глазах Петра I. **Оказываясь в** Москве, Мазепа был щедр с высшими сановниками, а неудача Крымского похода 1687 г. стала очередной удачей Мазепы. После коллективной жалобы казацкой старшины на Самойловича Петр отправляет его в ссылку, а гетманом становится сам Мазепа.

Два десятилетия верой и правдой служил Мазепа Петру, сдавая ему то фаворита Софьи князя В.В. Голицына как взяточника и казнокрада, то казацкого полковника Палия, то других несчастных, которых он подозревал в нелояльности или богатства которых ему приглянулись. Став одним из крупнейших феодалов в Европе (а количество крепостных у Мазепы достигало 100 000 человек), он впервые в истории Украины ввел барщину и запретил крестьянам вступать в казаки. В связи с тем, что рядовые казаки и крестьяне крайне враждебно относились к «ляху» Мазепе, его гетманскую резиденцию в г. Батурине охраняли русские солдаты. Это русские спасали жизнь Мазепы от справедливого гнева его соотечественников. Но когда Карл XII **сверг с польского престола Августа и поставил Станислава Лещинского**, природный нюх профессионального интригана подвел Ивана Степановича, – он слишком поторопился. Слишком рано переметнулся Мазепа на сторону более сильного сюзерена. В тайных переговорах с польским королем 1705–1707 гг. он договорился присоединить к Речи Посполитой всю Украину, а себе в награду выпросил княжеский титул и в свое личное владение – Витебское и Полоцкое княжества. Гарантом выступал Карл XII.

Своему новому сюзерену Мазепа пообещал 50 тысяч казацких сабель, поддержку всего украинского народа, огромные запасы пушек, боеприпасов и продовольствия, которые он заготовил к приходу шведов. Устоять перед таким соблазном шведскому королю было трудно. И Карл решился.

В 1708 г. шведская армия вторгается в Россию. Петр I, **принимая план** отражения шведской агрессии, верил в то, что народ поддержит русскую армию, начнет партизанскую войну против иноземцев, измотает и ослабит неприятеля. Так оно и получилось. Карл столкнулся в России с беспощад-

ной народной войной. Население бежало в леса, сжигая все запасы, а мелкие партизанские отряды уничтожали шведских фуражиров; ни отнять, ни купить продовольствие не представлялось возможным.

Понимая, что взять Москву с наскока не удастся, Карл поворачивает на юг в надежде втянуть в войну против России Стамбул и Бахчисарай, а главное, – здесь его ждал Мазепа с обещанной поддержкой. Но отряд Меншикова с помощью казаков Прилукского полка взял Батурин. Склады продовольствия и боеприпасов были уничтожены. А Голицын без боя взял родину Мазепы Белую Церковь, которую ему сдали казаки полковника Бурляя. Но самым тяжелым ударом для Карла стал разгром 16-тысячного корпуса Ливенгаупта, который шел на помощь из Прибалтики, и был разбит 12-тысячным отрядом, возглавляемым Петром.

Шведы передвигались по Украине во враждебном окружении ненавидящего их населения. Не встретив обещанной поддержки, шведы мстили украинцам с беспримечной жестокостью. Они сжигали хутора и села, уничтожали мирных жителей. Массовый террор сопровождал нашествие Карла на Украину. Это еще более подхлестывало народную войну. В шведский лагерь Мазепе удалось привести не 50 и даже не 20 тысяч, а жалкую горстку казаков, которые, увидев обман, стали просто разбегаться. А некоторые, как полковник И.И. Галаган, с боем уходили в Россию, да еще приводили с собой пленных шведов.

Петр в это время прилагал титанические усилия для создания новой армии и флота, комплектовал их русским командным составом. Создавалась военная промышленность, ведь армию нужно было одеть, вооружить, обучить. И постепенно военная инициатива в Северной войне перешла к России. Сначала взята крепость Орешек, основан Санкт-Петербург, взята Нарва. Затем в течение нескольких лет на две трети очищена от шведов Прибалтика. А вот армия Карла на Украине таяла на глазах, и поход на Москву становился все более несбыточным.

Мазепа попытался исправить свою поспешность. С помощью полковника Д.П. Апостола он передает Петру просьбу о прощении и даже предлагает выдать России шведского короля. Есть сведения, что Петр брезгливо отверг эти предложения со словами: «Не царское это дело с изменником якшаться!». Можно сказать, только благодаря Петру I Мазепа не предал еще одного своего благодетеля, Карла XII. Впрочем, еще до Полтавского сражения, однажды Карл, видимо, обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, воскликнул: «Зачем мы не последовали доброму совету нашего верного генерала Реншильда и тому, что высказывал граф Пиппер? Мазепа, Мазепа! Вы нас погубили!».

Очень скоро события показали, насколько был прав шведский король в своих предчувствиях и как точно он определил виновника своей будущей гибели. Разгром шведов под Полтавой был полным. Россия преодолела внешнеполитическую изоляцию. Август II **вновь занял польский престол** и возобновил союз с Россией. Подобный союз вновь был заключен с Данией, Пруссией и Ганновером. Северный союз, распавшийся в результате прошлых побед Карла, не только возродился, но и расширился. А король Швеции в это время «гостил» у турок в Бендерах. И хотя до окончания Северной войны было еще далеко, господству Швеции в Северной Европе был положен конец. Датчане, прибалты, финны, все изгоняли шведов со своих территорий, пока Карл в гневе и неистовстве метался между Бендерами и Варницей, пытаясь втравить турок в войну против России. Швеция навсегда покинула разряд сильнейших мировых держав и во многом должна быть благодарна за это гетману Мазепе, которого по большому счету никогда не интересовала ни Швеция, ни Россия, ни Польша, ни Турция, ни Украина,

Умер Мазепа в Бендерах, став свидетелем собственного краха, умер в безвестности и позоре, покинутый почти всеми. По настоянию Карла, преемником Мазепы стал генеральный писарь Филипп Орлик, один из немногих сохранивших верность покойному гетману до конца. В Бендерах, оставшись без средств и поддержки, потеряв самостоятельность, Орлик довершил дело Мазепы последних и самых неудачных лет его жизни, – признал «вечный протекторат» Швеции над Украиной. Орлик упорно и настойчиво пытался втянуть Крымское ханство в войну против России, обещая Бахчисараю всенародную поддержку казачества в борьбе против «москалей». Но охотников верить этим посулам уже не находилось.

Так бесславно закончился этот «полтавско-бендерский» период в жизни шведского монарха. Стратегия побед Карла поскользнулась на стратегии поражений Мазепы. А для петровской России этот период стал трамплином к новым победам, к собственному самоутверждению и взлету.

КАЛАБАЛЫК У БЕНДЕР: АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРИДНЕСТРОВСКОЙ «ЗАВАРУХЕ» КАРЛА XII

П.А. КРОТОВ

Турецкое слово калабалык (заваруха, сутолока) вошло во многие европейские языки. Употребляется оно и в шведском языке – языке северного народа, живущего на большом удалении от турецких границ. В шведском языке слово имеет значение «резня, свалка, драка». Такое распространение турецкое слово получило благодаря историческому эпизоду начала 1713 г., связанному с именем шведского короля Карла XII, **оказавшегося** после полтавского разгрома в пределах Османской империи.

В отечественной историографии последних трех столетий калабалык как исторический эпизод и исследовался¹, и многократно упоминался. Самую широкую европейскую известность калабалык приобрел благодаря сочинению Вольтера о Карле XII², переиздававшемся трудно поддающееся подсчету число раз. В шведской историографии существуют труды, посвященные этому яркому событию, о нем издаются источники³. Тем не менее, этот важный эпизод истории межгосударственных отношений заслуживает дальнейшего углубленного исследования.

Что, собственно говоря, произошло в начале февраля 1713 г. в селе Варница вблизи Бендер?

Как известно, шведский король после битвы под Полтавой бежал от Днепра в Очаков, оттуда переехал с ближайшим окружением в Бендеры, а потом был препровожден в село Варница неподалеку от крепости. Как бы то ни было, Карл XII **продолжал являться центром притяжения для самых** разнородных антироссийских политических сил. Бендеры, затем Варница в силу превратностей исторического процесса стали одним из пунктов, где решались важные вопросы большой европейской политики. Король, понятно, вынашивал в годы вынужденного пребывания в пределах Осман-

ской империи идею военного и политического реванша. Цепь следовавших событий была для него катастрофичной: полтавский разгром, потеря собственной армии на Днепре, неудавшийся план сокрушить русскую армию на реке Прут в 1711 г. Тогда оказался упущенным реальный шанс остановить с помощью Турции процесс рождения на севере Евразии новой великой державы – Российской империи.

К началу 1713 г. продвигавшиеся королем планы имели скромный успех. Реальностью было другое. Перед Карлом XII уже давно маячила вероятность его высылки в самое ближайшее время под охраной большой крымско-татарской армии и янычар через земли Речи Посполитой в Померанию – часть владений на южном побережье Балтийского моря несостоявшейся Шведской империи. Этот путь развития событий тревожил короля. В случае осуществления намеченной высылки он становился бы заложником чужих военно-политических планов, неясного развития крайне рискованной для него ситуации, на которую король почти не смог бы повлиять. Вполне вероятным могло оказаться то, что Карл XII мог стать русским или польским пленником. Такая перспектива более всего и волновала шведского монарха. В Польше продолжали находиться царские войска; сама Речь Посполитая оставалась частью воевавшего со Швецией Северного союза. Чтобы заставить гордого короля Швеции следовать их воле, турки и татары по приказу крымского хана Девлет-Гирея II двинулись на штурм укрепленного двора, в котором он укрылся со своими многочисленными соратниками.

Первый из документов – донесение некоего российского разведчика по имени или по псевдониму Дессеур. Оно было отправлено из приграничного замка Межибож (Меджибож) на реке Южный Буг в Киев 4 февраля 1713 г. Насколько можно судить из документа, адресатом являлся киевский генерал-губернатор князь Д.М. Голицын. 10 февраля сведения были получены в Киеве. Сводка новостей была весьма добротна. По существу, вся предыстория конфликта в Варнице изложена в публикуемом документе подробно и достоверно. Российские власти, следовательно, успешно отслеживали ход событий вокруг особы шведского короля по ту сторону границы с Османской империей, своевременно получая необходимую информацию. От каких осведомителей были получены сведения, косвенно свидетельствует обилие украинизмов и полонизмов в тексте. Сам документ представляет собой копию полученного в Киеве 10 февраля 1713 г. донесения из Межибожа. Список, по логике событий, был выполнен вскоре после того, как сведения от информатора на границе с Османской империей доставили российским властям. Через несколько месяцев

эти сведения уже не являлись злободневными, став лишь частью истории международных отношений.

Второй публикуемый документ по-своему уникален. Это «сказка», составленная в итоге допроса, проведенного 22 апреля 1713 г. в Военно-походной канцелярии генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, располагавшейся в Прилуках. Допрошен был запорожский казак Фома Митлушенко, схваченный близ города Ахтырка на Украине. Этот источник упомянут в монографии В.А. Артамонова⁵. Запорожец заявил, что сторожил табун коней в Варнице и «жил» у шведского «генерала Милера». Так он назвал королевского гофканцлера Г.Х. фон Мюллерна. Запорожец оказался в самом центре событий. Он с фузеей в руках оборонял двор-резиденцию шведского монарха во время турецко-татарского штурма, то есть являлся непосредственным участником калабалыка. Важность полученных от Ф. Митлушенко сведений была сразу же оценена. Эти данные были отправлены из Прилук в Санкт-Петербург Петру I и канцлеру Г.И. Головкину 26 апреля 1713 г. Черновой отпуском вышеупомянутой выписки из допроса Ф. Митлушенко обнаружен в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁶. Он озаглавлен так: «Выписано з допросу взятого под Ахтыркою запорожца Фомки Митлушенка, которой был в Сече, и в Бендере, и у швецкого генерала Милера». Сверху сделана приписка: «К государю»⁷. В конце выписки из допроса Ф. Митлушенко есть приписка, раскрывающая путь поступления этих известий к руководителям внешней политики Российского государства: «Таковы допросы к Царскому Величеству, к графу Головкину посланы при писмах ис Прилук апреля 26-го дня до Москвы с куриэром Скорятиным и из Москвы в Санкт-Питербурх велено послать на почте камисару Тимофею Савелову»⁸. Сведения о калабалыке, о «нагло нечаянной, великой, и чудной перемене» очень интересовали царя. Так, другой участник калабалыка, пленный янычар Али Абдулла, дважды посылался Б.П. Шереметевым для допросов к Петру I⁹.

Действия короля в публикуемой «сказке» Ф. Митлушенко обрисованы живо, с подробностями. Как говорилось, запорожец сражался в непосредственной близости от короля. Ярко описана им сцена отказа Карла XII выехать из собственной резиденции к польской границе. По свидетельству Ф. Митлушенко, король, «плевав на... турков, с великою яростию, говорил, что он хочет тут умирать, а не пойдет, пушай доставают ево, а он будет с ними боронитца». Запорожец приводит подробности турецко-татарского приступа. Шведские потери от перестрелки из фузеей в первый день штурма составили 30 человек. Урон турок и татар, вероятно, им преувеличен – 600 погибших. На другой день обложенные соломой по приказу турок

татарами королевские «палаты» были подожжены. Не могут не впечатлить подробности завершения боя и пленения шведского монарха: «И как тое солону зажгли, и кровли загорелись, и своды стали отвалеватца. А к тому стрельбу турки умножили, и, видя король, что уже задохлись от огня три человека шведов и на него стал падать огонь, то выскочил в окошко, раненой в руку правую ниже локтя из янычарки, да щека левая ссараплена. И янчары, подхвата ево, короля, привели в намет к паше, которой ево для почтения просил сесть в стул, но он, плюнув ему в бороду, тотчас лег на постелю ево, пашину, и бранил...».

Насколько далеко уводит публикуемый документ «сказки» Ф. Митлушенко от более художественно-литературного, чем исторического, описания, принадлежащего перу Вольтера, можно увидеть, сопоставив сцену привода пленного Карла XII к **бендерскому сераскеру (командующий войсками)** Юсуф-паше с той благостной картиной, что описана в сочинении знаменитого философа: «Турки принесли его в главную квартиру паши словно больного, которого боятся потревожить лишним движением. Как только Карл понял, что он уже схвачен, буйный его нрав и воспаленная сим боем ярость неожиданно сменились спокойствием и кротостию. У него не вырвалось ни единого нетерпеливого слова, ни единого гневного взгляда не отобразилось на его лице»¹⁰.

Свидетельства Ф. Митлушенко, конечно, нужно сопоставлять с другими известиями. Так, канцелярист Й.Х. фон Кохен, тоже пребывавший в Варнице с Карлом XII, писал, что **король был легко ранен в шею, а вторая рана была им получена «в левую руку от янычара, которого он убил собственной рукой»**¹¹. Тот же Вольтер писал об эпизоде ранения короля следующее: «Один из янычар упер мушкет прямо в его лицо, и если бы рука турка не дрогнула от толчка бушующей схватки, то король был бы убит на месте. Пуля скользнула по его носу, оторвала кусочек уха...»¹². Ф. Митлушенко стремился также во время допроса всеми силами откrestиться от принадлежности к запорожскому казачеству. Ему жизненно важно было доказать собственную непричастность к вооруженной борьбе запорожцев в качестве шведских подручных против российских подданных.

Третий публикуемый документ освещает политические последствия «заварухи» 1713 г. в Варнице. Генеральный писарь Запорожской сечи в изгнании Ф. Орлик писал о плане отправиться к переправленному под конвоем в близкие к Стамбулу места Карлу XII. **Беглый политэмигрант** надеялся извлечь выгоды из новой ситуации, ибо «король за бендерское бесчестье от салтана в великом почтении». Как видно, турецкий султан оценил отчаянную и мужественную борьбу короля до последней возмож-

ности за честь, достоинство и свободу воли монарха. Карл XII был готов исполнять в Варнице только распоряжения равного ему по статусу, только султана Ахмета III – суверена Османской империи, на землях которой он оказался, но никак не его вассала – крымского хана. Крымский хан пытался проводить собственную внешнеполитическую линию, создал невыносимые условия для продолжения пребывания шведского монарха в Варнице и даже решился на штурм королевской резиденции. Для Девлет-Гирея II предпринятые им действия, высшим проявлением которых стал калабалык, закончились печально. Как сказано в документе, хан был смещен и отправлен в ссылку.

В силу значимости заявленного сюжета о калабалыке целесообразно опубликовать несколько документов 1713 г., проливающих новый свет на этот исторический эпизод. Внимательное изучение помещенных ниже источников позволит сделать еще один шаг в исследовании как фактической стороны бурных событий в Варнице близ Бендер, так и их внешнеполитических последствий.

№ 1. 1713 г., февраля 4. – Донесение информатора Дессеура из Межибожа в Киев предположительно киевскому губернатору князю Дмитрию Михайловичу Голицыну о действиях Карла XII в Варнице

// Л. 1. Из Межибожа 4-го февраля, а получено в Киеве 10-го февраля 1713-го.

Сиятелнейши князь мой, высочайший благодетель.

Чрез сию окказию доношу вашему сиятельству желательную новину, которая чрез старание посла полского учинилось. Повелено королю швецкому иттить, албо до Померании, албо в Польшу и всех матежников полских выгнать из Волоской земли. И так учинился судной день на них, понеже одних поляков повезли в Стамбул, а иных в полон побрали, а третии ограблены в Польшу прибежали, а иные в монастырь к черняговцам ушли и замышляют там боронитца. Здесь у нас несколько товарищей воеводы киевского поймано, которые такую мне принесл реляцию, что згажаетца с ведомостию шпионов моих, которые из Бендерю // Л. 1 об. пришли. Король швецкий с такой оказии поссорился с ханом татарским и с сераскером-пашею и порывался до шпаги на них и не хочет ехать из Варницы и, озлобляя их, перестрелял всех лошадей, от салтана присланных ему на дорогу. Узды и седла и протчая огнем пожег и для того обретаецца во осаде от татар, пока не придет какой указ от Порты. Ис Померании имею также совершенную ведомость: и войска швецкие, уступя дале от войск королевского величества Августа 12-ть миль, оставили 800 коней на фурвахте,

и на оных откомондровано 3 регимента саксонские, и оные всех побили шведов: полтора ста на пляце положили, а достальных побрали, и протчая; // Л. 2 дай Боже, чтоб ежечасно нам получить желаемые новины, и притом вручаюсь милости вашего сиятельства желателный слуга Дессеур

Вчерашнего дня проехал сюда господин ротмистр Крупневский, которму неделя, как из Бендеря выехал из неволи, и сказывал.

Хан с войском пришел к королю швецкому пред двумя неделями, чтоб оной король шел из их земли, и хотят его провожать до Полши, а он, опасаясь, чтоб его поляком не отдали, // Л. 2 об. не хотел никакою мерою иттить с ними, за что хан разгневался и осадил его татарами и приказал, чтоб никакова харчу ему не давали и ни возили, а которые волохи возили и продавали, и за то их повесили, и для того король швецкой, не имея чем кормить лошади, велел пострелять и сам при оном стрелянии был, и перестреляно 75 лошадей самых лутчих, которые имел от салтана в подарках, и за то вельми татары разсердились и для того по воду не стали шведов пускать, и, когда потребна вода, шведы в два ряда ставятца с флинтами, а татарова около стоят и стерегут, чтоб не пропустить к воде. Татарова хотят взять воеводу киевского // Л. 3 и князя Вешневцекого и иных старших, обретающихся при воеводе киевском, и обещали им, ежели отлучатца от короля швецкого и будут жить на передместе, дать правиянт и всякой контент, и на оное обещание облекохомся воевода, отъехал было от короля, но перестережен в ночи в самой тот час, как их хотели пофатать, седши на лошадей, уехали назад к королю, оставя покоевых своих и челядь, которых орда побрала. Сам паша взял 6 человек покоевых и убрал по-турецкии. Король сидит с людьми своими в своей полате и, конечно, не хочет иттить оттуль, пока с алтаном не увидитца. А ежели бы // Л. 3 об. его силою имели выганять, то обещался по та боронитца, пока мочь будет, а ежели невозможно будет боронитца, то 8 бочек пороху, которые имею, зажгу и з дымом к небу желает итить.

Ис Хотима пишут.

Господарь волоской имеет указ от салтана, чтоб все волохи на коней сажались и людей швецких и воеводы киевского из волоской земли выганяли вон, и, даведавшись о том, шведы и воеводы киевского люди все пошли до Черневца, недалече от Снятина, и там // Л. 4 фортификауютца и боронитца мыслят, а впрעדь что будет, час покажет.

В верху Л. 1 приписка простым карандашом: «Февраль 1713 году».

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Менишкова). Оп. 1. Д. 5842. Л. 1–4.

Список. 1713 г.

№ 2. 1713 г., апреля 22. – Протокол допроса – «сказка» запорожского казака Фомы Митлушенко о пребывании Карла XII в Варнице и о калабальке

// Л. 86 Фомка Митлушенко сказал.

Родился в Коропе, и отец ево Василей Митлушенко да мать Агафья и ныне живут в Коропе, да в Батурине дядя ево Корней Карась и тетка, все в живых. Кормился он в Коропе – шил портное, и ныне тому з год пошел он с вагагаю в Сечю, чтоб кормитца рыбною ловлею, а не для службы з запорожцы, и был в Сече толко с неделю, и оттоль пошел в Бендер, и пришед жил между запорожцов в куренях, и около запорожцов кормился, чтоб давали ему хлеб.

Потом пристал он служить на месяц к швецкому генералу Милеру стеречь лошадей, которых было у него з дватцать, а болши мыслил, чтоб украсть добрых лошадей и уйтить в Украину, однако ж того он не получил.

Король швецкой хотел было итить из турок нынешней зимы об Рожестве Христове и совсем был в готовности, но незнамо, какие писма привезли к нему ис Полши поляки, по которым выход свой он, король, остановил, и хотя многожды хан крымской и паша бендерской ему объявляли, чтоб шол он в свою землю, а они ево проводят, а буде не пойдет в свою землю, то б ехал в Царьгород, и запретили, чтоб ничего ему не давали, и сена стали от него свозить, а он, король, отвечал, что ни в Царьград, ни в свою землю он не поедет, а будет жить в Бендере. И, озлобясь, всех лошадей, которые даны были от салтана, перестрелял и просил их, турков, ежели они покажут салтанской указ за рукою, по которому они хотят выслать, то и пойдет. Однако ж ничего того турки не зделали. Потом ему сказано ханским приказом и от паши чрез знатных посланных турков, что ежели он не пойдет, // Л. 86 об. то они будут доставать и, достав, повезут неволею к салтану. На оное отвечал король: волно им, что хотят, то делают; хотя ево и доставать станут, он не пойдет – и подтвержал в ответе трижди о сем.

Хан и паша, выслушав от посланных своих турков те королевские трикратные ответы, приказали прежде татаром крымским, буджацким, белогороцким облежение учинить и стеречь, чтоб нихто не ушел. А король, видя, что быть хочет ему неполезное, выговаривал: ежели кто из обретающихся при нем людей хотят с ним умирать, то б с ним умирали и с турки бились, а ежели кто не хочет, дает на волю их, а неволи в том никому нет. И поляков выслал из своего двора в Бендер, по которым ево королевским словам стали тотчас збиратца генералы, полковники, афицеры, драбанты да пехоты было з 200 человек. И заперлись в полатах. В том числе был

генерал Милер, у которого он, Фомка, жил, и сам он, Фомка, в тех же полатах был с фузеею, которую дали ему шведы, и ждали турков в полатах целой день, и ничего им от турков не было.

На другой день по приказу ханскому и паши пришли все бендерские турки и янчара болши десяти тысяч и, став под горою близ полат, дневали и присылали трижди самых знатных старых турков, х которым он, король, как вышел из дверей, те турки с честью говорили, чтоб отдался им без боя с честью, и, плевав на них, турков, с великою яростию, говорил, что он хочет тут умирать, а не пойдет, пушай доставают ево, а он будет с ними боронитца. И тако между тем тот день прошол без действия ж.

На третей день рано турки, пришед блиско полат, // Л. 87 прежде выстрелили ис пушек шесть раз по полатам, и, оставя пушечную стрелбу, пошли к полатам приступом, и стреляли день целой в окошки, и не могли ничего того дня зделать, и, видя, что турков с шестьсот человек побитых стало быть, пошли прочь. А шведов побито у них в полатах тритцать человек. И он, Фомка, из фузеи тогда стрелял же. А которая пехота швецкая была з двесте человек, не велел он, король, битца, и ружье положили, то тотчас татары их розобрали по себе.

Поутру турки приказали возить солому татаром и велели окладывать полаты и обложили до полудня с великим трудом, понеже шведы били по ним из окошак. И как тое солому зажгли, и кровли загорелись, и своды стали отвалеватца. А к тому стрелбу турки умножили, и, видя король, что уже задохлись от огня три человека шведов и на него стал падать огонь, то выскочил в окошко, раненой в руку правую ниже локтя из янчарки, да щека левая ссараплена. И янчары, подхвата ево, короля, привели в намет к паше, которой ему для почтения просил сесть в стул, но он, плюнув ему в бороду, тотчас лег на постелю ево, пашину, и бранил и протчее говорил много, чего он, Фомка, подлинно сказать не может, и ево, Фомку, взяли ис полат татары и привели в Бендер. А между тем короля послали в Царьгород, придав турков небольшое число, да шведов дали ему, королю, с осмнатцать человек. А потом ево, Фомку, из Бендер отвезли в Белгород в неволю. И приехав турки в Белгород, и салтанским указом стали объявлять, чтоб всех шведов и кто при них был, взять назад. Возвращали и собрали всех и ево, Фомку, привезли в Бендер. // Л. 87 об. И ныне шведы и поляки в Бендере. Денги и хлеб дают от турков ис казны.

И о Сырной неделе пошел он, Фомка, ещё в Сечю и, зговорясь з Гордейком Дранниченком, всего дватцать шесть человек, пошли к Ахтырке для поклонения в Украину для того, что в Сече великой голод и люди пухнут, а не ради какова воровства, и ружья у него не бывало, и з здешними

жители битца не мыслили, и брегадиру Осипову отдались без всякой противности.

О войне турецкой, что она будет или нет, ничего не ведает, а которые татары приходили под Киев, и то своевольно учинили.

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 86–87 об.

Список. 1713 г.

№ 3. 1713 г., мая 27. – Сообщение безымянного информатора из Запорожской сечи в Киев о присылке запорожским генеральным писарем в изгнании Филиппом Орликом письма и о политических событиях в Крымском ханстве

// Л. 16 Получены в Киеве ведомости мая по 27 число 1713 году.

Из Сечи.

Изменник Орлик к запорожцам прислал апреля 30-го числа письмо на 7-ми листах, вычитая о незычливостях к ним, запорожцам, от Ломиковского и Прилуцкого, а при том невинности свои предъявлял и писал к ним, запорожцам, что он, Орлик, в Великую среду поедет в Станбун для короля швецкого, понеже тот король за бендерское бесчестие от салтана в великом почтении и не токмо хану Девлет-Герее велено // Л. 16 об. голову отсечь, но и тех ево единомышленников, в турской области началствующих, купно же и всех бендерских жителей, кроме семилетних детей, выплентить указано. А город наполнить новыми людьми. Однако ж за прошением королевским то отменилось, толко хана с начальными ево людьми послали в сылку на вечное житье за то, что оной хан у польского короля Августа взял 100 000 талеров, чтоб швецкого короля изогнать, и новым ханом учинен ныне Каплан-Герей, бывшего хана брат родной, и тот новой хан при швецком короле, // Л. 17 а янычаны все ему ж, королю, отданы и со всеми военными запасами и с пушками отправлены к Дунаю, и для того велено три моста зделать, и король с турским войском, а потом и сам салтан прибудет вскоре до Киева, и обнадежен от салтана король в нынешней войне вспоможением, и в Крыму де ныне великое смятение.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 608 (Собрание И.В. Помяловского). № 130. Л. 16–17.

Копия. 1713 г.

---

¹ Последние примеры: **Артамонов В.А.** Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). – М., 1990. – С. 134–135; **Возгрин В.Е.** Военно-политический

конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) (по неопубликованному источнику) // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (К 200-летию подписания Тильзитского договора): Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2007 г. – СПб, 2008. – С. 71–73.

² **Вольтер**. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. – СПб, 1999. – С. 186–196.

³ Kort berdttelse om kalabaliken i Bender / 2 uppl. Gefle, 1766; [*Bielkes T.G.*] Calabaliqve de Bender // Ture Gabriel Bielkes hegkomster af Karl XII / Med en inledning utgifna af C. Hallendorff. – Uppsala, 1901. – S. 84–88; Dagbok af en polack i Bender angeende kalabaliken 11 febr. – 6 mars n. st. 1713 // Karolinska krigares dagbucker jamte andra samtida skrifter. – Lund, 1912. [Bd.] VI. – S. 361–375; **Bonnesen S.** Jan Sapieha. Ett bidrag till kalabaliken i Bender // Karolinska fdrbundets ersbok 1954. – Stockholm, 1954. – S. 127–187; **Bring S.E.** Kanslisten Johan Henrik von Kochens berdttelse om kalabaliken i Bender // Karolinska fdrbundets ersbok 1949. – S. 1., s. a. – S. 190–203; **Stafsing J.** Kalabaliken vid Bender: De getfulla motiven i ny belysning. – Stockholm, 1960; **Karlsson G.H.** Kring kalabaliken i Bender // Karolinska fdrbundets ersbok 1973. – Stockholm, 1974. – S. 29–62;

⁴ **Артамонов В.А.** Указ. соч. – С. 183.

⁵ ОР РНБ. Ф. 608 (Собрание И.В. Помяловского). № 130. Л. 12–13 об.

⁶ Там же. – Л. 12.

⁷ Там же. – Л. 13 об.

⁸ **Артамонов В.А.** Указ. соч. – С. 134–135, 183.

⁹ **Вольтер**. Указ. соч. – С. 195–196.

¹⁰ **Bring S.E.** Kanslisten Johan Henrik von Kochens berdttelse om kalabaliken i Bender. – S. 201.

¹¹ **Вольтер**. Указ. соч. – С. 193.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА: ЕЕ ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ В УЧЕБНИКЕ ПО ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

Л.Е. ПЕТРАКОВА

8 июля 2009 г. народы России и Украины отметили знаменательную историческую дату – 300-летие со дня Полтавской битвы. Дата значима не только для двух стран, исторически эта битва стала эпохальным событием для всей Европы. Значение ее состоит в том, что решительная и блистательная победа объединенной российско-украинской армии привела к перелому в Северной войне в пользу молодого российского государства, а также положила конец господству Швеции как главной военной силы в Европе. Важно, что она имела прямое отношение к развитию политического взаимодействия Российского государства и приднестровских земель.

Сегодня в ПМР в рамках республиканского (регионального) компонента преподается «История родного края». При этом, если «Всеобщая история» и «История России» базируются в ПМР на программах, стандартах и учебниках Российской Федерации, то региональная составляющая в содержании исторического образования разработана приднестровскими специалистами. Изучение родной истории не только позитивно влияет на качественное развитие личности, но и служит воспитанию патриотичности и гражданственности у приднестровской учащейся аудитории. Учебники, по которым ведется преподавание региональной истории «История родного края. 6–7 кл.» и «История родного края. 8–9 кл.» (авторы Н.В. Бабилунга и Б.Г. Бомешко), построены таким образом, что хронологически и тематически полностью соответствуют программе курсов истории Отечества, изучаемых в соответствующих классах общеобразовательной школы, и делают возможным параллельное изучение истории нашей некогда единой страны и Приднестровского региона. Характерным примером могут служить события Северной войны. Они находят свое отражение

как в школьном курсе «История Отечества», так и в учебнике «История родного края. 6–7 кл.». Авторы этого учебника в освещении событий лета 1709 г. исходят из принципа общественно-исторической закономерности победы России над ее врагами и субъективных факторов этой победы. Они предлагают школьникам не только фактологическую составляющую, но и акцентируют внимание на главных исторических персонажах – героях и антигероях Полтавской баталии и всей Северной войны.

История общества – это история, которую творят люди. В своих действиях люди исходят из потребностей и мотивов, преследуют определенные цели, руководствуются идеями, т. е. действуют сознательно и, так или иначе, предвидят последствия своих действий. Право быть на страницах учебников истории, в первую очередь, должны обрести те, кто максимально способствовал благу и процветанию человечества. Однако будет правильным, если найдется место как победителям, так и побежденным, как героям, так и антигероям – надо дать возможность учащимся самим определить качество и степень участия каждого из персонажей в ходе истории, сформулировать свое отношение к поступкам и проступкам, вынести свой урок на примере деятельности исторических личностей.

Раскрывая роль участников событий Северной войны, авторы данного учебника очень точно, лаконично и предельно ясно дают портрет видного государственного деятеля XVIII в. – **молдавского господаря Дмитрия Кантемира**: «Кантемир был умным и прозорливым политиком, искусным дипломатом, образованнейшим человеком, ученым-энциклопедистом, а главное – патриотом своей родины, мечтавшим об освобождении Молдавии от османского ига». Такая характеристика личных качеств господаря пробуждает восхищение, уважение и желание следовать великому примеру, объясняет успешность как внутренней политики, так и внешней дипломатической деятельности господаря, и вместе с тем не оставляет сомнений относительно правильности выбранной Кантемиром внешнеполитической стратегии и курса, нацеленного на установление связей с Россией и совместное выступление против «насилия и тирании турок». Описание личностных качеств политического лидера дает возможность учащимся лучше понять специфику эпохи, исторических свершений и смелых решений. На страницах «Истории родного края. 6–7 кл.» размещены портреты Дмитрия Кантемира и Петра I, **репродукция гравюры «Петр и Кантемир въезжают в столицу Молдавии Яссы»**.

Авторы наряду с уже знакомыми учащимся персонажами (Петром I, Карлом XII, **Иваном Мазепой**), называют и малоизвестных нашим школь-

никам участников, таких как Филипп Орлик, бывший генеральный писарь шведского короля.

Особое значение приобретают исторические события Полтавской битвы для приднестровских школьников еще и потому, что Карл XII после своего поражения нашел убежище в турецкой крепости Бендеры, а именно, в с. Варница, как уточняют авторы учебника. Это тот случай, когда наши учащиеся могут реально осязать историю, в бендерских цитаделях и бастионах почувствовать дух того времени. Находясь именно в этой крепости, Карл XII плетет интриги с целью втянуть Турцию в войну с Россией.

В поддержку русской армии выступили Дмитрий Кантемир и по его призыву значительная часть жителей Молдавского княжества. Союзником Карла XII стал еще недавно бывший соратником Петра I гетман Левобережной Украины Иван Мазепа с небольшой группой сторонников. Что касается этого исторического персонажа, авторы учебника ограничиваются лаконичным, но многозначительным определением: «предал Петра и переметнулся на сторону его врагов», т. е., без всякого сомнения, предатель и перебежчик. Оценка роли Ивана Мазепы в событиях того времени этим не ограничивается. На уроках школьники узнают, что гетман за свою жизнь успел послужить польскому и шведскому королям, российской царице и императору, предпринял попытку разделения украинского государства, вошел в историю как откровенный предатель, как личность, «подвиги» которой следует помнить, но не повторять.

Идеалы служения Родине, преданность, достоинство и честь, благородство и разумность – вот те черты, которым нужно подражать, которые следует поощрять в учащихся, реализуя политику воспитательного воздействия историей через призму личностных качеств отдельных героев из народа, ярких выдающихся лидеров. И только как порицание, как упрек, как побуждение к размышлениям – краткие, емкие истории об антигероях. Им тоже есть место на исторической арене, им тоже отводится своя роль, они заслуживают своей оценки.

В учебниках по «Истории румын», изданных в Республике Молдове, события Северной войны отражены лишь в связи с Прутским походом Петра I и его контактом с Дмитрием Кантемиром. Полтавская битва, переломившая во многих отношениях ход европейской истории, даже не упоминается, а политика России расценивается как безудержное стремление к экспансии и аннексии чужих территорий. В современной Украине мнения относительно роли Мазепы в истории Украинского государства неоднозначны: от роли предателя до роли борца за независимость

Украины и покровителя духовной культуры, от клеймения «Проклята Мазепа», «Клятый пес Мазепа» до титула «освободителя украинского народа».

Важно отметить, что в приднестровском учебнике «История родного края. 6–7 кл.» нет тенденции к политизации, к вовлечению учащихся в подобные дискуссии и дебаты – у школьного преподавания совсем иные цели и задачи.

ПИЛИП ОРЛИК И ЕГО «БЕНДЕРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ»

Г.С. ВИЛКОВ

Отношение к личности Пилипа (Филиппа) Орлика в украинской и российской историографии крайне неоднозначное. Если в украинской истории его личность стоит в одном ряду с такими символами, как Аскольдова могила, Киево-Печерская лавра, крещение Киевской Руси, Запорожская Сечь, то в российской истории его имя тесно связано с именем одиозного для многих гетмана Украины – Ивана Мазепы и теми событиями, которые выпали на его судьбу: верная двадцатилетняя служба российскому престолу, борьба за полную независимость Украины, предательство по отношению к русскому царю Петру I, подстрекательство украинского казачества к измене, бегство в Турцию, бесславная кончина, длительное забвение.

Как бы там ни было, но Пилип Степанович Орлик – одна из интереснейших фигур в украинской истории. Родился он в 1672 г. в селе Косути Ошмянского повета, что недалеко от Вильно. Отец его был наследником старинного рода чешских баронов, мать же происходила из известного белорусско-литовского дворянского рода. Пилипу еще не было и года, когда его отец погиб под Хотинном, и Орлику пришлось в жизни добиваться всего своим собственным трудом.

После окончания иезуитской школы в Вильно он поступил в Киево-Могилянский коллегиум, который вскоре получил статус академии. Как отмечали его биографы, в академии Пилип Орлик особенно интересовался философско-богословскими проблемами и, как подавляющее большинство студентов, прекрасно владел латынью, также свободно разговаривал на многих европейских языках – польском, шведском, французском, болгарском, сербском, итальянском, немецком и греческом; обладал пышным красноречием, присущим стилю барокко; умел в ясной и логичной форме писать письма, мемориалы, обращения, манифесты и прочие документы. Как тогда говорили, он от Бога был одарен писательским талантом.

По окончании академии образованного и грамотного студента сразу заметили и по протекции преподавателей учебного учреждения взяли на должность кафедрального писаря Киевской митрополии. Впоследствии он становится писарем в Генеральной канцелярии войска Запорожского. На способности Орлика обращает внимание гетман Украины Иван Мазепа, и с этого момента карьера Орлика стремительно идет вверх. Он становится одним из ближайших помощников гетмана, занимает пост старшего канцеляриста, а затем управляющего делами генеральной войсковой канцелярии и, наконец, в 1706 г. становится генеральным писарем войска Запорожского. Далее Орлик, как и опальный гетман И. Мазепа, попадает в вихрь военных и личных потрясений. В 1709 г. после поражения в Полтавской битве Пилип Орлик вместе с остатками шведской армии и запорожскими казаками прибывает в город Бендеры, где в 1710 г., после смерти Мазепы, выбирается гетманом Украины и остается им фактически в изгнании до конца своих дней. 5 апреля 1710 г. П. Орлик все поставил на карту – свое будущее, будущее своей семьи, жены и пятерых детей, свое имущество, обрек себя на вечные злоключения и лишения.

Имя Орлика не забыто в Украине: учреждена премия имени Пилипа Орлика, Государственный банк Украины выпустил монету с его изображением. В 1993 г. в Киеве одна из улиц названа его именем. В 1997 г. выпущена марка с изображением Орлика, она издана в серии, посвященной гетманам Украины. В 2006 г. Орлику был заложен памятник. В Белоруссии, в селе, где он родился, установлена памятная плита, открыт посвященный ему музей-часовня.

5 апреля 1710 г., у стен Бендерской крепости (по одной из версий во втором лагере Карла XII – в излучине Днестра), в присутствии шведских военачальников и турецкого гарнизона крепости, казацкой старшиной Пилип Орлик был объявлен гетманом Украины. После окончания церемонии он изложил текст документа, известного в истории как «Пакты» или «Бендерская конституция», на самом деле озаглавленного как «Пакты и конституции законов и вольностей Войска Запорожского». По своей сути этот документ являлся договором между монархом-гетманом и свободным украинским казачеством. По своему духу и демократизму в ту эпоху, когда даже в самых прогрессивных европейских странах главным принципом государственного устройства являлась абсолютная монархия, конституцию Орлика можно назвать уникальной. Уникальна она, в первую очередь, тем, что идея разделения власти на три ветви (законодательную, судебную и исполнительную) была сформулирована не известными европейскими философами, а достаточно молодым новоизбранным гетманом малоизвестной Малороссии.

По утверждению украинских историков, конституция Пилипа Орлика явилась первой в мире писаной конституцией, которая на 77 лет опередила конституцию США и на 81 год – конституцию Франции, гораздо позже появились конституции Польши и Испании. К слову сказать, конституция в России появилась только в советский период ее истории.

Непросто сложились судьбы и самого Орлика и его детища, которое дошло до нас в двух вариантах – на латыни и на староукраинском языке. В настоящее время оригинал латинского варианта конституции хранится в историческом архиве Швеции.

Сам Орлик, если оценивать объективно, гораздо больше сделал или, по крайней мере, попытался сделать для независимости Украины, чем его учитель Иван Мазепа, которому в современной Украине отдается намного больше почестей. Нельзя забывать о том, что и Мазепа, и Орлик всегда будут спорными фигурами во взаимоотношениях официальных властей Украины и России, так как в истории двух этих государств существуют как бы две версии совместных исторических связей.

Первая, наиболее широко трактуемая – это версия развития Украины под крылом старшего брата – России, т. е. того брата, который спас «Украину» славянского православного мира от поглощения ее католическими Польшей и Литвой, а также мусульманской Турцией. И по этой версии, Малороссия вынуждена была исторически стать автономией России и впоследствии одной из ее неотъемлемых частей. Возможно, эта версия и является наиболее подтвержденной временем и фактическими данными и, возможно, именно такое развитие событий определило само существование современной Украины. Но нельзя игнорировать вторую версию, которая в настоящее время широко и подробно представлена в украинской историографии: несмотря на помощь братского народа России, Украина всегда стремилась к полной независимости не только от Польши, Литвы или Турции, но и от соседней России. Исходя из этого оцениваются поступки того же Пилипа Орлика.

Начиная с 1708 г., когда усилилось российское давление на гетманщину и стали известны планы Петра I по ликвидации и закреплению украинского казачества и передачи всей Малороссии в вотчину князю Меншикову, Пилип Орлик становится одним из активных участников создания украинско-шведского союза. После поражения шведов в Полтавской битве, бегства в турецкие Бендеры и уже после того, как Орлик был избран гетманом правобережной Украины, помимо конституции он еще огласил подписанную им присягу, в которой обязался все силы положить на борьбу за независимость Украины от иноземного ига, подразумевая,

в том числе, и петровскую Московию. Именно этим и объясняются его дальнейшие поступки.

Находясь в Бендерах, Орлик, опираясь на поддержку запорожцев и союз со шведским королем Карлом XII, подтвержденный соответствующим дипломом от 10 мая 1710 г., заключил украинско-крымский союзный договор 1711 г. и украинско-турецкий договор 1712 г., на основе которых попытался организовать антимосковскую коалицию с участием также донских казаков-булавиинцев, казанских татар и башкир. После неудачного похода на Белую Церковь и изгнания шведского короля из Бендер, в 1714 г., по просьбе Карла Орлик перебирается в Швецию, а в 1720 г. – в Германию. Инкогнито он некоторое время проживает в Польше и Франции, а уже с 1722 г. и до своей смерти на территории Османской империи – в Греции, Буджаке, Молдове. Всю свою эмигрантскую жизнь Орлик искал поддержки во Франции, Швеции, Польше, Саксонии, Британии, Ганновере, Голштинии, Ватикане в разрешении политического вопроса признания Украины независимым от Московии государством. Даже попытался сформировать собственные вооруженные силы и поднять против Российской империи Новую Сечь. Однако все его попытки потерпели неудачу, т. е. несмотря на все свои невероятные усилия, перенесенные в эмиграции лишения и невзгоды, загубленные судьбы своих близких, Пилип Степанович Орлик никакого реального вреда Российской империи не причинил. Видимо, поэтому на его имя не так болезненно реагируют в России, как на имя «официального» предателя Ивана Мазепы. К чести Орлика, несмотря на все, клятвы, данной им под стенами Бендерской крепости 5 апреля 1710 г. в присутствии своих единомышленников, он ни разу не нарушил.

Конституция Орлика создавала возможность компромисса трех основных политических сил, что соревновались между собой на Украине и теперь, после поражения в войне с Москвой, в эмиграции. Это гетманат как основной институт власти; старшина как ее ведущий слой; Запорожье как единственная военная сила. Противоречивые интересы сторон были гармонично согласованы в этом государственно-правовом акте, который должен был быть конституцией Украины и вместе с тем манифестом государственной воли украинской нации перед всем цивилизованным миром. С этой точки зрения Бендерская конституция 1710 г. была творением коллективной украинской политической мысли, итогом тех обсуждений и дискуссий, которые осуществлялись в изгнании зимой 1709–1710 гг., а может, еще и при жизни Мазепы. Есть все основания думать, что главным редактором Бендерской конституции был все же сам Пилип Орлик.

Текст Бендерской конституции состоит из вступления (преамбулы) и 16 пактов. Преамбула являет собой интересный историко-политический трактат, в котором выражена идея исконного тяготения к украинской государственности, пересказывается история украинско-московских отношений, начиная с Переяславского соглашения 1654 г. и кончая «революцией» Мазепы.

Конституция определяет независимое государство «Войска Запорожского и Народа Русского» как сословную выборную гетманскую монархию парламентского типа и определяет его границы. Бендерская конституция обеспечивала государственно-территориальные, военно-политические и экономические права, а также интересы Запорожья. Гетманская власть принимала на себя основные обязательства по защите рубежей государства, а также очищению городов Украины от московских гарнизонов и различных внешних налогов.

Главное внимание в Бендерской конституции уделено было обеспечению политических интересов большой старшины («годных и заслуженных в Войску Запорожском особ»), т. е. своеобразного парламента, выступавшего против гетманского абсолютизма, что отмечено уже в преамбуле к конституции, где осуждена практика «прежних гетманов Войска Запорожского», которые шли на союз с Москвией.

Парламент должен был собираться «у резиденции гетманской» трижды в год: на Рождество, Пасху и Покров. На эти советы приглашались не только господа полковники со старшиной своей и сотниками, не только ото всех полков генеральные советники, но и от Войска Запорожского Низового депутаты.

Каждый из постоянных членов Генерального совета должен был уважать гетмана, а гетман, соответственно, членов парламента, т. е. «держат их за общество, а не за прислугу». Конституция ограничивала также права гетмана в области судопроизводства, расширяла компетенцию генерального Военного Суда. Финансы, землевладение – все передавалось в управление Генерального совета, при этом решительно запрещалась любая коррупция. Гетман имел право «довольствоваться своими оброками и приходами, на булаву и лицо его гетьманскую належачими...», т. е. гетману запрещалось получать доход с других земель, помимо своих вотчинных.

Бендерская конституция уделила внимание также положению широких народных масс и вообще социально-экономическим проблемам той Украины-Гетманщины. Гетман был обязан «не делать тяжести, налоги, утеменженья и здырства» для простого казачества. Вообще обещано было облегчить положение казаков и посполитых – «людей убогих».

Таково основное содержание Бендерской конституции 1710 г. Она не стала государственным законом Украины-Гетманщины. Дальнейшее развитие исторических событий не позволило осуществиться планам и мечтам авторов этого эпохального документа, который стал синтезом государственного политического творчества мазепинских единомышленников, но влияние Бендерской конституции на украинскую политическую идеологию XVIII в. бесспорно. Гетман Пилип Орлик и другие лидеры украинской эмиграции всегда, до конца своей жизни, признавали основные принципы этой конституции законом для себя и своей политической деятельности. Последний, кто остался в живых, член мазепинского правительства Федор Минович писал Григорию Орлику, что «древние права Казацкой нации утверждены в Бендерах при выборе Вашего славного отца, были и в дальнейшем остаются наивысшим законом украинской государственности».

Изучая современные критические публикации, посвященные Конституции Орлика, приходишь к выводу, что этот документ критики однозначно оценивают с современных позиций, т. е. берут за основу современное конституционное право, положение и структуру современных конституций. Однако событие это произошло 300 лет назад и рассматривать его нужно с позиций тех времен и тех политических и исторических реалий, которые существенно отличались от современных.

9 апреля 2010 г. на территории Бендерской крепости, у восточной стены Цитадели торжественно открыт памятник, изготовленный в виде книги, посвященный 300-летию подписания Конституции Орлика. На мероприятии присутствовали представители руководства Приднестровской Молдавской Республики, руководство Верховной Рады Украины, представители многочисленных общественных организаций Украины и Приднестровья. В музее крепости хранится фотокопия оригинала Конституции Орлика, сделанная в Киеве во время экспозиции музеев и библиотек Швеции, посвященной «полтавскому» периоду шведской истории.

Интересна в этом контексте и сама история Бендерской крепости, в стенах которой переплелись судьбы исторических персонажей Турции, Украины, России и других государств. Постепенно в ее стенах вырастает мемориальный ансамбль, посвященный военачальникам Русской императорской армии, оказавшим влияние на судьбы города и крепости или же сложивших свои головы у ее стен. Планируется строительство небольшого мемориального ансамбля, посвященного турецким строителям крепости, шведскому королю Карлу XII, украинскому казачеству.

Конечно же, не той малой части казачества, которое пришло под стены Бендерской крепости после поражения шведской армии под Полтавой, а той большой части, которая оказала существенное влияние на развитие истории приднестровского края, которая впервые, задолго до П.И. Панина, штурмовала турецкую крепость вместе с молдавскими отрядами, той части, которая в составе многочисленных малороссийских и кампанейских полков в составе русской армии, в 1770 г. приняла участие в штурме крепости и отдала свои жизни за ее освобождение от турецкого владычества.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ КАК МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВЕХИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Т.П. ДОРОХ

История Приднестровья связана с крупными геополитическими событиями, судьбами многих народов, проживавших на его территории в разные исторические периоды. До того, как на этой территории сформировалось оседлое население, через нее прошли многочисленные кочевые и полукочевые народы, которые оставили свой след в виде курганов, многочисленных археологических памятников: скифы, сарматы, готы, гунны, угры, половцы, анты, татары¹. В IX–XI в. по обоим берегам Днестра расселялись племена славян – уличей и тиверцев. После вхождения земель Приднестровья в состав Древнерусского государства в X–XI вв. уличи и тиверцы «влились в состав древнерусской народности»².

Древняя Русь находилась на границе леса и степи, где кочевали хазары, печенеги, половцы, которые в XII – начале XIII вв. были постоянной угрозой для местного населения. В XIII в. земли Приднестровья разорены монголо-татарами, развитию края нанесен серьезный урон. По мнению приднестровского историка Н.В. Бабилунги, «в конце XIII в. почти весь бассейн Днестра и Южного Буга признавал господство татар и выплачивал им дань»³.

Освобождение региона началось с экспансии в XIII в. Литовского княжества на русские земли, ослабленные монголо-татарскими нашествиями, внутренними смутами и усобицами. Сыновья основателя литовской великокняжеской династии Гедемина – Ольгерд и Кейстут освободили всю Южную и Западную Русь и левобережье Днестра от реки Сирет до Черного моря, как и другие земли, включенные в состав Великого княжества Литовского.

Важнейшими источниками военной истории региона являются памятники, они, как мемориальные вехи, фиксируют события, позволяют

зримо представить последовательность тех изменений, которые происходили в Приднестровье на протяжении нескольких веков. События военной истории с древнейших времен оставляли свои следы на земле в виде памятников, увековечивших ратный подвиг защитников Отечества. Особое место среди памятников воинской славы занимают объекты оборонного зодчества – крепостные сооружения, которые воздвигались для защиты территории от нападения неприятеля.

В строительстве крепостей учитывался рельеф местности, и крепостные башни воздвигались на наиболее уязвимых для нападения противника направлениях. Развитие артиллерии и усиление мощи артиллерийского огня повлекли изменения в строительстве крепостей: крепости обрели прямоугольную форму, башни располагались равномерно по всему периметру стен. В XVII–XVIII вв. **развитие военного искусства привело к сооружению крепостей бастионного типа.**

Деревянно-земляные укрепления из недолговечных материалов, построенные в разное время, не сохранились, о них есть сведения только в исторических источниках и народной памяти. В «Истории Приднестровской Молдавской Республики» приводятся сведения о том, что большинство городов и местечек на правом и левом берегах Днестра были построены возле крепостей. Это города Аккерман, Бендеры, Сороки, Хотин на правом берегу, города Дубоссары, Тирасполь, Овидиополь, Рашков, Ягорлык, Маяки – на левом⁴.

Крупнейшими и получившими широкую известность в регионе стали крепости Калаур (Калагур, Каравул), Бендерская и Тираспольская крепости. Несмотря на то, что они строились в разные времена и связаны с различными военно-историческими событиями, есть моменты, которые их объединяют. Все крепости воздвигнуты на берегах Днестра – пограничной реке между Молдавским княжеством и Великим княжеством Литовским, между Османской империей и польскими владениями. После Люблинской унии 1569 г. и до конца XVIII в. по Ясскому мирному договору 1791 г. Днестр считался пограничной рекой между русскими и турецкими владениями вплоть до решений Бухарестского мирного договора 1812 г., когда граница России переместилась на реку Прут⁵.

Впервые в 1402 г. в исторических документах упоминается Рашков. «Около Рашкова появляется крепость Калагур (Калавур), ставшая на столетие ключом к Приднестровью»⁶. Название крепости и сведения о ней приведены в книге М.Е. Балицкой «Жемчужина Приднестровья. История Каменки и окружающих ее сел в документах, воспоминаниях, легендах», вышедшей к 400-летию юбилею города; в буклете «Рашков (1402–

2002)», изданному к 600-летию села Рашков; в историческом очерке Н.В. Бабилунги.

По сведениям известного молдавского историка И.А. Анцупова, Рашков «некоторое время... являлся форштадтом крепости «Калавур» ... крепость была разрушена, а предместье продолжало развиваться. В конце XVIII в. здесь проживали 338 семей: украинцы и русские (201), поляки (37), евреи (68), греки (15), армяне (12), немцы (2)»⁷.

Название свое крепость «Каравул», построенная князем Витовтом, получила, по всей видимости, по названию урочища Калавур, которое прилегает к Рашкову и до сих пор носит свое название. К концу XVI в. крепость Каравул уже не упоминается в исторических хрониках и картографических материалах⁸.

Поселение с сооруженными фортификациями в начале XVII в. играло значительную роль во внешних сношениях Польши, Турции и Молдавского княжества. Богдан Хмельницкий после победы над поляками в 1648 г. у Желтых Вод и Корсуня освободил Рашков. По сохранившемуся преданию, в Покровской церкви села происходило венчание его сына Тимофея и дочери молдавского господаря Василия Лупу – Роксанды. В подарок Роксанде Б. Хмельницкий преподнес ключи от Рашкова⁹. Вскоре Тимофей погиб, а безутешная Роксанда так горько оплакивала мужа, что из ее слез образовался источник, который именуется сегодня Панской криницей.

По мнению И.А. Анцупова, в местечке Рашков в XVIII в. располагался польский гарнизон, а в XIX в. поселение являлось крупным центром ремесленного производства левобережного Приднестровья, известной пристанью и переправой на Днестре¹⁰.

Почти одновременно с Рашковым в XV в. в грамоте молдавского господаря Александра Доброго, выданной им львовским купцам и датированной 8 октября 1408 г., упоминается город Тягнякяч, который был оживленным пунктом на торговом пути «на границе между Молдавским княжеством и Великим княжеством Литовским»¹¹. А уже к середине XV в. его называют Тигиной. В окрестностях Тигины столкнулись интересы «нескольких государств и народов с различным социально-культурным потенциалом»¹². Особо досаждала небольшому Молдавскому княжеству огромная Османская империя и ее вассал – беспокойное Крымское ханство¹³. Однако, благодаря мужеству и воинскому мастерству господаря Штефана Великого, Молдавское княжество в период его правления противостояло османам. Только в 1538 г. захватив молдавские земли, турки переименовали Тигину в Бендер. По утверждению Г. Аствацатурова, окончание «ы» русского происхождения и появилось лишь к концу XVIII в. По мнению А.И. Еремии, в

основе данного топонима лежит слово «bender» персидского происхождения, в переводе означающего «порт», «портовый город»¹⁴.

Г. Аствацатуров утверждает, что в научных спорах о происхождении названия «Бендер» превалирует точка зрения профессора М. Губоглу, который считает, что слово ирано-персидского происхождения состоит из двух слов «бенд» и «дер», что означает «укрепленный проход», «крепость на переправе».

Для укрепления своих границ турки начали строительство и реконструкцию нескольких крепостей, в том числе и крепости Бендер. По мнению многих ученых, Бендерская крепость несколько раз перестраивалась и имела два составляющих компонента – цитадель и земляную крепость с укрепленными бастионами и глубоким рвом вокруг нее. Крепость отличалась восточным колоритом и была грозным оборонительным сооружением своего времени¹⁵. По свидетельству документов Бендерского историко-краеведческого музея, проект Бендерской крепости и ее строительство принадлежит Синану ибн Абдул-Менану, известному турецкому архитектору.

В молдавских хрониках и исторических источниках сохранились сведения о серьезной реконструкции крепости в начале XVIII в. в связи с выходом в регион набиравшей могущество Российской империи и утраты турками крепости Азов в 1696 г. У России появилась возможность получить выход в Черное море, что неизбежно сталкивало интересы России и Турции. В это время Бендерская крепость становится важнейшим стратегическим объектом на восточных границах Османской Порты.

Бендерская крепость приковала к себе внимание мирового сообщества в связи с победой русских войск под командованием Петра I над шведами под Полтавой 27 июня 1709 г. в ходе Северной войны 1700–1721 гг., когда, потерпев сокрушительное поражение, король Швеции Карл XII и его сподвижник Иван Мазепа с остатками «былой грозной армии»¹⁷ и с небольшим отрядом казаков прибыли к Бендерской крепости 23 июля 1709 г., куда были приглашены после тяжелого «путешествия» от Полтавы сераскиром Бендерским – Юсуф-пашой¹⁸.

Первоначально Карл XII и его спутники расположились на левом берегу Днестра во временном палаточном лагере, но оценив ситуацию, шведы к 1 августа переправились на правый берег. Сразу началось сооружение нового лагеря у села Варница, получившего название «Карлополис». Варница стала местом временного упокоения гетмана Мазепы, который скончался в 1709 г.²⁰ Затянувшееся пребывание Карла XII у стен Бендерской крепости, вызывавшее недовольство турецкой стороны, продолжа-

лось до февраля 1713 г. После странного сражения, известного в истории под названием «калабалык» (в переводе с турецкого – «стычка»), между шведами и 12-тысячным турецко-татарским войском Карл XII, получив несколько незначительных ранений, был наконец отправлен из Бендер.

Шведский король был не единственной известной личностью, чье имя связано с историей Бендерской крепости. В штурме крепости 15 сентября 1770 г. после двухмесячной осады под командованием генерал-адмирала П.И. Панина принимал участие будущий предводитель крестьянского восстания Емельян Пугачев. Падение крепости обошлось слишком дорогой ценой. По условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг., по Артикулу шестой на десятый «Российская империя возвращает Блистательной Порте всю Бессарабию с городами Аккерман, Килиею, Измаилом и прочими... равномерно возвращает ей и крепость Бендеры»²¹. Вторично крепость Бендеры сдалась без сопротивления русским войскам под командованием светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического в 1789 г. в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг., после блестящей победы русских войск 4 ноября 1789 г. у реки Рымник под командованием А.В. Суворова и убедительной победы русской конницы под командованием М.И. Кутузова над трехтысячным войском буджакских татар на подступах к Бендерам. Но по Ясскому мирному договору «Российский императорский двор возвращает Блистательной Порте завоеванную оным Бессарабию с крепостями Бендерами, Аккерманом, Килиею и Измаилом...»²².

В статье III Ясского договора говорится, что «между Империей Всероссийской и Портой Оттоманской пребудет границею река Днестр, так, что все земли на левом берегу помянутой реки лежащие, имеют остаться вечно в совершенном беспрепятственном владении Всероссийской Империи, а на правом берегу помянутой реки лежащие все земли, по возвращении их со стороны Всероссийской Империи имеют остаться вечно в совершенном и беспрепятственном владении Порты Оттоманской»²³.

При Петре I Россия вышла на побережье Балтийского моря. При Екатерине II в результате шведско-русской войны 1788–1790 гг. была присоединена Курляндия в 1793 г. Россия прочно утвердилась на Балтике. После двух войн с Османской империей 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. Россия получила выход к Черному морю.

Крепость и город Бендеры были окончательно освобождены от турецкого владычества 24 ноября 1806 г. русскими войсками под командованием генерала Мейендорфа практически бескровно. В результате победы России в русско-турецкой войне 1806–1814 гг. между речье Днестра и Пру-

та вошло в состав русских земель. Началась капитальная реконструкция всех вновь приобретенных крепостей, в том числе и Бендерской, которая была причислена к «оборонительным сооружениям первого класса»²⁴.

Значение самостоятельного оборонительного объекта Бендерская крепость утратила в 1787 г. согласно военному плану, принятому Главным штабом российской армии. Крепость стала местом дислокации регулярных войск на зимнее время. В конце XIX в. завершилась история Бендерской крепости как самостоятельного оборонительного объекта²⁵.

После упразднения Бендерской крепости как военной единицы в крепостных стенах постоянно дислоцировались войска, хранились боеприпасы и военное снаряжение. Так было в годы Первой мировой войны, во время румынской оккупации Бессарабии, в том числе и города Бендеры в 1918–1940 гг. В Советском Союзе Бендерская крепость осталась в ведении Министерства обороны СССР, и в ней дислоцировались воинские части – эта практика продолжена и в Приднестровской Молдавской Республике.

Впервые вопрос об охране Бендерской крепости как историко-архитектурного памятника был поднят после окончания Великой Отечественной войны. Городской исполнительный комитет 3 июля 1945 г. принял решение о взятии под защиту Бендерской крепости как памятника республиканского значения. Согласно данному решению в крепости запрещались любые ремонтные работы, которые могли привести к изменению внешнего вида крепости. В ноябре 1949 г. Бендерская крепость по решению исполкома городского совета была включена в перечень памятников, находящихся на территории города.

В совместном Постановлении № 211 Центрального Комитета КПМ и Совета министров МССР от 23 июня 1975 г. Бендерская крепость была объявлена памятником республиканского значения²⁶. Однако принятые документы охранного характера никак не повлияли на улучшение состояния памятника.

В городе была создан инициативный комитет «Крепость», члены которого неоднократно обращались во все городские и республиканские организации с просьбой о спасении памятника, выводе воинских частей с территории крепости. Постоянно эти вопросы поднимались сотрудниками Бендерского историко-краеведческого музея, членами городского отделения Молдавского общества охраны памятников истории и культуры, но вопрос оставался открытым.

К 600-летию юбилею города Бендеры не только горожанам, но и всем жителям республики был сделан великолепный подарок: проведена частичная реконструкция Бендерской крепости, в просторном поме-

шении порохового погреба цитадели открыт музей, экспонаты которого рассказывают о событиях военно-политической истории Приднестровья, было открыто прилегающее к крепости военно-мемориальное кладбище с колоннадой и часовней. Все эти работы проходили под патронажем руководства республики и при активном участии Министерства внутренних дел²⁷.

Работы по реконструкции и восстановлению Бендерской крепости будут продолжены. Старая крепость уже стала самым популярным памятником военно-оборонного зодчества в регионе, а по завершении ремонтно-восстановительных работ превратится в величественный культурно-исторический туристический комплекс.

Основание Тираспольской крепости тесным образом связано с решением Ясского мирного договора 1791 г., когда по Днестру сооружалась Днестровская оборонная линия и среди прочих крепостей началось строительство крепости Средней при Ботне, против Бендерской крепости на месте молдавского рыбацкого хутора Суклея²⁸.

Указом от 27 января 1792 г. Екатерина II повелела Екатеринославскому губернатору В. Каховскому осмотреть вновь приобретенную землю и подготовить предложение по ее территориально-административному устройству.

Четвертый уездный город планировался В. Каховским у крепости Средней «противу устья р. Ботны. Новосозидаемая крепость будет средством к привлечению жителей в город, а город при открытии в нем торговых дней и ярманок, и чрез разведение жителями садов и огородов, будет выгоден для крепости»²⁹.

План инженерного укрепления границ, разработанный под руководством Г.А. Потемкина, устарел, были составлены и в значительной мере одобрены новые предложения и рескриптом от 10 ноября 1792 г. возложены на А.В. Суворова, отозванного с северо-запада России, где он находился на укреплении границы с Финляндией, и направленного на юг государства³⁰.

А.В. Суворов был снабжен большими полномочиями. Екатериной II даны были Александру Васильевичу общие инструкции о проведении подготовительных работ к возможно новой войне с Турцией, которая вела себя вызывающим образом и после заключения Ясского мира.

Суворову было предписано «устроить» войсковые части на юге России, создать склады и предупредить возможное нечаянное нападение турок, все действия предполагалось сохранить в тайне, чтобы у турок не сложилось мнение, что Россия их опасается.

В частности, в секретном рескрипте Екатерины II от 23 ноября 1792 г. А.В. Суворову поручалось осмотреть границы и сообщить о мерах, «каким образом оные привести в беспечность против неприятельского нападения»³¹.

С другой стороны, А.В. Суворову предлагалось осуществить уже опробованные проекты, составленные инженер-майором де Воланом. В своих воспоминаниях Франц де Волан указывал, что получил от императрицы высочайшее повеление в конце 1792 г. прибыть к генералу графу Суворову, который был назначен командующим войсками и военным комендантом на юге России. Он писал: «В конце января 1793 г. я совершил большую поездку вместе с генералом Суворовым по всей границе Днестра, Черному морю, Крыму и Азовскому морю, где было предусмотрено: 1) Строительство четырех фортов на Днестре и на берегу Черного моря до устья Днестра; проекты их были уже разработаны и денежные средства выделены...»³².

В короткий срок А.В. Суворов, прибывший на юг России в конце ноября 1792 г., объехал места, предполагаемые для строительства крепостей, им были составлены новые планы совместно с инженер-майором Ф. де Воланом.

Тираспольскую крепость Суворов решил расположить у входа «рытвины» к левому берегу Днестра, против речки Ботны, имевшей обширную равнину, удобную для переправы через реку Днестр. В крепости надлежало расположить «Знатный депот», охраняемый «приличным гарнизоном и заключающим» в себе всяческие средства для операции в Молдавии и низовьях Дуная. По плану, составленному по директивам А.В. Суворова, Тираспольская крепость должна была иметь прямоугольную форму. Тирасполь предполагался пунктом «первоначальнейшим и главнейшим на границе сей»³³.

В конце января 1793 г. проекты укреплений были направлены в Петербург для утверждения. В рескрипте от 10 ноября 1792 г., адресованном А.В. Суворову, предлагалось «немедленно» начать работы на границе с Европейской Турцией. Слово «немедленно» явилось решающим для генерала и, с другой стороны, А.В. Суворов, учитывая военно-политическую обстановку, боясь потерять драгоценное время, приступил к работам.

Несмотря на многочисленные трудности, работа продвигалась достаточно быстро. Александр Васильевич проявлял заботу об улучшении быта офицеров и нижних чинов, большая тревога звучит в его письме П.И. Турчанинову от 12 апреля 1793 г.: «Худой провиант... у Генерала-Поручика Толстого, частью по сырым казармам, немало знатнее Белевского, Полоцкого и прочих. Послал я туда доктора...»³⁴.

Генерал-поручик артиллерии И.М. Толстой командовал частью войск, расположенных под Ботной на Днестре. В его частях, живших в недавно построенных сырых казармах и использовавших гнилой провиант, начались массовые болезни, что сильно беспокоило полководца.

В книге Г. Тимченко-Рубана «Суворов и инженерное дело. Опыт критико-исторического исследования», вышедшей в Петербурге в 1913 г., упоминается о больших финансовых затруднениях, с которыми столкнулся А.В. Суворов во время строительства южных крепостей. Однако полководец, преодолев все препятствия, способствовал выполнению работ в срок. Он лично участвовал в закладке Тираспольской крепости 22 июня 1793 г.

Очень большое внимание уделялось вооружению крепостей пушками нового образца, полному обеспечению Днестровской оборонной линии боевыми комплектами, продовольствием, рассчитанным на содержание в крепостях и провиантских магазинах 18-дневных запасов. Еще до отъезда А.В. Суворова в Польшу в августе 1794 г. основные работы в крепости при Ботне подходили к завершению.

Все эти факты свидетельствуют, что генерал А.В. Суворов уделял самое пристальное внимание крепостям Днестровской оборонной линии, в том числе и крепости Срединной, учитывая тот момент, что турки развернули большие и срочные работы по усовершенствованию своих крепостей на Днестре и Дунае.

Активно участвовал в строительстве крепостей командующий войсками на Днестре князь Г.С. Волконский, служащие роты инженеров, утвержденной в 1794 г., в результате чего основные работы в крепости были закончены к концу 1795 г.

В начале XIX в. Тираспольская крепость имела на вооружении 13 орудий, были построены казармы на 2 250 человек, пороховые погреба на 6 300 пудов, магазины на 1000 четвертей³⁵.

Тираспольская крепость II класса в 1818 г. входила в число 58 штатных крепостей и относилась к Киевскому округу «вместе с крепостями Киево-Печерск, Бобруйск и Св. Димитрия»³⁶.

В первой половине 1835 г. стратегический комитет посетил с инспекционной целью южные крепости, в результате чего были упразднены как военные единицы крепости Херсон, Тирасполь, Еникале.

Тираспольская крепость, которая была земляной, сохранилась значительно хуже Бендерской, к тому же на территории крепости с 60-х гг. XX в. активно велось жилищное строительство. К концу XX в. сохранились фрагментарно бастион «Петр» и полностью – бастион «Владимир». В пороховом погребе бастиона «Владимир» ведется создание музея истории

Тираспольской крепости, предполагается реконструкция самого бастиона. К сожалению, это все, что сохранилось от бывшей Тираспольской крепости, неумолимое время и хозяйственная деятельность сделали свое дело.

Память о всех организаторах и участниках строительства крепости увековечена в тираспольских памятниках.

В центре Тирасполя в 1979 г. установлен памятник А.В. Суворову (авторы В. и В. Артамоновы) не только как великому полководцу, но и как прекрасному организатору инженерных и строительных работ по Тираспольской крепости, которая положила начало самому городу Тирасполю. Бронзовые бюсты императрицы Екатерины II и инженер-майора Франца де Волана украшают городскую мемориальную аллею.

Крепостные сооружения левобережного Приднестровья стали не только свидетелями событий военно-политической истории, которые проходили в регионе, но и с течением времени стали подлинными мемориалами мужеству и стойкости тех людей, которые вершили эти события.

---

¹ **Ширяев Е.Е.** История Приднестровья в картах. – М., 1993. – С. 4.

² **Бабилунга Н.В.** Приднестровье в составе Великого княжества Литовского (исторический очерк) // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1997. – № 1. – С. 8.

³ Там же. – С. 9.

⁴ История Приднестровской Молдавской Республики: В 2 т. – Тирасполь, 2000. – Т. 1. – С. 284.

⁵ **Букарский В.В.** Геополитическое значение Днестра как границы // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 2004. – № 8. – С. 79.

⁶ Атлас. Приднестровская Молдавская Республика. История. – Тирасполь, 2007. – С. 20.

⁷ **Анцупов И.А.** Города родного края // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1998. – № 2. – С. 34.

⁸ История Приднестровской Молдавской Республики. – Тирасполь, 2000. – Т. 1. – С. 155.

⁹ **Балицкая М.Е.** Жемчужина Приднестровья. История Каменки и окружающих ее сел в документах, воспоминаниях, легендах. – Кн. 1. – Тирасполь, 2008. – С. 9.

¹⁰ **Анцупов И.А.** Указ. соч. – С. 34.

¹¹ История Приднестровской Молдавской Республики. – Тирасполь, 2000. – Т. 1. – С. 116.

¹² **Аствацатуров Г.** Бендерская крепость. – Бендеры, 1997. – С. 14.

¹³ Там же. – С. 31.

¹⁴ **Еремия А.И.** Географические названия рассказывают. – Кишинев, 1990. – С. 118.

- ¹⁵ **Аствацатуров Г.** Указ. соч. – С. 46.
- ¹⁶ **Баггер Х.** Реформы Петра Великого. Обзор исследований. – М., 1985. – С. 152.
- ¹⁷ **Лобанов Е.А.** Бендеры. Страницы истории. 1408–1812. – Бендеры, 2003. – С. 66.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. – С. 68.
- ²⁰ Там же. – С. 69.
- ²¹ Ключук-Кайнарджийский мирный договор 10 (21) июля 1774 г. Опубликован в сборнике: Восточный вопрос в конце XVIII – начале XIX в. // **Документы и материалы** внешней политики Российской империи. – Бендеры, 1999. – С. 11–12.
- ²² Ясский договор 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) // Там же. – С. 33.
- ²³ Там же. – С. 32.
- ²⁴ **Аствацатуров Г.** Указ. соч. – С. 104.
- ²⁵ Там же. – С. 109–110.
- ²⁶ Там же. – С. 120.
- ²⁷ **Вилков Г.С.** Сохранение органами внутренних дел Приднестровской Молдавской Республики объектов культурного наследия в городе Бендеры // Приднестровское наследие. – Тирасполь, 2008. – Вып. 1. – С. 17.
- ²⁸ **Скальковский А.** Сравнительный взгляд на Очаковскую область в 1790 и 1840 годах (Из записок Одесского общества истории и древностей). – Одесса, 1842. – Т. II. – С. 2.
- ²⁹ Там же. – С. 7.
- ³¹ Письмо императрицы Екатерины II **А.В. Суворову от 23 ноября 1793 г.** // **Фонды** Тираспольского объединенного музея. – НВФ–429.
- ³⁰ 1792 г. ноября 10. – Рескрипт Екатерины II **А.В. Суворову с поручением ему** командования войсками на юге России и укрепления южной границы // Суворовский сборник. – Т. I. – Л. 26.
- ³² **Де-Волян Женераль Франсуа.** Очерк моей службы в России. 1787–1811 гг. Одесса, 1999. – С. 10.
- ³³ **Тимченко-Рубан Г. А.В.** Суворов и инженерное дело. – СПб, 1913. – С. 132.
- ³⁴ Письмо А.В. Суворова П.И. Турчанинову от 12 апреля 1793 г. Херсон // А.В. Суворов. Письма. – М., 1986. – С. 248–249.
- ³⁵ **Тимченко-Рубан Г.** Очерки деятельности Великого князя и императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью. – Т. II. – СПб, 1914. – С. 190–200.
- ³⁶ Там же. – С. 1.
- ³⁷ Там же. – С. 225–226.

ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.Я. ЛАКТИОНОВА

Политическая задача разрушения Советского Союза предполагала аннулирование всех скреп, цементирующих Империю. После распада СССР на его территории образовался целый ряд независимых государств, для каждого из которых первостепенной задачей являлась проблема формирования новой государственной и национальной идентичности. Была сделана ставка на этноцентризм. «Этносепаратизм и этноцентризм, – писал один из самых ярких представителей ученого мира Александр Панарин, – готовят народам откат от Просвещения в варварство, из единых больших пространств, благоприятствующих личностному развитию и выбору, – в малые, жестко контролируемые пространства авторитарного и псевдообщинного типа»¹. Пришедшей на волне развала большой России новой национальной элите необходимо было создать историю, подтверждающую в целом искусственно сконструированную независимость того или иного постсоветского государства (напомню, что СССР был ликвидирован вопреки воле народов, выраженной референдумом).

Сегодня вместо единой страны в регионе Евразии существует целый набор «недосуверенитетов» – государственных образований, которые при-

нципиально не в состоянии жить обособленно от России. При этом все усилия национальных элит новых стран направлены на освоение технологий по мобилизации этничности в подвластных им республиках. Ученые МГУ им. М.В. Ломоносова проанализировали 187 школьных учебников истории в 12 странах бывшего Советского Союза. Масштабы искажения событий прошлого, которые они там обнаружили, оказались беспрецедентными. Главная характерная черта учебников постсоветских республик – образ «заклятого врага». Русские и Россия – источник бедствий. Исключение в этом смысле составляют лишь учебники Белоруссии и Армении. Что же касается периода СССР, то здесь вся история сводится к освободительной борьбе народов против русских оккупантов. Особая роль отведена в учебниках этническим чисткам во времена советского геноцида. Авторы исследования резюмируют, что при таком подходе к истории через 15–20 лет события XX в. будут окончательно забыты, а в сознании народов бывшего СССР будет сформирован образ России как зловещей империи, которая их веками уничтожала, подавляла и эксплуатировала².

Укоренить «самостийность» можно только перевернув историю и придав ей пафос национально-освободительной борьбы против России. Если такой пафос и существовал исторически на Украине, Белоруссии, в Прибалтике, то он был явлением маргинальным. А сегодня розыгрыш националистической карты и антироссийский политический вектор – визитная карточка многих постсоветских республик в глазах мирового сообщества.

Если обратиться к колыбели русской государственности – Украине, то здесь прошлое перекраивается с позиции политической идеологии и мифологии. Ставка на «незалежность» призвана расколоть органическое единство Малороссии с Россией, поэтому с начала 90-х гг. XX в. на Украине был развернут большой проект по отрыву ее от России с оформлением «политической» украинской нации. Кульминацией в процессе реализации этого проекта стала «оранжевая революция» в Киеве, обусловленная фактором Запада. Основу американского проекта «Киевская Русь» составляет идея украиноцентризма, которая берет свое начало в шовинистских формах украинского национализма и сводится к замене Москвы как геополитического и цивилизационного символа европейским Киевом с последующим объявлением Украины новым легитимным центром власти, политически и духовно управляемым из Вашингтона. Одна из главных задач – внести внутренний раскол в сам русский народ, столкнув между собой великороссов и малороссов. Речь здесь идет, прежде всего, о сформулированной Зб. Бжезинским задаче, направленной на

смену цивилизационного кода России. Духовная цель проекта сводится к ликвидации на Украине Русской Православной Церкви Московского Патриархата и формированию того, что названо «Украина–Русь», где действует «единая православная церковь» с патриаршим престолом в Киеве³.

Реформирование новой Украины проходило под непосредственным патронажем США. С обретением «независимости» национализм правящих элит этой республики, в том числе в культурно-языковой сфере, был возведен в ранг государственной политики. Целенаправленное разжигание в сознании населения Украины антироссийского психоза было главным средством мобилизации политизированной этничности. Последнее достигалось с помощью сильнодействующих символических акций. В качестве главного довода для легитимации нового государственного образования использовался типичный прием этнонационализма – память о преступлениях «колонизаторов» против ныне освободившегося украинского народа. Отсюда – ставка на голодомор, приравненный к геноциду украинского народа, что, как известно, не имеет под собой исторических оснований. Этот прием этнонационализма был выбран как средство консолидации «новой» украинской нации вполне сознательно, потому что он закладывает мину под попытки интеграции Украины и РФ. И этот миф, в отличие от раздражающих многих на Украине актов признания бандеровцев, имел свой резонанс в сознании населения. Голод 1932–1933 гг. Кучма назвал «украинским холокостом». Украина пошла в строительстве нации по пути Израиля, где холокосту придается ранг высшего национального символа. К такому выбору украинских политиков подталкивали США: в 1986 г. Конгресс США даже учредил специальную комиссию по изучению украинского «холокоста»⁴.

МИД Украины долго и безуспешно добивался от ООН признания голодомора актом геноцида и «преступлением против человечества». 24 сентября 2008 г. делегация Украины в Совете ООН по правам человека, не получив практически никакой поддержки, вынуждена была официально отозвать внесенный ею ранее проект резолюции «Память о Голодоморе 1932–1933 гг. в Украине». Департамент информации и печати Министерства иностранных дел РФ по поводу этого события сделал официальное заявление для СМИ: «Считаем кощунством политические спекуляции Киева на памяти миллионов жертв трагедии, которая постигла народы бывшего Советского Союза... Совет ООН по правам человека и ООН в целом – не место для проталкивания однобоких и искаженных оценок исторических событий. Историю надо оставить историкам, а ООН должна заниматься

своими прямыми обязанностями – поддержанием международного мира и безопасности»⁵. Все эти игры с «голодомором» послужили в конечном итоге на пользу самой России, которая также отнюдь не свободна от исторических фальсификаций, искажающих ее советское прошлое. И в РФ, и на Украине была опубликована масса исследований, где был дан непредвзятый исторический анализ событий того времени.

С другой стороны, искусственное конструирование оторванной от России и русских украинской политической нации привело к тому, что за время нахождения во власти Ющенко-Тимошенко на Украине отчетливо обозначились главные черты ее фашизации⁶. Некоторые украинские эксперты отмечают разжигание этнической ненависти, враждебность к соседним народам, русофобство, ксенофобию, нетерпимость, формирование образа врага в лице инакомыслящих, не разделяющих галицийско-украинские идеалы. Нормой стала героизация украинских националистов из террористической организации ОУН, коллаборационистов и пособников Гитлера. В феврале 2010 г. новый лидер Украины Виктор Янукович пообещал в интервью российскому телеканалу решить «вопрос с Бандерой» и воинами ОУН-УПА, чтобы «в будущем не возникал вопрос переписывания истории»⁷. Такая позиция чрезвычайно важна. Каковы будут реалии – покажет будущее. Тем не менее «джинн из бутылки выпущен»: искусственно выращено поколение ненавистников России – социальная база «оранжевых», которые не слишком в этом преуспели. Однако при неадекватной позиции самой РФ дело перелицовывания истории остановить очень непросто. Напомним, тем не менее, что 2 апреля 2010 г. Донецкий окружной административный суд отменил указ экс-президента В. Ющенко о присвоении одиозному лидеру западно-украинских националистов Степану Бандере звания Героя Украины.

Малороссия без России – это входной билет в зону глобального мира и подвластных ему технологий манипуляции. В современном мире Украина призвана сыграть в чужую игру, последствия которой для нее самой совершенно разрушительны. С 2008 г. «День крещения Киевской Руси – Украины» объявлен государственным праздником независимой Украины⁸. По этому поводу давно высказался святой Преподобный Лаврентий Черниговский, великий подвижник XX в.: «наше родное слово Русь и русский. И обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было Крещение Руси, а не крещение Украины. Киев – это второй Иерусалим и мать русских городов»⁹. Светоч земли русской Митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн совершенно определенно писал по поводу разрушения СССР: «решительно надо сказать, что отделение Белоруссии и Украины –

чудовищная нелепость, затея провокационная, гибельная и безумная. Впрочем, есть все основания предполагать, что естественное притяжение здоровой русской государственности, когда она будет восстановлена на территории России, решит этот надуманный вопрос достаточно быстро и безболезненно»¹⁰.

Формирование новой идентичности – украинской нации, естественно, предполагало вытеснение русского языка и русской культуры из всех сфер жизнедеятельности населения Украины. Заметим, что тот суржик, на котором общаются жители сел юго-востока страны, очень мало похож на язык жителей Галиции, напичканный полонизмами, который с трудом понятен (в отличие от русского) жителям остальной Украины¹¹. Незалежная «мова» при прочих равных условиях не может составить конкуренцию русскому языку на Украине. В конечном итоге, несмотря на обретение своей государственности, многолетнюю антироссийскую пропаганду, Украина продолжает в культурном отношении оставаться русской. А такие регионы, как Донбасс, Новороссия и Крым, практически демонстрируют русское сопротивление против проекта антироссийской Украины.

Что касается исторических фальсификаций в странах Балтии, то здесь они уже давно превращены в практический инструмент для эффективной реализации внутренней и внешней политики. Так, Латвия, специализирующаяся на продавливании различных резолюций в европейских правовых институтах, стремится получить различные компенсации, в том числе финансовые. К 2010 г. она собралась окончательно подсчитать ущерб от «советской оккупации» с тем, чтобы предъявить России материальные претензии. Под вышеперечисленные задачи в странах Балтии были созданы специальные «исторические» комиссии, призванные удовлетворить социальный заказ. Как уже говорилось, примеров такого же рода исторических «исследований» немало и на Украине, где также созданы специальные экспертные структуры. Суть подхода к истории в этих государственных образованиях имеет не только антисоветский, но и откровенно антироссийский характер. Здесь история переписывается под госзаказ с использованием изрядно потрепанных антисоветских мифов из арсеналов западных советоведческих институтов, вдохновлявших когда-то радиостанцию «Свобода». К сожалению, многое из набора пропагандистских штампов прочно закрепилось в массовом сознании.

Преступные деяния коллаборационистов, такие, например, как этнические чистки (уничтожение русских, белорусов, украинцев, евреев), в прибалтийских странах представляются современными экспертами как вынужденные действия. В скандально известной книге «История Латвии,

XX век», изданной в 2005 г., Саласпилский концентрационный лагерь называется «исправительно-трудовым». Преступления коллаборационистов и «лесных братьев» против мирного населения практически замалчиваются¹². Характерно, что и для советского времени эта тема была табуирована. В то время был взят курс на межнациональное согласие, а в постсоветское время политический заказ диктовал иное: не только в бывших республиках СССР, но и в самой России исследователи кинулись писать о сталинских репрессиях. Все это привело к тому, что общественности почти неведомы преступления коллаборационистов и предателей, но хорошо известны раскрученные и гиперболизированные преступления советского режима¹³. В итоге – легионеры СС, бандеровцы, мазепы сегодня возводятся в ранг национальных героев. Однако в то же время мы наблюдаем и повсеместное сопротивление этой переоценке ценностей. Это и Украина, особенно Крым, и Прибалтика, где масса людей вышла на защиту воина-освободителя (напомню, что треть из пришедших на площадь Тынисмяги были эстонцы, национальному характеру которых вообще чужды всякие протестные выступления).

К сожалению, история пересматривается не только в новых постсоветских государствах. Чтобы утвердить собственную легитимность, постсоветская элита последовательно занималась «демонизацией» советского периода. Есть знаковые события в истории, раскрученные западной и подхватившей ее российской либеральной пропагандой. Так, сконструированная неолиберальными идеологами антикоммунистическая концепция включала в себя венгерские события, Прагу 1968 г., а также Афганистан. Все эти события имели оценки весьма неоднозначные¹⁴. Тем не менее, в период утверждения новой России они получили однозначно антисоветскую, а значит и антироссийскую трактовку. Особняком в этом ряду стоит Катюнь, которая в советское время была известной перевернутой страницей изощренной геббельсовской пропаганды¹⁵.

Современная РФ, усеченный остаток большой империи, не может вместить в себя грандиозную историю России, одной из ярких страниц которой стала Полтавская битва. Ей тем более трудно вместить в себя величие подвига народа, что был явлен в Отечественной войне XX в. РФ – продукт крушения того государства, которым была держава-победительница – Советский Союз, наследник Российской империи. Отметим, что не где-нибудь, а в России, в старейшем издательстве «Молодая гвардия» в известной серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), основанной А.М. Горьким, вышла книга о Мазепе доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Т.Г. Таировой-Яковлевой.

Идеализируя образ Мазепы, последняя в своем сочинении допустила множество исторических ошибок, на которые указывают исследователи¹⁶. Награда от «оранжевого» Президента Украины, естественно, автора не обошла. И, что важно, девальвирована сама идея серии «Жизнь замечательных людей». Это пример ангажированной истории. В этом же ряду антиисторических новаций и интерпретации договора о ненападении между Германией и СССР, известного сегодня под именем «пакта Молотова-Риббентропа», и многое другое.

В современном мире немцы оправдываются за свою войну, а мы – за свою Победу. Еще со времен «перестройки» началось повсеместное наступление на отечественные святыни. С разрушением СССР реализуется целая система подмены ценностей. В ряде стран, новых членов ЕС, запрещается советская символика и возрождается фашистская. При этом в самой РФ неоднократно разжигались «окультурные» страсти вокруг советских символов. Неудивительно поэтому, что Российская Федерация в последние годы выступает в качестве «мальчика для битья» в европейских международных организациях, за членство в которых она платит немалые деньги. Вильнюсская декларация¹⁷ – очередной демонстративный вызов России, который можно использовать не только в информационной войне против РФ, но и в качестве идеологической основы для требования компенсаций «жертвам тоталитарных режимов».

Эпоха «перестройки» выдвинула свои запросы на ангажированную историю, был запущен процесс девальвации Победы. И все это – в логике тех действий, которые допустила сама РФ. Так, на основании доклада комиссии А.Н. Яковлева особым постановлением II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. все секретные советско-германские договоренности были признаны «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Подобное решение – это фактически вклад новой России в дело пересмотра итогов Второй мировой войны в ущерб своим национальным интересам. Не историки в режиме научной дискуссии, а народные депутаты в режиме голосования дали оценку событиям довоенной истории.

Признание соглашений СССР и Германии противоправными позволило поставить под сомнение законность пребывания на землях Прибалтики (Латвии и Эстонии) советских граждан, переселившихся туда после 1939 г. И в странах, претендующих на звание европейских, произошло немыслимое – значительная часть населения здесь превратилась в «оккупантов», «лиц без гражданства» и пр. В мае 2008 г. российские ученые выступили с инициативой пересмотра решения II съезда народных депутатов СССР.

Такое предложение озвучил заведующий отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН О.А. Ржешевский. Со стороны руководителей профильных комитетов ГД РФ эта инициатива поддержки до сих пор не получила.

В потерявшей государственнический инстинкт постсоветской России постоянно издается и переиздается порочащая советское прошлое историческая публицистика. В общественное сознание граждан РФ прочно вошли отголоски книг Виктора Резуна (подписывающего свои пасквили славным в России именем «Суворов»), где он ставит под сомнение оценку важнейших событий истории Второй мировой войны, ломает методологию в подходах к ее изучению. Главная линия в книгах В. Резуна-Суворова – доказательство агрессивности политики Сталина и, соответственно, Советского Союза. Эти книги известны, они – повсюду. Общий тираж «Ледокола» давно перевалил за два миллиона¹⁸. По мнению профессионалов, «вершина исследовательского гения» В. Резуна есть повторение «пропаганды нацистских преступников, пытавшихся оправдать вероломное нападение на СССР»¹⁹. Автор этих книг перешагнул через Родину и военную присягу. Какова цена общества, в котором будут находить своего читателя книги с таким подтекстом? И это в стране, ценой великой жертвы и великого подвига победившей фашизм.

В Российской Федерации на протяжении целого ряда лет идет процесс ликвидации военных академий – славы и гордости страны. Иногда это делается под видом реорганизации. Цена этого слова уже хорошо известна. Не удивительно, что в государстве, целенаправленно разрушающем, несмотря на протесты общества, мнения экспертов и профессионалов, систему не только гражданского²⁰, но и военного образования, растут поколения, которые воспринимают мифы про оккупантов как данность.

Пристрастные оценки того периода, когда готовилось крушение мощной державы, были, естественно, тенденциозными, и сегодня они работают против России. Внешняя политика СССР в 1939–1940 гг. – не только страница отечественной истории. Это современные реалии. В конечном итоге общество должно знать: рассматривать ли договор о ненападении между Германией и СССР как национальный позор или как закономерную победу руководства страны и советской дипломатии в условиях попустительства агрессору со стороны западных держав? До тех пор, пока не будет дана официальная оценка, что заключенный Сталиным в августе 1939 г. договор с Германией не выходил за рамки общепринятых в то время международных политических норм, РФ всегда будет объектом претензий и унижений.

В отличие от ангажированной истории и публицистики сегодня существует серьезная документальная и историографическая база по рассматриваемой проблеме¹. И если, наконец, будет всерьез поставлен вопрос об укреплении российской государственности, то в первую очередь следует отказаться от тех «исторических изысканий» в русле западной пропаганды, которые были заданы эпохой перестройки, направленной на разрушение могучей страны. Необходимо научиться смотреть на свое прошлое объективно, а не глазами геополитического противника в «холодной войне». Только в этом случае новым государственным образованиям, да и Евросоюзу придется с такой позицией считаться. Именно Российская Федерация была когда-то инициатором развала СССР. И именно в ней многие корни тех негативных процессов, которые идут сегодня на постсоветском пространстве.

¹ **Панарин А.** Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002. – С. 317.

² <http://www.nr2.ru/moscow/259452.html>

³ **Грачева Т.В.** Мифы патриотов. – М., 2006. – С. 55–57. Проекты, соответствующие гегемонистским интересам США и направленные на демонтаж российской государственности включают следующие: «Большой Кавказ», «Великая Финно-Угория», «Киевская Русь», Европейский рейх, «Бархатная революция», «Оккупационная монархия» (Подробнее об этом см.: Там же. – С. 37–72).

⁴ **Кара-Мурза С.М.** Как отрывают Украину от России // <http://www.contr-tv.ru/common/2035/>

⁵ Официальный сайт Департамента печати и информации Министерства иностранных дел Российской Федерации. Сообщение для СМИ. О провале затеи Украины по «голодомору» в Совете ООН по правам человека. 1430–24–09–2008 // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3495588EE05AAB69C32574CE004AF043

⁶ Симоненко И. Фашистское государство как цель и метод украинской власти. – 2009. – 16 ноября // Информационный портал. Русские на Украине // <http://www.russia.info/news/2151.html>

⁷ Заместитель В. Януковича по Партии регионов Борис Колесников, например, считает, что вообще «не стоит поднимать шум вокруг Бандеры» // mignews.com.ua/ru/articles/12501.html

⁸ Президент Украины. Указ від 25.07.2008 № 668/2008 // <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=668%2F2008&test=4/UMfPEGznhhgmd>

⁹ Преподобный Лаврентий Черниговский (1868–1950). Свято-Успенская Почаевская Лавра // <http://www.pochaev.org.ua/?p=listok/listok32>

¹⁰ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. Русский узел. – СПб, 2000. – С. 398.

¹¹ Подробнее см.: **Попов Э.А.** Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции // Современные политические процессы на Украине. – Ростов н/Д., 2009. – С. 91–95.

¹² См. подробнее: Материалы «круглого стола» «Россия и Прибалтика: компетентные ответы на исторические претензии лимитрофов» (эксперты: В.В. Семиндей, О.А. Ржешевский, Н.А. Нарочницкая, И.Ф. Максимычев, А.Р. Дюков, Ю.А. Никифоров и др.). Фонд исторической перспективы. – 2007. – 21 марта // <http://www.narochnitskaia.ru>

¹³ См.: Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). – М., 2007. Молодой российский историк Александр Дюков доказательно, на основе архивных данных, опровергает многие политико-исторические мифы, которые эстонские историки сформировали за годы обретенной независимости. Книга сопровождается документальными приложениями.

¹⁴ Официальные российские СМИ, твердившие о советских танках в Венгрии 1956 г., скромно умалчивали о том, что здесь изуверски убивали коммунистов, сотрудников органов безопасности и внутренних дел. Множество венгров ждали наведения в стране порядка. И торжественное празднование 50-летия «венгерской революции», видимо, не вызвало всеобщего национального ликования в республике. Правда, в эту копилку вселенского торжества борцов «с тоталитаризмом» внесли свою лепту российские СМИ. Оценки пражской весны со стороны чешского общества еще более неоднозначны, чем оценки венгерского общества событий 1956 г. В Чехословакию входили войска стран Варшавского договора. Это был коллективный акт. В конечном итоге, это было столкновение геополитических интересов стран НАТО и недавно созданного Варшавского блока. И Прага, и Будапешт, несмотря на специфические особенности, сегодня все отчетливее обретают характер знакомых «оранжевых революций», которым Советский Союз не дал состояться. Оценки афганской войны сегодня также куда более взвешенные. Тем более, что в Афганистане – американцы. Откуда уходит Россия, там появляется Америка.

¹⁵ Советская комиссия в 1944 г. обвинила в расстреле поляков немецкую сторону. Уже в 1990-е гг. целым рядом исследователей доказательно подтверждалась трактовка этих событий как гитлеровской провокации, имевшей целью опорочить Советский Союз (См., в частности, серию публикаций по данному вопросу в «Военно-историческом журнале» за 1991–1992 гг.)

¹⁶ Выявлены многочисленные грубейшие ошибки и искажения этого крайне тенденциозного сочинения. См., в частности, рецензии и отзывы на книгу Т.Г. Таировой-Яковлевой «Мазепа» (М., 2007); **Каревин А.** Бездна невежества: «нетрадиционная» российская история Мазепы // <http://www.regnum.ru/news/1274293.html#ixzz0zdAm1BBX>; **Кондакова С.** Перехитривший самого себя // <http://russdon.dn.ua/index.php?new=925>; **Воронцов А.** Жизнь «замечательного» предателя // Литературная газета. – № 27 (6179). – 2008. – 2 июля; **Ильин В.** Кто Вам целует ручки? // Литературная газета. – № 28 (6180). – 2008. – 9 сентября.

¹⁷ Принята в рамках Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), проходившей в Вильнюсе в июле 2009 г. Здесь была принята резолюция, утверждающая, что в XX в. европейские страны пострадали от двух тоталитарных режимов – нацистского и сталинского.

¹⁸ Куда менее узнаваемы представленные сравнительно небольшими тиражами книги, разоблачающие эту «большую ложь» См.: **Пыхалов И.** Великая оболганная война. – М., 2006; **Исаев А.** АнтиСуворов. – М., 2007 и др.

¹⁹ Там же.

²⁰ В среде профессионального сообщества и в прессе немало написано о пагубности перевода системы отечественного образования на «болонский» стандарт и введения ЕГЭ как способа оценки знаний.

²¹ См. исследования Сиполса В.Я., Ольштынского Л.И., Ржешевского О.А., Горлова С.А., Кулькова Е.Н., Мягкова М.Ю. и др.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОВ

С.А. ОСИПОВА

Проблема непризнанных государственных образований и их влияния на развитие мирового политического процесса стала одним из важнейших направлений современной политической и правовой мысли. В научной среде с момента распада СССР, Югославии и Чехословакии на фоне изменения политической карты Европы наблюдается повышение степени актуальности обозначенной проблемы.

Однако справедливо будет заметить, что непризнанные государственные образования как политико-правовое явление существовали и до указанных событий. Но именно образование непризнанных государств в постсоветском и постюгославском пространствах стало предметом бурных дискуссий на исследовательском, экспертном и практическом уровнях. Этот факт свидетельствует о том, что непризнанные государства, возникшие в последние десятилетия XX в., входят в зону политических и иных интересов наиболее влиятельных акторов современной мировой истории.

Политическая история является относительно самостоятельным разделом политологии, она изучает причины и процесс возникновения, развития и функционирования государства, совершенствование и модернизацию государственного строя, особенности государственного устройства и государственной системы на разных исторических этапах. В процессе познания истории конкретного государства необходимо выбрать масштаб и ракурс изучения предмета исследования. Именно такой выбор предполагает определенную интерпретацию политических событий, имевших место в истории.

Обыденный человеческий опыт позволяет воспринимать время как непрерывный движущийся поток и при этом подразделять его на услов-

ные периоды. В различных культурах существовала потребность датировать события, а способы соотнесения событий со временем были весьма многообразными: они могли основываться на лунных и солнечных календарях, агротехнических циклах, правлении конкретных династий, символических событиях, таких как основание Рима или Сотворение мира¹.

Актуальной методологической проблемой политической истории, как и исторической науки в целом, является проблема периодизации исторического развития. Под периодизацией понимается установление хронологически последовательных этапов в общественном развитии. В основу выделения этапов должны быть положены решающие факторы общественно-политического развития, как общие для всех стран, так и специфические, раскрывающие историю становления и развития конкретных государств.

Периодизация – подразделение прошлого на отрезки времени (этапы, периоды, века, эпохи) – одна из наиболее сложных проблем написания истории. Причем необходимость такого деления для упорядочения и анализа событий не ставится исследователями под сомнение. Практика построения периодизации нередко вызывает споры, исследователи обращают внимание на значительную долю условности вычленения целостных фрагментов прошлого². Сама возможность периодизации важнейших событий в истории общественного развития основывается на восприятии истории как непрерывной и единой. Исходя из идеи общности процесса развития человеческого общества, можно выделять в нем какие-либо этапы, сравнивать одну эпоху с другой. Со времени развития исторической науки учеными-историками разработано множество различных вариантов периодизации общественного развития.

Так, древнегреческий поэт Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) делил историю народов на пять периодов – божественный, золотой, серебряный, медный и железный, утверждая, что от века к веку люди живут все менее добродетельно. Древнегреческий мыслитель Пифагор (VI в. до н. э.), по аналогии с жизнью человека, в понимании истории руководствовался теорией круга, в соответствии с которой развитие идет по одной и той же колее: зарождение, расцвет, гибель. При этом вектор истории практически отсутствует³.

Свой вариант периодизации по типу хозяйства предложил немецкий ученый Б. Гильдебранд (1812–1878)⁴, который делил историю на три периода: натуральное хозяйство, денежное хозяйство, кредитное хозяйство.

Русский географ и публицист-социолог Л.И. Мечников (1838–1888)⁵ установил периодизацию истории по степени развития водных путей со-

общения: речной период (древние цивилизации), средиземноморский (средние века), океанический (новое и новейшее время).

К. Маркс, исходя из принципа материалистического понимания истории, разработал вариант периодизации, положив в ее основу способ производства или формационную концепцию⁶. В соответствии с этой теорией история человечества предстает как последовательная смена общественно-экономических формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической).

Западные ученые XX в. рассматривали исторический процесс как чередование одних и тех же «циклов» круговорота локальных цивилизаций. Крупнейший представитель этой теории А. Тойнби считал, что несмотря на то, что выделенные им тринадцать основных цивилизаций развиваются независимо друг от друга, все они проходят в своем развитии одни и те же стадии: зарождение, расцвет, гибель⁷.

По мнению руководителя Центра по изучению истории культуры Института всеобщей истории РАН А.Я. Гуревича, методологические изъяны исторических работ отечественных авторов отчасти являются следствием того, что абсолютизируется сама идея периодизации. Исследователи усматривают в исторических периодах самостоятельное значение, забывая о том, что на самом деле это лишь модели, придуманные для того, чтобы структурировать материал⁸.

Периодизация выступает, таким образом, как обязательный метод исследовательской работы при изучении политической истории, и как метод научного познания она связана с историко-сравнительным анализом (т. е. изучением государства и его развития на отдельных исторических этапах). Периодизация предполагает исследование государства, государственных институтов и органов путем деления истории на отдельные временные периоды с целью наиболее полного изложения материала либо выделения принципиальных особенностей состояния институтов государства в тот или иной отрезок времени его существования. Однако периодизацию не следует рассматривать как нечто абсолютное, она всего лишь инструмент, который использует исследователь в целях более глубокого понимания сути и значения тех или иных исторических событий.

Наиболее сложным вопросом периодизации как метода познания является подбор критерия. В основу периодизации политической истории Приднестровской Молдавской Республики, на наш взгляд, может быть положен критерий, определяемый внутренними факторами развития государственности, связанный с выделением и оценкой этапов становления

Приднестровского государства в период с 1990 по 2010 г. через призму совершенствования политической системы. При этом нами не исключается возможность выделения этапов развития государственности в Приднестровье на основе критерия, определяемого внешним фактором, каковым может быть отношение международного сообщества к приднестровскому феномену и к проблеме непризнанных государств в целом. В этом случае речь может идти, например, о периодах «до Косово» и «после Косово»; или критерием периодизации может выступить формат переговоров по молдо-приднестровскому урегулированию. В самом широком плане развитие государственности в Приднестровье можно рассматривать в привязке к тем государствам, в состав которых в различные исторические эпохи территориально входили приднестровские земли, и выделить на этом основании этапы становления приднестровской государственности в период античности, в рамках Галицко-Волынского княжества и в составе Золотой Орды, в составе Русского централизованного государства и Речи Посполитой, в составе Российской империи и Советского Союза. Однако, на наш взгляд, обоснование права приднестровского народа на самостоятельную государственность есть внутренняя потребность приднестровского общества, поэтому выбор критерия, обоснованного внутриполитическим развитием Приднестровья, является наиболее предпочтительным.

На протяжении всей истории ПМР политики-практики и научная общественность пытались осмыслить феномен Приднестровья, представить глубокий анализ политических процессов, происходящих на территории Приднестровского государства. Оценивая политическое развитие республики, нужно отметить, что функционирование Приднестровского государства в условиях его непризнанности международным сообществом остается главной особенностью этого процесса. Однако даже западные эксперты сегодня признают обоснованность притязаний Приднестровья на самостоятельную государственность. Так, в 2006 г. в Вашингтоне был опубликован Доклад В219, подготовленный Международным советом по демократическим институтам и государственному суверенитету⁹, в котором американские и европейские эксперты С. Тальмон, С. Краснер, К. Гоэбел, Н. Фурман, П. Вильямс, Э. Лоренц, М. Скарф и В. Вуд представили выводы по вопросу государственного суверенитета Приднестровской Молдавской Республики в соответствии с международным правом.

Сегодня с уверенностью можно заявлять о ПМР как суверенном самодостаточном государстве, развивающемся на основе демократической

(даже по европейским критериям и оценкам) конституции и управляемом сформированными на ее основе органами государственной власти.

В основу периодизации как метода познания истории Приднестровского государства и политических процессов, связанных с его становлением и функционированием, нами положены следующие теоретико-методологические принципы:

1) принцип объективности; поскольку любая периодизация условна, то за основу была взята хронология развития и совершенствования высших органов власти и Основной Закон Приднестровской Молдавской Республики;

2) принцип множественности критериев; необходимо учитывать включенность истории Приднестровского государства в историю политических событий и фактов, имеющих международное значение;

3) принцип противоречивости познания; периодизация отражает реальный процесс развития приднестровской государственности как сложного процесса, что предполагает наличие неоднозначные оценок тех или иных фактов, связанных с политической историей Приднестровья.

Системное видение процесса становления и функционирования ПМР позволило выделить три этапа в развитии приднестровской государственности.

Первый этап охватывает период 1990–1995 гг. Это было время воплощения в жизнь идеи Приднестровского государства, когда закладывался фундамент государственного строительства и происходила оценка альтернатив дальнейшего развития вновь созданного государства. В это время создавались республиканские органы власти и государственная инфраструктура. Обозначенный этап был одним из самых сложных в истории приднестровского народа, во-первых, в связи с отсутствием у приднестровцев опыта государственного строительства и, во-вторых, с необходимостью отстаивать свое право на самостоятельную государственность с оружием в руках.

Деятельность Временного Верховного Совета и Конституция Приднестровской Молдавской Республики 1991 г. заложили основы самостоятельной государственности, а сопротивление приднестровского народа вооруженной агрессии со стороны Республики Молдова сделало существование ПМР политической реальностью.

К 1995 г. основы государственности Приднестровской Молдавской Республики были в основном созданы. С этого времени начинается второй этап в истории Приднестровского государства, связанный с созиданием и политическим творчеством, формированием политической традиции

и совершенствованием взаимодействия всех сфер общественной жизни и прежде всего органов государственной власти. В этот период политическая система ПМР совершенствуется. Взаимодействие всех элементов государственного механизма нацелено на поиск оптимальной модели государственной организации.

Третий этап связан с принятием в 2000 г. новой редакции Конституции ПМР и характеризуется окончательным оформлением четкой структуры государственного устройства и относительно отлаженным механизмом взаимодействия органов государственной власти, политических институтов и гражданского общества.

Однако политическая жизнь не стоит на месте. Современный период развития Приднестровья характеризуется активизацией деятельности политической элиты новой генерации. Молодые политики имеют свое видение перспектив развития приднестровской государственности. В свете событий 2006–2010 гг. можно сделать вывод об усложнении политической ситуации в Приднестровье. В современном приднестровском политическом поле явно просматривается конфликт элит и, как следствие, усиление противоречий двух ветвей власти: между Верховным Советом, где большинство за новой элитой, и «старой» президентской гвардией.

С середины 2006 г. все чаще высказывается мнение о необходимости изменений в политической системе, избирательном праве и законодательстве ПМР в целом. Возможно, что события последних лет станут началом нового этапа в развитии приднестровской государственности. Каковы будут изменения в политическом устройстве Приднестровского государства, будут ли эти изменения позитивными – вопрос времени, которое все в истории расставляет по своим местам. Хочется надеяться, что, в конечном итоге, будут созданы условия, при которых Приднестровское государство получит международное признание. И это станет началом уже совсем другой истории.

---

¹ **Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.** История исторического знания. – М., 2004. – С. 40.

² Там же.

³ **Гесиод.** Теогония. Труды и дни. Щит Геракла / Пер. В.В. Вересаева. – М., 2001; **Жмудь Л.Я.** Пифагор и его школа. Серия: Из истории мировой культуры. – Л., 1990.

⁴ **Гильдебранд Б.** Политическая экономия настоящего и будущего. Репринтная копия. – СПб, 1860.

⁵ **Мечников Л.И.** Цивилизация и великие исторические реки. – М., 1995.

---

⁶ **Маркс К.** Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. – М., 1955–1981. – Т. 23–25.

⁷ **Тойнби А.** Постигение истории. – М., 1991.

⁸ Периодизация истории: Время непрерывно и бесконечно // Коммерсантъ. – № 58 (1016). – 1996. – 6 апреля // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=130426>

⁹ Государственный суверенитет Приднестровской Молдавской Республики в соответствии с международным законодательством. Доклад В219 МСДИГС // Государственный суверенитет Приднестровской Молдавской Республики. – Тирасполь, 2006. – С. 12.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЫРАБОТКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

В.П. ЧАПЛЫГИН

Для понимания истинного характера происходящих на постсоветском пространстве современных процессов и прогнозирования его будущего недостаточно опираться на анализ геополитических интересов различных социальных групп, внешних влияний, честолюбивых устремлений политиков и т. п. Требуется детальное изучение проблем, связанных с культурой. Они всегда, сохраняя свое значение, приобретают наибольшую остроту в кризисные моменты, когда в обществе усиливается потребность переосмысления пройденного пути с целью корректировки курса. В этом ряду одно из первых мест занимает проблема национальной самоидентификации. Эта проблема побуждает общество задуматься над тем, что объединяет нацию, над своим прошлым и стоящими перед ним целями и т. п., а правительства и общественные организации – формировать соответствующую историческую политику.

В современной политологии для обозначения связи профессиональной историографии и коллективной памяти с политикой используют различные дефиниции¹. Однако среди них выделяется частотой употребления термин «историческая политика». Он возник в ФРГ с приходом к власти Г. Коля и использовался им и его командой для создания положительного образа немецкого патриотизма. Это был поворот от трактовки предыдущего социал-демократического правительства В. Бранда о причинах появления нацизма, который строился на принципе коллективной ответственности немцев за преступления Третьего рейха. Инициаторами новой трактовки причин возникновения нацизма и меры его ответственности стали философ Ю. Хабермас и историк Э. Нольге. В разгоревшемся в 1986–1987 гг. споре немецких ученых речь шла об «апологетических тенденциях в описании современной немецкой истории», т. е. об отношении к

совершенным немцами преступлениям. Здесь впервые было использовано новое понятие «историческая политика» – в смысле возможности влияния исторических интерпретаций на политические дебаты.

После распада СССР в 1991 г. бывшие союзные республики стали самостоятельными государствами. Естественно, что перед ними встала проблема выработки исторической политики. Любая власть в прошлом ищет фундамент для своей современной легитимизации и, следовательно, она определяет вектор новой интерпретации своего прошлого. Начинаются перемены: издаются новые учебники по истории с иным видением прошлого, появляются другие герои, памятные даты и государственные праздники, сооружаются памятники людям, которые еще вчера подвергались всеобщему остракизму. Наиболее ярким примером этого может служить Полтавская битва, ее герои и антигерои – **Петр I, Карл XII, И. Мазепа** и др. Очень интересно, как менялся контекст празднования 300-летия этой битвы, изменившей карту Европы и судьбу многих народов.

В феврале 2007 г. на совместной встрече президентов России и Украины В. Путина и В. Ющенко обсуждалось совместное празднование этой знаменательной даты в истории двух государств. На ней было предложено «использовать идеологию исторического понимания в будущем при обсуждении тех или иных чувствительных вопросов общей истории». А в указе президента Украины № 955/2007 «По подготовке мероприятий по случаю 300-летия событий, связанных с военно-политическим выступлением гетмана Ивана Мазепы и заключением украинско-шведского союза» определялись мероприятия, которые планировалось провести. К сожалению, совместное празднование Полтавской битвы выпало из этой программы. Выполняя этот указ, правительство Украины создало оргкомитет с целью подготовки к празднованию памятной даты, были даны поручения министерствам и ведомствам, областным администрациям о подготовке к юбилею. Запланировано было также, что в вооруженных силах и учебных заведениях пройдут тематические занятия по истории этой битвы и роли в ней Мазепы, будет проведена международная научная конференция, создан цикл телепередач, снят научно-популярный фильм, поставлены памятники гетману Мазепе и шведскому королю Карлу XII, сооружена арка «Примирения».

Такая программа празднования хорошо вписывается в новый вектор современной политики Украины, а дата используется как пример длительных связей с Европой. Вот только существовала ли Украина как государство в это время? Об этом умалчивается. И уже подготовлена книга С. Николаенко из Национального университета внутренних дел с характерным

названием «Гром победы раздайся? Или ироничный взгляд на российскую военную историю». Лейтмотив этого «научного труда» – никакого праздника не должно быть, так как под Полтавой поражение потерпела Украина. Однако данный вывод не подтвержден фактами, а они говорят совсем о другом. Враждебность населения Малороссии к предателю Мазепе и к шведам, стремление сохранить единство с Россией приняло такой массовый характер, что удивило даже Петра и его соратников. Терпя огромные лишения и поборы, вызванные многолетней войной, люди, естественно, должны были выражать недовольство. Надежды Мазепы на враждебные действия малороссиян против России рухнули. Города закрывали свои ворота перед шведами. Население уничтожало мелкие отряды иноземцев, полковники приводили свои полки в лагерь Петра. Какое же поражение понесла Украина, если ее народ массово боролся против шведских оккупантов и предателя Мазепы, которые и были разгромлены? Тем более, что значительную роль сыграла Слобожанщина, на которой расширилось партизанское движение против шведов и «мазепинцев». Разгром шведов у села Городнее повернул их от стратегического направления на Белгород в сторону Полтавы. Именно поэтому Харьковский облсовет принял решение о праздновании 300-летия победы над шведским войском и установлении памятника на месте победы у с. Городнее Краснокутского района.

Современная внутренняя и внешняя политика нагляднее всего проявляется в тех национальных героях, которых выдвигает политическая элита. Во-первых, инициатор Переяславской Рады Богдан Хмельницкий отходит на второй план, а на первый выходит Иван Мазепа. В качестве ироничного примера можно привести современные украинские деньги – гривны, которые начали печататься с 1992 г. Так, банкнота с портретом Б. Хмельницкого имеет номинал 5 гривен, а с портретом И. Мазепы – 10.

Второй важный указатель вектора исторической политики – это переименование населенных пунктов, улиц и т. д. В 2008 г. в Киеве была переименована улица Январского восстания в улицу Ивана Мазепы. А ведь на этой улице находится Киево-Печерская лавра², Памятник неизвестному солдату, Аллея Славы. Равнозначны ли эти герои в истории Украины? Наверное, ответить на этот вопрос должен сам украинский народ, его интеллигенция.

Третий – установка памятников, т. е. монументальная пропаганда новых героев новой исторической политики. Так, 7 октября 2008 г. в с. Дегтяревка Черниговской области был открыт памятный знак в честь встречи гетмана Украины И. Мазепы и короля Швеции Карла XII. 23 августа 2008 г. городской совет г. Полтавы принял решение установить на Соборной пло-

щади памятник гетману И. Мазепе. Интересен тот факт, что в приднестровском городе Бендеры инициатива местных украинских общественных организаций установить подобный памятник вызвала неоднозначную реакцию.³

Интеллигенция должна, на наш взгляд, совместными усилиями восстанавливать совместное прошлое на объективной основе, свободной от сиюминутной политической конъюнктуры. В истории должна найти отражение совместная судьба народов со всеми позитивными и негативными реалиями. Серьезные шаги в этом направлении уже делаются. Так, по инициативе директора Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьяна была создана Ассоциация институтов истории стран СНГ. Теперь она имеет свой журнал «Историческое пространство», при ней действуют «летние школы» для молодых историков. Украина и Россия пока единственные государства в Содружестве, которые создали Совместную комиссию историков. С украинской стороны ее возглавляет директор Института истории Украины Национальной академии наук Украины академик В.А. Смолий, с российской стороны – А.О. Чубарьян. Данная комиссия инициировала решение «обменяться изданиями» – очерками истории России в переводе на украинский язык и очерками истории Украины в переводе на русский. Важная особенность этих изданий состоит в том, что они содержат современный взгляд на историю наших народов и взаимоотношения наших стран. Необходимо создавать новые учебники по истории, в которых должна найти объективное отражение совместная судьба народов, а выстраивание национальной исторической политики на противопоставлении России является миной замедленного действия, которая закладывается под наше общее будущее. Интеллигенция должна осознавать, что ее профессиональная обязанность – минимизировать процесс политизации истории. Это, несомненно, сложное дело. Каждый историк зависит от своих политических, философских, религиозных взглядов, от степени свободы научного поиска и степени свободы самого общества. Кстати, в ходе вышеупомянутой дискуссии Г. Коль и его соратники получили столь серьезный отпор, что *Geschichtspolitik* была быстро свернута. Отрицательная реакция многих немецких историков на эти историко-политические новации была связана именно с тем, что они воспринимались как часть исторической политики. Понятие *Geschichtspolitik* прочно вошло в немецкий лексикон как обозначение «интерпретации истории, избранной по политическим, то есть партийным, мотивам» и попыток убедить общественность в правильности такой интерпретации. Об исторической политике, на наш взгляд, следует говорить только применительно к обществам де-

мократическим или, по крайней мере, более или менее плюралистическим, заявляющим о признании демократических ценностей, в том числе свободы слова. Собственно, именно в этих условиях и возникает политика как конкуренция различных политических акторов, партий и точек зрения. В авторитарных режимах советского типа вмешательство власти в изучение истории и политику памяти было основано на официальной презумпции идеологической монополии, на механизмах цензуры и административного контроля над профессиональной историографией. Интеллигенция, в первую очередь научная, должна противостоять тем политическим силам своих национальных государств, которые, используя административные и финансовые ресурсы стран, осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти.

---

¹ Например, во Франции, историческая политика Ш. де Голля определялась термином *resistance* (Сопrotивление). Понятие «долг памяти» (*devoir de memoire*) использовался для критического переосмысления проблем коллаборационизма режима Виши и депортации евреев с территории, которую контролировал этот режим, а позже войны в Алжире. В современной западноевропейской историографии преобладают такие дефиниции, как историческая политика (*Geschichtspolitik*), политика прошлого (*Vergangenheitspolitik*), политика идентичности (*Identitatspolitik*), политика памяти (*Erinnerungspolitik*) и т. п.

² Мазепа был предан анафеме, т. е. отлучен от Православной Церкви за тяжкий грех – нарушение присяги на верность православному русскому царю. Как известно, такую присягу подданные давали на Кресте и Евангелии в присутствии священника. Совершив сговор со шведским королем, Мазепа допустил в пределы Южной Руси войско иноверцев-шведов, осквернявших православные храмы.

³ После поражения в Полтавской битве гетман Мазепа вместе со шведским королем Карлом XII скрывался в Бендерах, которые тогда входили в состав Османской империи. Здесь Мазепа и умер в 1709 г.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

И.М. БЛАГОДАТСКИХ

Военно-историческое наследие Приднестровья включает памятники воинской славы, наследие выдающихся исторических деятелей, родившихся здесь или принимавших участие в важнейших событиях истории края, а также все свидетельства исторической памяти (издания, музейные и архивные фонды, видео- и аудиоматериалы, материалы научных форумов, результаты культурной, общественно-политической и научно-исследовательской деятельности).

Памятники военной истории Приднестровья составляют значительную часть исторического наследия, на территории республики в настоящее время их насчитывается более 400. Хронологически военно-мемориальные объекты охватывают большую историческую эпоху: от турецкого владычества до современного периода приднестровской государственности. К наиболее значимым памятникам военной истории края можно отнести Бендерскую крепость XVI в., сооружения Тираспольской крепости XVIII в., Мемориал славы г. Тирасполя, Мемориал жертвам Холокоста г. Дубоссары.

Чрезвычайно богато и разнообразно в приднестровской истории наследие выдающихся исторических деятелей. Среди имен русской воинской славы особо выделяется имя А.В. Суворова, именно с ним связано основание столицы Приднестровской Молдавской Республики. Большое значение имеют имена Г.А. Потемкина, П.И. Панина, М.И. Кутузова, П.Х. Витгенштейна, на приднестровской земле в с. Строенцы родился выдающийся русский полководец П.А. Румянцев-Задунайский.

Изучение наследия края началось еще в советский период, в изданиях по истории и культуре Молдавии уделялось внимание изучению памятников истории г. Бендеры и левобережного Поднестровья. В конце 1980-х гг. осу-

ществлялась работа по созданию «Свода памятников истории и культуры Молдавской ССР»¹, подготовлен макет издания, в который были включены материалы о памятниках северных районов современного Приднестровья.

Законодательная база в сфере сохранения историко-культурного достояния стала одним из важных приоритетов государственной политики Приднестровской Молдавской Республики. В 1992 г. было принято Постановление Верховного Совета ПМР «О сохранении исторических, культурных и природных памятников Приднестровской Молдавской Республики». В 1990 – начале 2000-х гг. были приняты законы «Об архивном фонде» (1993 г.); «О культуре» (1997 г.); «О библиотечном деле» (1997 г.); «О музейном фонде и музеях ПМР» (2001 г.); «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (2002 г.). Особое значение в деле охраны историко-культурного наследия имел Закон ПМР «Об охране и использовании памятников археологии, истории и культуры» (1997 г.), ставший организационной основой государственной системы сохранения культурного достояния в республике².

Значимым опытом классификации и систематизации памятников истории стали подготовка и принятие «Государственного реестра памятников республиканского и местного значения Приднестровской Молдавской Республики». В Государственный реестр 2002 г. включено 73 памятника республиканского и 274 памятника местного значения. По территориальному принципу они распределены следующим образом: г. Тирасполь – 66 памятников; г. Бендеры – 44 памятника, пгт. Григориополь и Григориопольский район – 37, г. Дубоссары и Дубоссарский район – 29, пгт. Каменка и Каменский район – 62, г. Рыбница и Рыбницкий район – 65, пгт. Слободзея и Слободзейский район – 65. По хронологическому принципу они распределены следующим образом: с древнейших времен до 1800 г. – 24 памятника; с 1800 по 1914 г. – 74; с 1914 по 1990 г. – 227; с 1990 г. по настоящее время – 22.

В действующий «Государственный реестр памятников республиканского и местного значения Приднестровской Молдавской Республики» 2002 г. включено 164 памятника военной истории, из них 12 памятников республиканского значения и 152 – местного. В Приднестровской Молдавской Республике 5 памятников архитектуры и градостроительства относятся к военной истории, из них 2 памятника республиканского значения, находящиеся в Бендерах и Тирасполе, и 3 – местного (г. Бендеры – 2, Рыбницкий район – 1).

Особо следует отметить, что памятников военной истории Приднестровья, относящихся к периоду с древнейших времен до 1800 г., всего два: Бендерская крепость, датированная XIV–XVII вв., и Тираспольская Сре-

динная крепость (бастион «Владимир»), построенная в 1793 г. Последним по времени создания памятником в Реестре числится памятник «Мемориал памяти погибшим в вооруженном конфликте 1992 г.», установленный в 2001 г. в г. Дубоссары.

Очевидно, что действующий «Государственный реестр памятников республиканского и местного значения Приднестровской Молдавской Республики» 2002 г. не отражает в полной мере современной ситуации в приднестровском памятниковедении, за период 2002–2010 гг. в ПМР создан ряд значимых объектов военно-исторической памяти.

В 2003–2007 гг. действовала Государственная целевая программа ПМР по охране, консервации и реставрации памятников, позволившая определить первоочередные мероприятия в сфере охраны памятников. Основными задачами Программы были:

- формирование современной нормативно-правовой базы и основ системы государственного регулирования охраны памятников;
- решение вопроса об определении правового режима памятников археологии, истории и культуры;
- научное обеспечение охраны памятников;
- рекламно-информационное обеспечение изучения, охраны, реставрации и консервации памятников;
- содействие развитию внутреннего и международного туризма на базе историко-культурного наследия и развития международного сотрудничества в области охраны памятников;
- создание условий для возрождения памятников с большим историко-культурным и природным потенциалом.

Комплекс законодательно-нормативных документов, принятых в сфере охраны памятников в республике в 1997–2002 гг., стал правовой основой государственной деятельности на первом этапе³.

Вторым этапом стало совершенствование форм и методов работы в деле сохранения историко-культурного наследия, потребность обновления правовой системы ПМР с учетом современного международного опыта, результатом чего стала подготовка в ПМР новых редакций законодательных актов – «О библиотечном деле» (2004 г.), «О недвижимых объектах культурного наследия» (2008 г.), «О культуре» (2008 г.)⁴.

В 2006 г. начался новый этап военно-исторических исследований в Приднестровье, связанный с созданием и открытием новых историко-мемориальных объектов в г. Бендеры: Военно-историческое мемориальное кладбище и Военно-мемориальный комплекс «Бендерская крепость». Эти работы проводились под эгидой Министерства внутренних дел ПМР и со-

зданного в его структуре Управления по общественно-культурным связям и информации⁵.

С 2009 г. в структуре Приднестровского государственного университета начала функционировать научно-исследовательская лаборатория «Наследие», основной целью которой стало изучение военно-исторического наследия Приднестровья. В рамках этой проблематики в качестве основных направлений были выделены следующие темы:

- памятники военной истории в системе социального сознания Приднестровья;
- развитие законодательства ПМР в области сохранения и использования историко-культурного наследия;
- крепостные сооружения в историческом ландшафте Приднестровья;
- военная история Приднестровья в отечественном краеведении, архивоведении, музееведении;
- биографическая военная история Приднестровья XVI – начала XX в.

В рамках научно-исследовательской деятельности планируется разработка памятниковедения как одного из приоритетных направлений исторического краеведения Приднестровской Молдавской Республики, основной формой его реализации является подготовка серии работ «Памятники воинской славы Приднестровья», которая включает в себя исследовательский поиск, проведение специальных полевых исследований по изучению памятников и памятных мест истории Приднестровья, научную обработку и подготовку к печати документальных и авторских материалов о памятниках и памятных местах военной истории Приднестровья XVI–XXI вв.

В 2009–2010 гг. НИЛ «Наследие» стала организатором ряда научных форумов:

- Республиканский семинар «Военно-историческое наследие Приднестровья» (27 марта 2009 г., г. Тирасполь);
- международный круглый стол «Актуальные проблемы охраны и использования памятников истории» (29 апреля 2009 г., г. Тирасполь);
- международная научная конференция «Северная война и Приднестровье: история и современность» (18–19 сентября 2009 г., г. Тирасполь);
- круглый стол «Целевая президентская программа “Увековечение памяти защитников Отечества 2009–2015 гг.”» (3 марта 2010 г., г. Тирасполь);
- международный круглый стол «Великая Отечественная война в военно-историческом наследии Приднестровья» (24 апреля 2010 г., г. Тирасполь);

• круглый стол «Первая мировая война в исторических судьбах России и Приднестровья» (28 июля 2010 г., г. Тирасполь).

С 2009 г. началось осуществление Целевой президентской программы «Увековечении памяти защитников Отечества», первый этап программы реализован в 2009–2010 г., его основным содержанием стал ремонт и восстановление памятников и памятных мест периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.⁶

В проект программы на последующие годы включены различные мероприятия: международные научные конференции, посвященные истории крепостных сооружений Северного Причерноморья, 220-летию Ясского мирного договора и основания Тирасполя, 70-летию начала Великой Отечественной войны, 100-летию начала Первой мировой войны. Кроме того, планируется ежегодное издание по военно-исторической проблематике, а также подготовка серии книг «Выдающиеся имена в истории Приднестровья».

Комплексное рассмотрение военно-исторической проблематики позволит обеспечить междисциплинарный подход к изучению объектов исторического наследия Приднестровья, усовершенствовать законодательную базу Приднестровья по сохранению и использованию историко-культурного наследия Приднестровья, содействовать установлению международных научных контактов.

Осуществление такой масштабной программы позволит привлечь внимание к социально значимой научной проблематике, будет способствовать научному обеспечению государственной программы продвижения позитивного имиджа Приднестровья в ближнем и дальнем зарубежье, а также развитию отечественного историко-культурного туризма.

---

¹ Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. Северная зона. Макет. – Кишинев, 1987.

² См. подробнее: **Дорох Т.П.** Организация работы по охране и использованию памятников истории и культуры в Приднестровской Молдавской Республике // Вопросы истории и культуры. – Тирасполь, 2007. –С. 9–14.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Бендерская крепость. Бендерский военный некрополь. – Бендеры, 2009; Бендерская крепость – жемчужина турецкого ожерелья обороны. – Бендеры, 2008.

⁶ Целевая президентская программа «Увековечение памяти защитников Отечества» (2009–2015 гг.). Материалы Республиканского круглого стола 3 марта 2010 г. – Тирасполь, 2010.

ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ, ОПЫТ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

З.Г. ТОДОРАШКО

Устоявшееся словосочетание «защитник Отечества» является категорией нравственной, исторической, политической. В нашем сознании оно неразрывно связано, прежде всего, с понятием Родины, служением ей, патриотизмом. Несомненно, что для гражданина одного государства понятие Отчизны и ее защиты будет отличаться от установленного в другом государстве понятия, а также практики применения. Кроме того, эти установки, безусловно, претерпевают изменения в течение определенного времени, зависят от политики государства на том или ином этапе его развития.

Для нас, приднестровцев, понятие «Отечество» связано, прежде всего, с определением «Большой Родины», с отнесением своей идентичности к славянской, православной цивилизации, нашедшей свое отражение в образе «Великая Россия». Наше Отечество определено становлением российской государственности, жизнь «за царя и Отечество», за православную веру являлась основным мерилom оценки человеческой личности.

Накануне Полтавского сражения 1709 г. Петр I ярко выразил идею служения Отечеству: «А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое не дорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние»¹. Великий М.В. Ломоносов в своих трудах сблизил понятие «патриот» и «гражданин», давая им одинаковые характеристики, утверждая, что потребность жить «для пользы Отечества» должна быть мерилom жизненного смысла².

В XIX в. понятие «Отечество» связывалось с приоритетом национальных, духовных категорий: религиозно-нравственный идеал, духовная мудрость, соборность, закон любви к Богу и ближнему сочетались с народностью – патриотизмом, с любовью к русской истории и культуре³.

Государство являлось важнейшим институтом Отечества, его главной функцией определялось «вести народ всеми народными способами к тому, чтобы он всегда и неизменно стремился к бесконечному нравственному совершенствованию, создавать для такого совершенствования материальные и духовные условия, побеждать пороки людей и укреплять, защищать добродетель, выяснять народу высшие идеалы и всячески бороться из-за этих идеалов»; для государства «более полезные такие граждане, которые проникнуты патриотическим чувством и готовы посвятить Отечеству свои силы и даже жизнь»⁴. Благоденствие государства, по мнению российских педагогов конца XIX – начала XX в., напрямую зависело от умения служить Отечеству, которое формируется силой примера старших, под влиянием рассказов о замечательных деятелях России и их доблестных подвигах, проникнутых искренним патриотическим чувством самого наставника, под влиянием поэтических произведений, патриотических песен, творческого празднования дней, имеющих особое значение в жизни Отечества; большое значение имело присутствие на церковном богослужении и вознесение молитвы «За царя и за Отечество!».⁵

В советское время формируется понятие «социалистическое Отечество», которое понимается как «многонациональное государство, в котором воспитывается советский патриот на основе пролетарского интернационализма и верности марксистско-ленинским коммунистическим идеалам, а также подчинения отдельной личности интересам коллектива, общества, государства». Понятие «Отечество» рассматривалось, прежде всего, с классовых позиций. Новый советский патриотизм вдохновлял граждан Советского Союза на трудовые и боевые подвиги, благодаря ему, во многом, состоялась победа над фашистской Германией, произошло восстановление страны. Однако патриотизм, основанный на атеистическом мировоззрении, лишал человека духовных национальных ценностей, разрушая преемственность, нравственность, духовные традиции⁶.

В последние десятилетия понятие «Отечество», подходы к его трактовке вызывают особый интерес. С разрушением СССР, становлением суверенных, независимых государств отмечается возрастающее внимание к идее национальной самобытности, национальной культуры, национального характера. Одновременно появились новые подходы, которые определяют личность как часть цивилизации, человечества. При этом, с одной стороны, ценность Отечества понимается как принадлежность к обществу, к определенной культуре, восприятие себя в качестве неотъемлемого звена в исторической цепочке культуры и государства. С другой стороны,

Отечество определяется как начало диалога, пути к Человечеству, еще более широкой общности⁷.

В определении понятия «Отечество» непременно присутствует определение «Большой» и «малой» Родины. В процессе понимания и постижения понятия «Отечество» человек проходит несколько стадий: Я и мои близкие (семья), Я и мой регион (малая родина), Я и моя страна (Большая Родина). Кроме того, содержание понятия «Отечество» следует рассматривать в узком и широком смыслах: Отечество – это место рождения человека, связь с его родом, прошлым и поколениями (малая родина); это страна, обладающая государственным суверенитетом, определенными духовными, культурными ценностями, языковой общностью, принадлежащими данному народу (Большая Родина)⁸.

Приднестровская Молдавская Республика – уникальное государственное образование. Феномен Приднестровья привлекает внимание международных экспертов, политологов, историков, журналистов. Что есть «Отечество» для приднестровцев?

Актуальность определения содержания такого ключевого понятия, как «Отечество», связана не только со становлением приднестровской государственности, но и с различными аспектами духовно-нравственного воспитания, исторического образования.

ПМР – государство, территория которого состоит из правобережной территории (часть Бессарабии) и Левобережья Днестра, вошедшего в состав Российской империи в конце XVIII в. «Дикое поле» было обустроено благодаря российской государственности, активной колонизационной политике. Богатейшая история, конфессиональная и национальная терпимость, уважительное отношение к культуре и самобытности проживающих совместно народов послужили основой для формирования особого менталитета приднестровцев, на протяжении веков проживающих в условиях пограничья, вынужденных защищать себя и свое Отечество.

Защита Отечества – это основа безопасности Родины, укрепление ее могущества и постоянная готовность к отражению угрозы. Защитник Отечества, защитник Родины – это патриот, готовый «постоять за свое Отечество, не жалея живота своего».

Проблема увековечения памяти защитников Отечества приобрела особую актуальность для приднестровцев в преддверии 20-летия ПМР и 65-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией. В процессе разработки плана мероприятий к этим двум знаменательным датам под руководством Президента ПМР была разработана комплексная Целевая президентская программа «Увековечение памяти защитников

Отечества», которая базировалась на общей концепции, основой которой являлись отечественная методология и практика⁹.

В основу Целевой президентской программы были положены следующие принципы:

- Приднестровье, осознавая себя частью славянского, православного сообщества, избрав путь воссоединения с Россией, сохраняя историческую преемственность, соотносит понятие своего Отечества и его защиты с отстаиванием интересов российской государственности с эпохи ее утверждения на Приднестровской земле.

- Работа по увековечению памяти защитников Отечества отнесена к важнейшей составляющей внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности Приднестровской Молдавской Республики¹⁰.

- Любовь к Родине, патриотизм, гражданское самосознание, бережное сохранение и уважение исторического прошлого нашего Отечества выступают как основные ценностные категории в формировании целостного образовательного и воспитательного пространства Приднестровской Молдавской Республики¹¹.

- Уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества является священным долгом всех граждан Приднестровской Молдавской Республики¹².

В Приднестровской Молдавской Республике к категории защитников Отечества, чья память подлежит увековечению, отнесены: погибшие при защите Отечества или его интересов при исполнении служебных обязанностей по защите Отечества; умершие от ран или заболеваний, полученных при защите Отечества; без вести пропавшие в ходе военных действий или при выполнении служебных обязанностей по защите Отечества; погибшие, умершие в плену, в котором оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не утратившие своей чести и достоинства, не изменившие Родине.

К особой категории защитников Отечества были отнесены уроженцы Приднестровья или захороненные на территории Приднестровья Герои Советского Союза, полные кавалеры Ордена Славы в период Второй мировой войны и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., погибшие при выполнении Советским Союзом интернационального долга на территории других государств, в период агрессии Молдовы против Приднестровья в 1990–1992 гг.¹³

Согласно концепции Целевой президентской программы, подлежит увековечению память объединений, соединений и учреждений, отличившихся при защите Отечества, а также места боевых действий, вошедшие в историю как символы героизма, мужества и стойкости народа¹⁴.

С 2009 г. в Приднестровье развернулась комплексная, масштабная работа по восстановлению и ремонту памятников воинской славы. Увековечение памяти защитников Отечества стало не только важнейшей частью государственной политики, ее приоритетом, но и по-настоящему общенародным делом, в том числе и для молодого поколения приднестровцев.

---

¹ **Крон Н.** Сколько лет патриотизму? // Родина. – 1994. – № 10. – С. 17.

² **Ломоносов М.В.** Полное собрание сочинений. – Т. 6. – М., 1959. – С. 113.

³ Антология педагогической мысли России XIX – начала XX в. – М., 1990.

⁴ Антология по истории педагогики в России / Сост. Л.В. Овчинников и др. – М., 2000. – С. 38.

⁵ Там же. – С. 13.

⁶ Там же. – С. 14–44.

⁷ См. **Овчинникова Н.П.** Идея патриотизма и Отечества в истории русской педагогики // Педагогика. – 2007. – №1.

⁸ Там же.

⁹ См. Целевая президентская программа «Увековечение памяти защитников Отечества» (2009–2015 гг.). Тирасполь, 2010.

¹⁰ Там же. – С. 47.

¹¹ Там же. – С. 52.

¹² Там же. – С. 51.

¹³ Там же. – С. 47–48.

¹⁴ Там же. – С. 52.

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ИДЕИ: ОТ ТРЕТЬЕГО РИМА ДО ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

С.Г. СУЛЯК

В свое время В.О. Ключевский выделил четыре периода русской истории до падения крепостного права «по наблюдаемым в ней народным передвижениям», перечисляя «господствующие факты, из коих один – политический, другой – экономический», «обозначая при этом ту область равнины, на которой в данный период сосредотачивалась масса русского населения – не все население, а главная масса его, делавшая историю»:

1. Днепровский (VIII–XIII вв.). Русь Днепровская, городовая, торговая. Масса русского населения сосредоточивалась на Среднем и Верхнем Днепре с его притоками. Все это время Русь политически разбита на более или менее обособленные области.

2. Верхневолжский (XIII – середина XV в.). Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая. Главная масса русского населения появляется на Верхней Волге с ее притоками. Эта масса остается раздробленной в политическом плане, но не на области, а на княжеские уделы.

3. Великорусский (половина XV – второе десятилетие XVII в.). Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая. Образуется особая ветвь русского народа – великороссы. Великоросское племя впервые соединяется в одно политическое целое под властью московского государя.

4. Всероссийский (начало XVII – первая половина XIX в.). Период все-русский, императорско-дворянский¹. Русский народ распространяется по всей равнине, от морей Балтийского и Белого до Черного и Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже дальше. Политически почти все части русской народности соединяются под одной властью: к Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю².

Краткое рассмотрение трех последних из вышеперечисленных периодов (до начала XVIII в.) поможет нам понять, почему Москва стала центром образовавшегося государства, превратившегося затем в евразийскую империю. Тот же В.О. Ключевский называет следующие первоначальные условия роста Московского княжества: выгодное географическое положение Москвы и, главное, личность московских князей, которые, начав «свое дело беззастенчивыми хищниками, продолжают его мирными, скопидомными, домовитыми устроителями своего удела»³. По выражению Н.М. Карамзина, Москва «обязана своим величием ханам», а «иго татар обогатило казну великокняжескую»⁴. Схожую оценку московским князьям дает Е.Ф. Шмурло: «изворотливые, без «лишнего» самолюбия, они пускали в ход подкуп, обман, низкопоклонство, умели терпеливо выждать благоприятные минуты», в то же время он отмечает «редкую последовательность их действий»⁵. Оказав помощь татарам в подавлении восстания в Твери, Иван Калита не только устранил конкурента, но и в 1328 г. получил титул великого князя Владимирского, который после этого наследовали московские князья.

Русское духовенство в лице своего представителя, митрополита, содействовало не только усилению Москвы, но и утверждению единовластию. Поэтому, по выражению С.М. Соловьева, «вместе с мечом светским, великокняжеским против удельных князей постоянно был направлен меч духовный»⁶. Еще не став столицей политической, Москва стала столицей церковной. Митрополит Петр (1308–1326), родом галичанин, перенес кафедру митрополии из Киева во Владимир, сделав Москву резиденцией митрополитов Киевских и всея Руси, завещав себя в ней похоронить⁷. Петр стал первым святым Москвы. Его преемник грек Феогност (канонизирован в 1471 г.), ставший митрополитом Киевским и всея Руси в том же году, что и Иван Данилович стал великим князем, тоже остался жить в Москве, поселившись в доме своего предшественника⁸. Это событие придало Москве положение церковного центра, хранильницы русской православной веры, а ее князьям характер «всероссийских князей». И Иван Калита, воспользовавшись этим, провозгласил себя князем «московским и всея Руси»⁹. В грамотах Ивана Калиты впервые встречается название великого князя всея Руси: при переписке с Ливонией и немецкими княжествами Иоанн подписывается царем всея Руси, на подписи грамоты эрцгерцога Филиппа, сына Максимилиана, Иоанн и его сын Василий названы царями Владимира, Москвы и прочее¹⁰.

В период правления Дмитрия Донского наступает резкий перелом в московско-татарских отношениях. Великий князь наносит поражение та-

тарам на реке Воже (1378 г.). Поход Мамаю в 1380 г. был задуман как месть за это поражение. Победа на Куликовом поле сделала московского князя «национальным вождем Северной Руси в борьбе с внешними врагами»¹¹. Подчеркивая большое национальное, моральное и политическое значение победы, Е.Ф. Шмурло указывал, что не надо забывать о его ничтожном практическом значении: через два года нашествие Тохтамыша привело к полному разгрому Москвы. Однако авторитет московского князя стал настолько велик, что Дмитрий Донской завещал Великое княжество Владимирское своему сыну, назвав его отчиной, зная, что никто из немосковских князей это не оспорит. Не возразила против этого и Орда¹².

Как считал Л.Н. Гумилев, после Куликова поля можно говорить о рождении новой этнической общности: суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться как представители своих княжеств, а вернулись оттуда русскими (*точнее, великороссами – С.С.*)¹³.

Потомки Дмитрия Донского продолжили «собирать» русские земли. К тому времени геополитическая ситуация в Восточной Европе изменилась. Со второй половины XIII в. **набирает силу Литовское княжество**. Постепенно Миндовг и Гедемин подчиняют себе земли Юго-Западной Руси, население и князя которой стремились таким образом избавиться от татарского гнета. Таким образом, Литва становится русско-литовским государством, 9/10 которого составляли русские земли. Гедемин и его сыновья были женаты на русских княжнах, некоторые приняли православие, в официальном производстве господствовал русский язык, а правитель носил титул великого князя литовского и русского. В 1363 г. Ольгерд Гедеминич одержал победу над тремя татарскими князьями на берегах реки Синие Воды (Синюхи) в Подолии, распространив свою власть на правый берег Днестра и до Черного моря. Ослабление Золотой Орды позволило господарям волошско-русского Молдавского княжества (дата основания 1359 г.), где русское население (русины) составляло 40% населения в середине XIV в., **распространить свою власть «от планины (горные пастбища в Карпатах) до моря»**, о чем свидетельствует грамота господаря Романа I¹⁴.

В середине XIV в. **великий князь литовский и русский Ольгерд** стал претендовать на все русские земли. Между двумя русскими государствами начинается борьба за гегемонию над Русским миром, большое значение приобретает соперничество за влияние на Русскую Православную Церковь. В 1385 г. великий князь литовский и русский Ягайло принял католичество и стал королем польским с именем Владислав, подписал унию в Криве (1385 г.). Это положило начало последующей инкорпорации Великого княжества Литовского и Русского в Польское королевство. К середине XV в. Золотая

Орда фактически распалась на ряд самостоятельных ханств – Большая орда (1481 г.), Казанское (1438 г.), Крымское (1441 г.), Астраханское (1460 г.), Сибирское ханство (1495 г.), Ногайская орда (1440 г.); ее центральная часть – Большая Орда – прекратила существование в начале XVI в.

Рим, пользуясь бедственным положением Византии, в 1439 г. на Флорентийском соборе соединяет церкви. Митрополит Киевский и всея Руси Исидор подписывает во Флоренции акт соединения. В Москве идея унии с католиками была отвергнута: «здесь решили остаться при древнем благочестии – одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбы народов» (С.М. Соловьев). Этот шаг, по мнению С.М. Соловьева, определил дальнейшие судьбы Восточной Европы: «верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность Северо-Восточной Руси в 1612 г., сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великою, обусловила падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова»¹⁵. Флорентийская уния положила начало долгому разделению русской церкви: папа утвердил в 1458 г. митрополитом Московским и всея Руси ученика Исидора – Григория Болгарина. Попытки московского князя Василия Васильевича и митрополита Иона решить вопрос о сохранении единства русской церкви дипломатическим путем не удались. Русская церковь разделилась на Восточнорусскую, или Московскую (перво-святитель ее стал называться митрополитом всея Руси) и Западнорусскую, или Литовскую (митрополит Киевский и всея Руси)¹⁶. В 1469 г. Григорий направляет своего посла в Константинополь, прося «благословения и подтверждения» от Константинопольского патриарха. Патриарх утвердил Григория. Таким образом, Григорий отрекся от унии и присоединился к православной церкви¹⁷.

В царствование Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533) была установлена власть над всей Великороссией. После 1480 г. (великое стояние на Угре) Москва перестала платить дань Орде. После взятия Константинополя турками в 1453 г. Москва остается единственным в мире независимым православным государством. Московский государь становится политическим и церковным преемником византийских императоров.

После того как спало с Москвы татарское иго Иван IV (1533–1584) в некоторых документах именуется царем всея Руси¹⁸. Этот термин – сокращенная южнославянская и русская форма латинского слова *цесарь*. Титул царя при Иване III иногда, при Иване IV обыкновенно соединялся со

сходным по значению титулом самодержца – это славянский перевод византийского императорского титула **αυτοκράτωρ**. Оба термина в то время обозначали независимого властителя, никому не платящего дани. Царями на Руси до половины XV в. звали византийских императоров и ханов Золотой Орды, наиболее известных ей независимых властителей, и Иван III мог принять этот титул, только перестав быть данником хана. Свержение ига устраняло политическое препятствие, а брак в 1472 г. с последней византийской принцессой Софьей Палеолог давал на то историческое оправдание. Иван III мог теперь считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем. Иван стал писаться в церковной книжной форме: «Иоанн, божиею милостью государь всея Руси». К этому титулу как историческое его оправдание привешивается длинный ряд географических эпитетов, обозначавших новые пределы Московского государства: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных», т. е. земель. Московским государем как приемником византийских императоров с конца XV в. в печатях используется византийский герб – двуглавый орел¹⁹.

На протяжении своего правления Иван III осознавал свои права и величие своего царства. Когда в 1489 г. посланец немецкого императора предложил Ивану королевскую корону, последний ответил: «Мы подлинные властители в нашей земле, от наших предков, и мы помазаны Богом – наши предки и мы... И мы никогда не искали подтверждения тому у кого-либо, и теперь не желаем такового»²⁰.

Главной целью Ивана III во внутренней политике было распространение великокняжеской власти на всю Великороссию, а в конечном итоге на всю Русь. В сферу его политической деятельности, таким образом, вовлекалось не только Великое княжество Московское, но также и многие другие части Руси. Его цели можно охарактеризовать как национально русские, а не специфически московские. Старая формулировка в титуле московских великих князей, «всея Руси», теперь приобретала дополнительное значение. В результате этих событий к концу правления Ивана III лишь часть Рязанского княжества и город Псков оставались в Великороссии самостоятельными государствами. Но они уже не представляли никакой угрозы Москве²¹.

При Иване III политика московских князей из удельной, по выражению С.Ф. Платонова, превратилась в национальную. Вместе с объединением Северо-Восточной Руси «совершалось превращение московского удельного князя в государя-самодержца всей Руси»²². Таким образом, было

заложено основание для трансформации Московского царства в империю. Именно в правление Ивана III получила начало политика объединения Западной и Восточной Руси²³.

После падения татарского ига перед русским государством стало три задачи (по Е.Ф. Шмурло): продвижение к Балтии (культурный вопрос), польский (национальный) вопрос, территориальный вопрос (борьба с «Азией»):

а) продвижение к Балтийскому морю: борьба со шведами и поляками за обладание его восточным побережьем (1558–1809);

б) воссоединение русской народности под одним скипетром — длинная и мучительная по содержанию глава русской истории под названием «Зарубежная Русь: литовско-польские войны (1561–1795)»;

в) выяснение границ с целью прочно отмежеваться от мусульманского Востока и полудикой азиатчины — новая глава русской истории, полная драматизма и внутренних противоречий: отбрасывая Азию к Востоку, мы сами вынуждены были продвигаться вслед за ней и озаменовали свое продвижение внедрением русской культуры в эту азиатчину. Последовательные этапы этого продвижения: Нижнее Поволжье, Заволжье, Сибирь, Северный Кавказ, Крым, Закавказье, Средняя Азия, Туркменский край, Маньчжурия, Порт-Артур (1469–1905)²⁴.

Основными проблемами внешней политики, по Г.В. Вернадскому, были отношения с Крымом, Польшей и странами Балтии. Причем все эти проблемы были взаимосвязаны. Подъем Москвы угрожал интересам Крыма и Польши, Крым представлял для Польши меньшую угрозу, чем для Москвы, как и Польша для Крыма. Попытки заключить союз с Польшей против Крыма были неудачны, так как поляки понимали, что, разделившись с Крымом, Москва займется польским вопросом. В течение XVII в. союза с татарами стала искать Швеция. Карл XII повлиял на русско-турецкие отношения, инициировав войну с Турцией 1711 г. Это произошло в ходе Северной войны²⁵.

В этой обстановке, в борьбе с постоянными татарскими набегами и конфликтами с Польшей–Литвой кристаллизовалась идея святого Христианского православного царства. Монах Псковского Елеazarова монастыря Филофей в послании псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину (первая половина XVI в.) определил ее как «Москва – “Третий Рим”». Когда первый Рим отклонился от ортодоксии, центром православия стал Константинополь («Второй Рим»), когда он предал православие на Флорентийском соборе, он был наказан турецким завоеванием. Теперь «Третьим Римом» стала Москва. Московский царь –

единственный оставшийся православный правитель мира. Он обязан защищать последнее прибежище православной церкви и превратить Русь в подлинно православное царство²⁶. Известно еще несколько произведений, которые связывают с именем Филофея, в том числе послания, адресованные Василию III и Ивану IV. Они тематически и текстуально близки посланиям Мунехину. В утверждении Московии как нового православного царства «сквозит пронзительный и геополитический реализм», считал А. Панарин: «если Русь как православное царство рухнет, его эстафету передать некому, вся ойкумена уже занята другими, неправославными государствами, и других носителей большой православной идеи в мире просто нет»²⁷. Н.В. Синицина тоже придерживалась мнения, что «Третий Рим» имеет чисто религиозное осмысление: ««Третий Рим» – это не только Москва и даже не Москва, но Российское государство с центром в Москве, русская православная церковь и ее главная кафедра – кремлевский Успенский собор». Она подчеркивала при этом, что «тогда никому не приходило в голову воспринимать эту формулу в политическом аспекте, как план завоевания Константинополя»²⁸. Этой же точки зрения придерживалась и Н.А. Нарочницкая, приводя трактовку Н. Каптерева: ветхий Рим пал за утерю веры, новый Рим – тоже за утерю благочестия и союз с латинянами, за что наказан был порабощением со стороны «агарян». «Если русские люди не уберегут переданного им Божественным помыслом на сохранение православия, то Третий Рим – Москва – тоже падет. Но последствия этого будут совсем губительны, так как у ветхого Рима был наследник – новый Рим – Константинополь, у того преемником стала Москва, она же не будет иметь наследников, так как четвертому Риму не быть. Если погибнет Москва как носитель православной веры, то погибнет православие в мире и русские люди будут неизменно виноваты в этой гибели»²⁹.

В 1557 г. Иван IV обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой благословить его на царство и поминать его на литургии. Вселенский патриарх Иоасаф утвердил его на царство. Имя Иоанна стало упоминаться с именами прежних византийских императоров, т. е. православные иерархи признали его преемником. Таким образом, Иоанн стал первым русским самодержцем – византийским царем – на московском престоле. Иоанн Грозный во многих отношениях был предшественником Петра. Он начинает войну с Ливонским орденом за обладание Балтийским морем, хорошо осознавая, что без моря Россия не станет сильным государством³⁰. Иван Грозный считал все отнятое от Литвы «нашей вотчиной», «вся русская земля – Киев и Смоленск и иные города – от наших прародителей – наша вотчина»³¹.

Иван IV был первым из московских государей, который почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника божия. «Это было для него политическим откровением, и с той поры его царственное я сделалось для него предметом набожного поклонения. Тонем вдохновенного свыше и вместе с обычной тонкой иронией писал он во время переговоров о мире врагу своему Стефану Баторию, коля ему глаза его избирательной властью: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по божию изволению, а не по многомятежному человеческому хотению» (В.О. Ключевский)³². При Иване Грозном происходит покорение Казани (1552 г.), Астрахани (1556 г.), начало покорения Сибири (1582 г.) и начало Ливонской войны за выход к Балтике (1558 г.).

В годы правления Ивана Грозного писатель-публицист, дворянин, выходец из Великого княжества Литовского и Русского Иван Пересветов в своих произведениях («Сказание о царе турецком Магмете како хоте сожещи книги греческие», «Сказание о Петре Волосском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси», «Епистоле к Иоанну IV») изложил программу сильной самодержавной власти, выступив за уничтожение холопства, воеводских кормлений и местничества. До своего обоснования в Москве (1538 г.) служил венгерскому и чешскому королям, а в 30-х гг. XVI в. он в течение 5 месяцев находился в Сучаве при дворе молдавского господаря Петра Рареша. Ряд своих мыслей он вложил в уста Рареша, который якобы высказал их во время своего пребывания в Молдавии. Для него Петр Рареш – образец энергичного и волевого монарха, строгого к боярам, поборника сильной центральной власти, опирающейся на постоянную армию служилых людей. Пересветов ставил Рареша в пример Ивану IV и проводил мысль о целесообразности проведения такой политики на Руси. В конце 1549 г. Пересветов передал свои сочинения («две книжки») Ивану IV. Взгляды Пересветова оказали большое влияние на Ивана Васильевича³³.

В годы правления Федора Ивановича стараниями Бориса Годунова архиеереи Восточной Руси в 1589 г. избрали Иова, митрополита Московского и всея Руси, патриархом. Поставление Иова в патриархи прошло в Успенском соборе г. Москвы в присутствии царя и вселенского патриарха Иеремии³⁴.

Со смертью царя Федора в 1598 г. прекращается династия Рюриковичей и начинается Смутное время (1598–1613). В это время сменился ряд правителей: царь Борис Годунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский, Лжедмитрий II. В 1610 г. бояре пытаются избрать Владислава, сына польского короля Сигизмунда, который и сам был не прочь стать царем. Однако пат-

риарх Гермоген настаивал, чтобы Владислав принял православие, и поэтому избрание не состоялось.

В 1569 г., в результате Люблинской унии Польша и Литва объединились в одно государство – Речь Посполитую. В 1596 г. состоялась Брестская уния, в результате которой часть иерархов западнорусской православной церкви признала главенство папы.

В 1613 г. Земский собор избрал царем Михаила Федоровича Романова. Его титул был признан многими дворами, в 1634 г. и польским королем при заключении Поляновского договора. Тем самым Владислав отказывался от прав на московский престол³⁵.

При Алексее Михайловиче в 1654 г. происходит присоединение Малороссии. В 1655 г. царский титул Алексея Михайловича внесли: «всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец».

В правление Алексея Михайловича впервые прозвучала идея освобождения Константинополя и православных народов от турок. После заключения Зборовского мира с поляками в 1649 г. Богдан Хмельницкий сказал московскому послу Неронову: «Если ляхи со мною договорные статьи на сейме совершат, то, сложась с крымским царем, с волохами, сербами и молдаванами, хочу промышлять над турецким царем». Инициатором осуществления этого геополитического проекта выступил Иерусалимский патриарх Паисий, благодаря которому этот план был положительно встречен в правящих кругах Валахии и Молдавии. Паисий, будучи проездом из Москвы, которую он тоже хотел привлечь к союзу против турок, встречался с Хмельницким и прожил довольно значительное время в Молдавии. Здесь ему удалось склонить господарей молдавского Василия Лупу и валашского Матвея Басараба к вступлению в тесные отношения с Хмельницким и Москвой. Паисий убеждал московского царя начать войну с турками, обещая помощь со стороны сербов и греков, ставя целью освобождение Царьграда³⁶.

В 1685 г. в папской грамоте был признан царский титул московских государей Ивана и Петра: к ним папа обратился как к «великим государям царям и великим князям всея Великие и Малыя и Белые России и великих государств восточных и западных и северных отчичем и дедичем и наследником и самодержцем, государем и обладателем»³⁷. Таким образом, царский титул был признан и римским двором, который единственный ко времени правления Петра не признавал этот титул³⁸. В 1686 г. прекращается более чем двухсотлетнее разделение Русской церкви: Киевская митрополия переходит в подчинение Московскому патриархату.

Петр I продолжил дело своих предшественников. Однако, в отличие от них, он действует в коалиции (союзе) с другими государствами. В 1700 г.

начинается Северная война. Ее начало было неудачным для русских войск. Однако в 1709 г. битва под Полтавой и последовавшая за ней капитуляция шведов означали решительный перелом в войне. Заключенный позднее мир положил конец Шведской империи и одновременно возвестил о рождении в Европе новой великой державы. По выражению шведского историка Энглунда Петера, «шведы покинули подмости мировой истории и заняли места в зрительном зале»³⁹.

В октябре 1721 г. после заключения Ништадтского мирного договора, зафиксировавшего победу России над Швецией, члены российского Сената провозгласили Петра императором («Отец отечества, император могущественный»).

При Петре I Россия только достигла берегов Балтики, но западные территории, за которые Россия воевала несколько столетий с Польшей, оставались за границами империи, не удалось захватить берега Черного моря. Эти важные вопросы были решены лишь в царствование Екатерины II. До этого статус России как империи оставался нестабильным⁴⁰. Именно в годы правления Екатерины II были решены два внешнеполитических вопроса (по В.О. Ключевскому), оставшиеся нерешенными после Ништадтского мира: национальный (западнорусский, т. е. завершение, в основном, объединения русских земель) и территориальный (восточный, т. е. продвижение южной границы государства до Черного моря и Кавказского хребта)⁴¹. В годы правления Екатерины II впервые был поднят вопрос о воссоздании Византийской империи. Родившегося в 1779 г. второго внука Екатерины для продолжения византийских традиций назвали Константином.

Однако все русские земли так и не были объединены. Вопрос о присоединении Карпатской Руси (Галичины, Буковины и Угорской (Подкарпатской) Руси) официально не поднимался до Первой мировой войны.

---

¹ Наиболее полное, на мой взгляд, определение империи дал А.Г. Дугин: «Империя представляет собой такое политико-территориальное устройство, которое сочетает жесткий стратегический централизм (единая вертикаль власти, централизованная модель управления вооруженными силами, наличие общего для всех гражданского правового кодекса, единая система сбора налогов, единая система коммуникаций и т. д.) с широкой автономией региональных социально-политических образований, входящих в ее состав (наличие элементов этноконфессионального права на локальном уровне, многонациональный состав, широко развитая система местного самоуправления, возможность сосуществования различных локальных моделей власти – от племенной демократии до централизованных княжеств или даже королевств). Империя всегда

претендует на вселенский масштаб, осознавая свое политическое устройство как ядро или синоним мировой империи. «Все дороги ведут в Рим». Все империи мыслят себя как мировые империи. Империя наделена миссией. Она воспринимается как политическое воплощение исторической судьбы человечества. Миссия может осознаваться в различных формах: религиозных (Византия, Австро-Венгрия, исламский халифат, Московское царство), гражданских (Древний Рим, империя Чингисхана), цивилизационных (Китайская империя, Иранская империя) или идеологических (коммунистическая империя СССР, либеральная империя США)». // **Дугин А.Г.** Проект «Империя» // Политика. № 34 (589) от 15.09.2008 г. // <http://www.profile.ru/items/?item=27000>

² **Ключевский В.О.** Сочинения. – Т. I, ч. 1. – М., 1956. – С. 32–34.

³ **Ключевский В.О.** Сочинения. – Т. II, ч. 2. – М., 1957. – С. 10–14.

⁴ **Карамзин Н.М.** История государства Российского. – Т. V. – М., 1993. – С. 206, 208.

⁵ **Шмурло Е.Ф.** Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства. – СПб, 2000. – С. 206.

⁶ **Соловьев С.М.** Сочинения. Кн. II. История России с древнейших времен. – Т. III–IV. – М., 1988. – С. 403.

⁷ Московский патерик. Древнейшие святые Московской земли. – М., 2003. – С. 109. В «Житие Святого Петра, митрополита Киевского и всея Руси» подчеркивается, что Петр «дал благой совет князю (*Иоанну I Даниловичу Калите*), чтобы построил тот церковь каменную во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, предсказывая вот что: «Если меня, сын послушаешь, и храм Пресвятой Богородицы воздвигнешь в своем городе, то и сам прославишься более других князей, и сыновья, и внуки твои, и их потомки. И город этот славен будет среди городов русских, и святители станут жить в нем, и «руки его будут на плечах враг его», и Бог прославится в нем. И мои кости в нем положены будут». Святой Петр родился к северу от г. Львова. Служил игуменом в Ратском (Рата – правый приток Западного Буга) Спасо-Преображенском монастыре, одном из первых монастырей, основанных в Юго-Западной Руси после татаро-монгольского нашествия. Был канонизирован Русской Церковью в 1327 г. и прославлен всецерковно в 1339 г.

⁸ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 3. История русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). – Т. IV. – М., 1995. – С. 26.

⁹ **Шмурло Е.Ф.** Указ соч. – С. 208.

¹⁰ **Ключевский В.О.** Сочинения. – Т. II, ч. 2. – С. 23.

¹¹ **Шмурло Е.Ф.** Указ соч. – С. 198–199.

¹² **Гумилев Л.Н.** От Руси к России. Очерки этнической истории. – СПб., 2002. – С. 170. Однако не надо забывать о вкладе в победу населения Западной Руси. На помощь Дмитрию Донскому пришли «со всеми своими силами» два брата Ягайло, князья Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский. Об этом Дмитрий Иванович сообщил митрополиту Киприану: «яко Ольгердовичи приидоша ко мне со многими силами, а брата своего Ягаила оставиша». В летописи также упоминается «некто же воевода приеде с литовскими князи, имянем Дмитрей Бобров, родом земли Вольнския, нарочит бе

воевода и полководец и изряден во всем по ряду, сих вельми по достоянию уставил полки, елико комуждо подобает где стояти» (ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. – М., 1959. – С. 135–137). Дмитрий Боброк был сыном обрусевшего литовского князя Кориата (Корьята, Корята) – Михаила Гедиминовича (?– ок.1362). Его сыновья Юрий (?–1400), Александр (?–1380), Константин (?–1389/90) и Федор (?–1416) были князьями подольскими. Юрий стал молдавским господарем (1399–1400). Князь Дмитрий Боброк-Волынский (?–1389) перешел на службу к великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу Донскому. Атака его запасного полка решила исход Куликовской битвы. Как отмечает Д.И. Иловайский, в конце своей духовной грамоты Дмитрий Донской указывает 10 боярских имен, кому он поручал великое княжество и своего наследника. «На первом месте видим Димитрия Михайловича Боброк-Волынского, зятя и главного воеводу великокняжеского, славного походами на Рязань, Казань, Литву и особенно отличившегося на Куликовом поле». (Иловайский Д.И. Собиратели Руси. – М., С. 167–168). Скрынников Р.Г. отмечает, что Ягайло, союзник Мамаю, опоздал на битву из-за непопулярности своего союза с ордой среди русского населения Юго-Западной Руси, что привело к затягиванию сбора его войск (Скрынников Р.Г. Святители и власти. – Л., 1909. – С. 74.).

¹³ Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. – Кишинев, 2004. – С. 56, 74.

¹⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. – С. 641.

¹⁵ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 5. Период разделения русской церкви на две митрополии. – Т. IX. – М., 1996. – С. 28–32.

¹⁶ Там же. – С. 39.

¹⁷ По мнению Н.Д. Русева, после падения Константинополя миссию защитника православия пытался взять на себя молдавский господарь Стефан Великий (1457–1504). Он стал активно развивать культ св. Георгия и именоваться «царем». В 1472 г. Стефан женится на дочери мангупского князя Марии, находящейся в родстве с домом Палеологов. После 1484 г., когда турки захватили молдавские порты Белгород и Килия, он вынужден был отказаться от своих намерений. Не позднее марта 1486 г. Стефан Великий предложил Ивану Васильевичу заключить союз против османов, поскольку видел в нем «супостата крепкаго противу поганьства». Показательно и то, что молдавский господарь признал старшинство великого московского князя, именуя Ивана Васильевича «господин мой», «государь великий», «ваша милость» (Русев Н.Д. Русский мир и русская державность / Международный исторический журнал «Русин». – Кишинев, 2009. – № 1 (15). – С. 149–150.).

¹⁸ Ключевский В.О. Сочинения. – Т. II, ч. 2. – С. 122–124.

¹⁹ Вернадский Г.В. История России. Россия в средние века. – М., 2001. – С. 21.

²⁰ Там же. – С. 107–112.

²¹ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 2002. – С. 165–166.

²² Вернадский Г.В. История России. Московское царство. – Ч. 1. – С. 20.

²³ Шмурло Е.Ф. Курс Русской истории. Русь и Литва. – СПб., 2000. – С. 9.

²⁴ Вернадский Г.В. История России. Московское царство. – Ч. 1. – С. 20–21.

²⁵ Там же. – С. 22.

²⁶ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2003. – С. 242.

²⁷ Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). – М., 1998. – С. 243.

²⁸ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2005. – С. 122.

²⁹ Безобразов П. Византийский царь на московском престоле // Исторический вестник. Т. XXXVI. – Май. – 1889. – С. 306, 320.

³⁰ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – Ч. 3. Национализм и общественное мнение. – Вып. 1. – СПб, 1901. – С. 36.

³¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. II, ч. 2. – С. 196.

³² Подробнее о взглядах И. Пересветова см.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. – М., 1958. – С. 339–405; а также: Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А.А. Зимин. – М., 1956.

³³ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 6. Период самостоятельности Русской церкви (1589–1881). Патриаршество в России (1589–1720). – Т. X. – М., 1996. – С. 35–40.

³⁴ Савва В. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей. – Харьков, 1901. – С. 385–386.

³⁵ До избрания Иерусалимским патриархом Паисий был архимандритом Успенского монастыря в Молдавии. До 1648 г. он дважды побывал в Москве по поручению Иерусалимского патриарха Феофана. После смерти Феофана был избран Иерусалимским патриархом (Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. – Т. II. 1648–1651 гг. – М., 1954. – С. 499). В декабре 1648 г. Богдан Хмельницкий в Киеве обсуждал ряд вопросов с Паисием. В Киеве Паисий дал Хмельницкому титул светлейшего князя. Встреча с Паисием оказала большое влияние на Хмельницкого: он понял, что является защитником не только казачества, но и всего малороссийского народа и должен использовать свой успех в интересах всего православия. Сам Хмельницкий называл патриарха Паисия отцом своим духовным (Макарий Булгаков, митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. – С. 27, 440–441, 34). Хмельницкий просит Паисия вести переговоры с московским правительством о присоединении Малороссии в феврале-марте 1649 г. В Москву Паисия сопровождал полковник Селуян Мужиловский (Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. – Т. II. 1648–1651 гг. – С. 500). В 1654 г. молдавский господарь Георгий Стефан обращается с просьбой о принятии Молдавии в русское подданство. 7 июля 1656 г. по государеву указу патриарх Московский и всея Великия, Малыя и Белья Руси Никон привел в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы к присяге Сучавского митрополита Гедсона. 21 июля в этой же церкви тверской архиепископ Лаврентий и соборный про-

топоп Михайло привели к присяге логофета Григория и всех остальных членов посольства. Сближение с Россией явилось курсом высшего духовенства и значительной части политической элиты Молдавского княжества. Колебания внешнеполитического курса были следствием борьбы прорусски настроенной элиты со сторонниками турецкой, польской и венгерской ориентации. Большое количество носителей славянских имен и фамилий среди представителей Молдавского княжества, упоминаемых при описании русско-молдавских контактов, дает основание утверждать, что политическая элита русинского происхождения активно выступала за союз Молдавии с Богданом Хмельницким и Москвой. В марте 1658 г. Порта, узнав о тайных сношениях молдавского господаря с Москвой, сместила его. Несмотря на незавершенность переговоров в 1656 г., сам факт их проведения способствовал развитию русско-молдавских связей. Впоследствии договор Дмитрия Кантемира с Петром I, подписанный царем 13 апреля 1711 г. в Луцке, повторял в основном пункты соглашения 1656 г. Впоследствии, в результате многочисленных русско-турецких войн (1735–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829, 1877–1878 гг.), Россия частично реализовала план Богдана Хмельницкого и Иерусалимского патриарха Паисия, оказав помощь православным странам в освобождении от турецкого ига. Активное участие в этих войнах в рядах русской армии принимали жители Молдавского княжества. Подробнее: Суляк С.Г. Миссия митрополита Гедеоны: неосуществленный геополитический проект // Международный исторический журнал «Русин». – 2006. – № 2 (4). – С. 19–29.

³⁶ Савва В. Московские цари и византийские василевсы. – С. 398.

³⁷ Там же. – С. 400.

³⁸ Энглунд Петер. Полтава: Рассказ о гибели одной армии // http://militera.lib.ru/h/englund_p/29.html

³⁹ Карпович М.М. Имперская Россия (1801–1917) // Вернадский Г.В. История России. Московское царство. – Ч. 2. – М., 2001. – С. 292.

⁴⁰ Ключевский В.О. Сочинения. – Т. V, ч. 5. – М., 1958. – С. 39–40.

⁴¹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – СПб, 2000. – С. 259.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА I И ДМИТРИЯ КАНТЕМИРА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Ю.Н. САВЕЛЬЕВ

Страна, у которой нет своих героев и героических страниц, обречена на исчезновение. Ее героями станут чужие деятели. Эту «простую» истину в свое время понял И. Сталин, когда вернул в школьные учебники имена прославленных русских полководцев, государственных деятелей и деятелей культуры. В 1990-е гг. мы видели, как российские либералы пытались предать забвению советскую эпоху и вымарать дегтем славные имена. Сегодня процесс возрождения русской истории еще не завершен, но позитивная динамика налицо.

Подобные проблемы стоят и перед другими государствами, в том числе и перед Республикой Молдова. Есть ли у Молдавского государства, с его более чем шестивековой историей свои герои? Конечно, есть! И в ряду этих выдающихся личностей стоит Дмитрий Кантемир, один из образованнейших людей своей эпохи, сподвижник Петра I и **господарь Молдавского княжества** в 1710–1711 гг. Какое же отражение нашла деятельность этой личности на страницах молдавских школьных учебников?

Картина, которая предстанет перед нами, будет достаточно пестрой. В начале и в середине 1990-х гг. оригинальных молдавских учебников практически не было. Поэтому начали с того, что стали переводить для русской школы румынские учебники, в молдавских школах просто использовали румынские. Например, в 1993 г. был переведен учебник «История румын. Античность и средневековье» для **VIII класса, в котором** очень коротко говорилось, что Кантемир ориентировался на Россию, заключил Луцкий договор, но Россия у Станилешт потерпела поражение, и Дмитрий Кантемир, эмигрировав в Россию, отсюда «поддерживал идею независимости княжеств и антиосманскую борьбу»¹. Такова трактовка

румынских профессоров Адриана Дайковичу, Помпилиу Теодора и Иоана Кымпяну.

Тогда же в 1990-х гг. выходит компиляционный труд молдавских историков И. Ожога и И. Шарова «История румын. Краткий курс лекций»², на многие годы ставший пособием и для школ, и для непрофильных вузов. Надо сказать, что уже в этой работе наметилось некоторое противопоставление двух личностей: Константина Брынковяну, господаря Валахии в тот период, и Дмитрия Кантемира. Но акценты пока были не расставлены, давалось сухое, но достаточно адекватное изложение событий: Порта объявляет войну России, Луцкий договор, русские войска перешли Днестр, Станилешты, три дня упорных боев, перемирие и русские войска «при знаменах и оружии» покидают Молдавию.

В конце 1990-х гг. европейские структуры начали финансировать написание и издание в Молдове учебников истории. Для VII класса были изданы два учебника: первый – в 2002 г., «Всеобщая история. История румын – новое время», Часть I. Авторы: Демир Драгнев, Константин Драхенберг и Игорь Ожог, которые в курсе всеобщей истории уделили несколько строчек Петру I: **реформы, основал Санкт-Петербург, победа в Северной войне обеспечила выход к Балтийскому морю, «но его совместный с молдавским господарем поход против Турции закончился неудачно»**³. В разделе «История румын» чуть подробнее сказано о Луцком договоре, русское войско было окружено и разбито; Дмитрий Кантемир отступает в Россию, где развернул... и далее по тексту румынских профессоров, а завершается этот отрывок героической смертью К. Брынковяну и четырех⁴ его сыновей (что отражено на соответствующей иллюстрации). Второй учебник 2006 г. «История. Учебник для VII класса» (авторы Евгений Черган, Ион Моисеев, Мария Веверица) констатировал: у Станилешт россияне и молдаване окружены и побеждены, Дмитрий Кантемир бежал в Россию⁵.

Для лицейских классов, а также для неисторических факультетов в вузах издан в 2003 г. учебник «История румын (с древнейших времен до наших дней). Авторы: Демир Драгнев, Емил Драгнев, Владимир Мискевка, Ион Варта, Ион Шишкану, которые, фактически, противопоставили «выдающегося дипломата», «государственного деятеля», героически погибшего вместе с четырьмя сыновьями за православную веру и канонизированного в 1992 г. Румынской православной церковью как великомученика Константина Брынковяну, который «верно оценил международную ситуацию своего времени»⁶, Дмитрию Кантемиру, «сориентировавшемуся на Россию». По поводу Луцкого договора авторы отметили, что «российские власти и не думали соблюдать в будущем принятые на себя обяза-

тельства, как это произошло в отношении Украины, «воссоединенной» с Россией в 1654 г.».

«Российский военный поход в Молдову в 1711 г. закончился крахом. Армия Петра была разбита...»⁷, Дмитрий Кантемир уходит в Россию и далее «дежа вю». Таким образом, мы видим, что авторы, умалчивая о положительном значении Луцкого договора, о выгодности его для Молдовы, подчеркивают только агрессивные планы российского правительства. Ничего не говорится о широкой поддержке населения, активно вступавшего в ополчение, о чем, в частности, повествует молдавский летописец и очевидец тех событий – Ион Некулче. Ни слова о том, что Константин Брынковяну не только сам не выступил на стороне России, хотя и имел с ней договоренности, но и не пропустил сербов и черногорцев через свою территорию.

Своеобразна у молдавских авторов и трактовка сражения у Станилешт: русская армия «окружена и разгромлена». Ни слова о трехдневном упорном сражении, о потерях в турецком войске и об условиях выхода русской армии «с оружием и знаменами».

Если кто-то скажет, что это мелочь, не соглашусь. Не надо забывать, что первые впечатления самые яркие, накладывающие отпечаток на последующее восприятие того или иного деятеля, события, явления. Кто-то скажет, что есть «История Республики Молдова (с древнейших времен до наших дней)» 2002 г., изданная Ассоциацией ученых Молдовы им. Н. Спэтарул-Милеску, ее авторы: В.Е. Андрущак, П.А. Бойко, П.П. Бырня, И.И. Жаркуцкий, В.П. Платон, Н.Д. Русев, А.Ю. Скворцова, К.В. Стратиевский, Н.П. Тельнов, В.И. Царанов, Н.А. Чаплыгина, П.М. Шорников⁸, где изложена достаточно взвешенная и адекватная позиция, но эта книга не является обязательным учебником, и если она и есть в школах, то может использоваться только в том случае, если сочтет нужным конкретный преподаватель.

Можно упомянуть еще и работу Василия Стати «История Молдовы», который отметил, что «безудержное расширение России отвечало освободительным стремлениям христианских народов: болгар, хорватов (католиков), валахов (мунтян), сербов, молдаван»⁹.

Однако деятели Культурного общества «Онисифор и Октавиан Гибу» в своем опусе «История Бессарабии (от истоков до 1998 г.)» заявили, что обвинения в адрес К. Брынковяну беспочвенны, так как «уже доказано отсутствие мнимого мунтяно-русского союзнического договора»¹⁰. Вот так, господа! Уже все доказано... В свете нынешних политических перемен в Республике Молдова (приход к власти ориентированных на Румынию ли-

бералов) следует ожидать новых «доказательств», среди которых Дмитрий Кантемир со своей ориентацией на Россию будет только одной из жертв того, что мы называем фальсификацией истории.

---

¹ Дайковичу Х., Помпилиу Т., Кымпяну И. История румын. Античность и средневековье: Учебник для VII класса. – Кишинев, 1993. – С. 149–150.

² История румын. Краткий курс лекций / И.А. Ожог, И.М. Шаров. – Кишинев, 1997. – С. 99–100.

³ Всеобщая история. История румын – новое время. – Ч. I. – Кишинев, 2002. – С. 32.

⁴ Там же. – С. 117.

⁵ История. Учебник для 7 класса. – Кишинев, 2006. – С. 69–70.

⁶ История румын (с древнейших времен до наших дней). Кишинев, 2003. – С. 100.

⁷ Там же. – С. 101.

⁸ История Республики Молдова (с древнейших времен до наших дней) / Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Спэтарул-Милеску. – Кишинев, 2002. – С. 69.

⁹ В.Стати. История Молдовы. — Кишинев, 2003. – С. 190.

¹⁰ История Бессарабии (от истоков до 1998 г.). – Кишинев, 2001. – С. 23–24.

ТЕМА ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ В ИСТОРИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ

Н.В. ДЫМЧЕНКО

Решающее сражение Северной войны послужило источником вдохновения для многих мастеров искусства и нашло отражение в живописи, скульптуре, архитектуре. Следует отметить такие шедевры живописи, как полотно П.-Д. Мартена-младшего «Полтавский бой», мозаика М. Ломоносова «Полтавская баталия», картины художников Ж. Натье «Битва под Полтавой», И.Г. Таннауера и А. Каравака с одноименным названием «Петр I в Полтавской битве», аллегорическое изображение неизвестного художника конца XVIII в. «Петр Первый на коне», иллюстрации К.Н. Рудакова к поэме А.С. Пушкина «Полтава» и др.

На старинной гравюре знаменитый мастер Алексей Зубов изобразил, как Москва встречала русских воинов-победителей Полтавской битвы. Колонны парадно шествующих войск, во главе которых сам Петр, встречает духовенство, а рядом – триумфальная арка, построенная специально по случаю славной виктории. Этот день победы – 27 июня 1709 г. – при Петре отмечали ежегодно и с особой пышностью, но после его смерти традиция была забыта.

Полтавская виктория нашла свое отражение в другом жанре изобразительного искусства – скульптуре. Она представлена бронзовым бюстом Перта I, выполненным выдающимся скульптором Бартоломео Растрелли (ГЭ, 1729 г.), цилиндрическим медночеканным барельефом «Полтавский бой» (ГЭ, 1720-е гг.), скульптурной композицией «Петр I – победитель шведов» (ГЭ, XVIII в.), бюстом шведского короля Карла XII, выполненным Жаком-Филиппом Бушардоном (гипсовая копия находится в Государственном музее-заповеднике «Усадьба Кусково XVIII в.»).

Впечатляющая победа в Полтавской битве была увековечена также в памятниках и архитектурных сооружениях. Среди памятников архитекту-

ры на месте сражения следует отметить Памятный знак у места переправы русских войск через реку Ворскла. 19–20 июня 1709 г. (по старому стилю) российские войска переправились на правый берег реки Ворскла, чтобы дать генеральное сражение армии шведов под Полтавой. В 1909 г. на месте переправы российской армии был установлен бетонный обелиск, который в 1959 г. заменен на гранитный памятник. Памятник «Белая беседка» был сооружен к 200-летию битвы в 1909 г. на месте Сампсониевской башни Полтавской крепости. В годы Великой Отечественной войны беседка была разрушена и восстановлена лишь в 1954 г.

Следует отметить памятник полковнику Алексею Келину, который руководил обороной Полтавы, осажденной войсками Карла XII. Памятник герою был открыт в день 200-летия Полтавской битвы 27 июня 1909 г. в присутствии императора Николая II. Изначально памятник был увенчан двуглавым орлом, который был демонтирован после революции 1917 г.

По опубликованным данным, в Полтавском сражении русская армия потеряла 1 345 человек убитыми и 3 290 ранеными. В 1895 г. в память о павших на холме братской могилы был установлен гранитный крест. В начале XX в. на месте могилы был сооружен храм, внутри которого установлены мемориальные доски с указанием полков, принимавших участие в сражении.

Известно, что сражение произошло в день поминаения преподобного Сампсония Странноприимца. В память этого святого и в ознаменование победы русской армии была сооружена в 1856 г. на поле Полтавской битвы Сампсониевская церковь.

Памятные знаки и сооружения устанавливались не только русским солдатам и офицерам. В Полтавском сражении армия короля Карла понесла серьезные потери, по различным оценкам, погибло до 10 тысяч шведских солдат. В 1909 г. был сооружен памятник шведским воинам от соотечественников на пожертвования подданных Швеции. Доставка и установка памятника была оплачена Альфредом Нобелем. Памятник шведам от русских сооружен к двухсотлетию битвы в знак признания доблести солдат неприятеля. Надпись на памятнике шведам: *«Вечная память храбрым шведским воинам, павшим в бою под Полтавой 27 июня 1709 г.»*.

Всего в Полтаве и окрестностях в честь Полтавской битвы сооружено 20 памятников и памятных знаков. Многие из этих памятников уже давно нуждаются в реставрации. Для увековечения памяти был открыт в июне 1909 г., накануне 200-летнего юбилея сражения, Музей истории Полтавской битвы. В годы гражданской войны он неоднократно подвергался ог-

раблению. В 1949 г. решением Совета министров СССР музей воссоздан в здании дома инвалидов русско-турецкой войны. Перед входом в музей установлен бронзовый памятник Петру Первому.

К сожалению, только за период 2007–2009 гг. в Полтаве и области были осквернены памятник Петру Великому, памятник на месте отдыха Петра, монумент на месте переправы русской армии, неоднократно осквернялась Колонна Славы.

25 июня 2009 г. в Полтаве открылась международная художественная выставка «Искусство вместо пушек», организованная в рамках юбилея Полтавской битвы. В экспозиции были представлены 186 работ 61 художника из Полтавы, Киева, Стокгольма и Санкт-Петербурга. Основная идея выставки – отобразить события 1709 г. с точки зрения современников. Мэр Полтавы Андрей Матковский на церемонии открытия выставки отметил, что «если три столетия назад украинцы, русские и шведы воевали, то теперь у них есть прекрасная возможность достичь взаимопонимания на языке искусства».

Выставочная деятельность, посвященная этой дате, активно проходила и в России. 23 июня 2009 г. в Государственном историческом музее г. Москва открылась эпохальная выставка, посвященная 300-летию Полтавской битвы. Лучшие музейные собрания и архивы России и Швеции представили около 500 уникальных экспонатов.

Государственная Третьяковская галерея предоставила для экспозиции знаменитое полотно с изображением Полтавской баталии, написанное по заказу Петра I художником Мартеном-младшим в 1726 г. И почти все, что изображено на этой масштабной картине, можно увидеть в экспозиции в реальном виде. Это подлинные исторические вещи: оружие, обмундирование и амуниция, боевые знамена и штандарты двух армий, камзол Петра I, который был на нем во время сражения, шапка-гренадерка драбанта (телохранителя) Карла XII, трофейная шведская пушка и археологические находки на поле боя. О том, что предшествовало баталии и что последовало за ней – об этом рассказывают редкие произведения живописи, графики, медальерного искусства и др.

В юбилейный год Полтавской битвы памятную стелу открыли в Санкт-Петербурге. Памятник установлен на Сампсониевском кладбище рядом с местом захоронения героев Полтавы и первостроителей Петербурга. Собор, возведенный в честь святого Сампсония Странноприимца, также является памятником Полтавской битве и ее героям. Захоронения на Сампсониевском кладбище осуществлялись до 1772 г. Здесь были погребены многие сподвижники Петра Первого, в их числе сибирский губерна-

тор князь Михаил Гагарин, лейб-медик Лаврентий Блюментрост, зодчие Доменико Трезини и Жан Леблон.

Историческая экспозиция, приуроченная к 300-летней годовщине Полтавской битвы, открылась и в Музее-усадьбе «Бликлинг-холл» в графстве Норфолк на востоке Англии. В нее вошли репродукции исторических документов и произведения искусств. Выставка была подготовлена при участии посольства России в Великобритании.

Тема Полтавской баталии 1709 г., ярко отразившаяся в живописи, скульптуре и архитектуре, является частью мирового военно-исторического и культурного наследия.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ ПОЛТАВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПУШКИНА

В.А. ШЕСТЕРИК

Интерес А.С. Пушкина к исторической проблематике общеизвестен, равно как и настойчивый интерес поэта к эпохе и личности Петра I. Последний был связан не только с надеждами А.С. Пушкина добиться от правительства прогрессивных реформ, подобных реформам Петра, которые поэт оценивал как «мирную революцию», как переворот в жизни России. Тема Петра I обуславливалась всей пушкинской концепцией исторического развития России. Основное содержание истории А.С. Пушкин видел в медленном, но неуклонном развитии просвещения. Твердо убежденный, что «народная свобода» явится «неминуемым следствием просвещения», А.С. Пушкин считал, что русский народ, идя своеобразной и самобытной исторической дорогой, благодаря реформам Петра I вступил на путь просвещения, тем самым обеспечив себе в будущем возможность политической свободы.

В контексте интереса А.С. Пушкина к истории своего Отечества вспомним и величайшее патриотическое воодушевление, которое охватило юного поэта и его товарищей-лицеистов во время Отечественной войны 1812 г. Героическая борьба русского народа с иноземными захватчиками оставила в сознании поэта неизгладимый след на всю жизнь. Прямым соприкосновением с еще недавней (для А.С. Пушкина и его современников) историей было отмечено и пребывание молодого поэта в Южной ссылке. О посещении Бендер, о предпринятых им исторических разысканиях, о характерах и судьбах людей, участников исторических событий поэт не мог не вспомнить в 1828 г., когда вспыхнула война с давним врагом России – султанской Турцией. Все это создало предпосылки для нового обращения А.С. Пушкина к одному из самых динамичных, героических периодов в жизни русского народа, к периоду утверждения его как великой нации, к тому времени,

«Когда Россия молодая,
В боренье силы напрягая,
Мужала с гением Петра».

Так в 1828 г. появилась и уже в конце марта 1829 г. вышла в свет отдельным изданием историко-героическая патриотическая поэма «Полтава», в которой с особенной яркостью и силой был дан А.С. Пушкиным образ Петра I как национального героя-богатыря, носителя лучших черт русского народа. Полтавское сражение предстает в пушкинской поэме как необходимый и важнейший этап в осуществлении Петром Великим больших национально-патриотических задач в тесном единении со всей страной, с народом.

Свою позицию человека, гражданина и патриота Пушкин счел необходимым конкретизировать в предпосланном первому изданию поэмы предисловии в опубликованной в 1831 г. статье «Возражение критикам «Полтавы». Поэт утверждал, что: «Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага, утвердила русское владычество на юге, обеспечила новые завоевания на севере и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем».

Историзм А.С. Пушкина в оценке событий и людей, принимавших в этих событиях непосредственное участие, сказался и в оценке гетмана Ивана Мазепы как одного из «замечательных лиц той эпохи». «Некоторые писатели, – писал А.С. Пушкин, – хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, ...память его не может избежать и проклятия человечества». И свою задачу художника А.С. Пушкин видел в том, чтобы «развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица».

Величие Петра, отстаивающего свободу, честь и независимость своей страны, утверждающего «гражданство северной державы», еще рельефнее выступает в пушкинской поэме благодаря контрасту с «воинственным бродягой», историческим авантюристом, иноземным захватчиком Карлом XII и, в особенности, с честолюбивым, мстительным и жестоким Мазепой. Связавший свою личную судьбу с таким человеком, как шведский король, клеветник Самойловича – своего благодетеля, убийца отца своей несчастной возлюбленной, «изменник Петра перед его победою, предатель Карла после его поражения», – Мазепа, как исторический характер

в изображении А.С. Пушкина, предстает личностью, для которой только «слава и власть» – побудительные причины действий.

Вместе с тем, сурово осуждая измену Мазепы, не забыв отметить в «Примечаниях» «сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией», которые «удержали Украину в повиновении», А.С. Пушкин утверждал великое братство, крепкую, нерушимую связь русского и украинского народов, единство их исторических судеб:

«...Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен».

Все это и определило народность «Полтавы», самой народной из всех ранее созданных поэм А.С. Пушкина не только по содержанию, но и по своему стилю. Исторический оптимизм, вера в то, что исчезнет «кровавый след» усилий и бедствий, что душа народа жива и силы народа не сломлены, – все это определило общественное значение пушкинской поэмы для своего времени и продолжает определять ее актуальное звучание в наши дни.

**РЕЗОЛЮЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
(Тирасполь, 18–19 сентября 2009 г.)**

Участники международной научной конференции «Северная война и Приднестровье: история и современность», посвященной 300-летию Полтавской битвы, состоявшейся 18–19 сентября 2009 г. в г. Тирасполе, заслушали и обсудили научные доклады ведущих ученых-историков России, Украины, Приднестровья и Молдовы по ключевым проблемам конференции.

По итогам дискуссии участники конференции констатировали, что великая победа России под Полтавой стала переломным моментом в истории Северной войны и ознаменовала начало исторического подъема Российской империи, в результате которого была разрушена система шведско-польско-турецкого союза и началось освобождение украинского и молдавского народа от иноземного гнета. Вечными символами этому являются построенные на юге Российской империи во второй половине XVIII в. города: «город императрицы» – Севастополь, названный в честь Потемкина Григориополь, основанный Суворовым Тирасполь. Своей активной политикой Россия также создала условия для развития украинского и молдавского народов как современных наций.

На этом фоне все большую озабоченность профессионального исторического сообщества вызывают попытки ревизии исторического прошлого и политизации истории, наблюдающиеся сейчас в ряде государств Восточной Европы. В последнее время особенно активно на ниве переписывания истории проявляют себя определенные политические силы в Украине и некоторые представители украинской исторической науки.

Подобный подход к изучению исторического прошлого в работах украинских историков имеет мало общего с подлинной наукой и недвусмысленно свидетельствует о соответствующем политическом заказе.

Участники конференции убеждены, что переписывание истории наносит ущерб не только соседям Украины, но и ей самой. Именно поэтому многочисленные представители исторической науки, в том числе научного сообщества Украины, принципиально высказываются против подобного подхода и считают его недопустимым.

В отношении событий Северной войны необъективность и пристрастность политической власти Украины проявляются в необоснованном возвышении гетмана Ивана Мазепы, объявлении русских войск, защищавших украинские земли от шведского нашествия, оккупационными, в кардинальной смене прежних исторических оценок на диаметрально противоположные.

Научное сообщество историков обращается к политическому руководству Украины с призывом отказаться от пагубного курса, направленного на ухудшение традиционно братских отношений между российским и украинским народами, на фальсификацию нашей общей истории, подчинение исторического прошлого сиюминутным интересам постоянно меняющейся политической конъюнктуры.

Известную обеспокоенность у участников конференции вызывают попытки определенных общественных сил в Приднестровье инициировать установление в г. Бендеры монументального памятника гетману Мазепе и тем самым дискредитировать Приднестровское государство и общество в глазах российской и международной общественности.

Участники международной научной конференции выражают уверенность в том, что Приднестровское государство и общество и в дальнейшем будут следовать объективным законам исторического развития, отвергать всяческие попытки фальсификации истории, всемерно развивать братские, дружественные отношения с российским и украинским народами.

*Принято 19 сентября 2009 г.,
г. Тирасполь*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабилунга Николай Вадимович – зав. кафедрой отечественной истории Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, кандидат исторических наук, профессор (г. Тирасполь)

Благодатских Ирина Михайловна – зав. НИЛ «Наследие» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Тирасполь)

Бойко Петр Артемович – доцент кафедры истории румын Молдавского национального университета, кандидат исторических наук (г. Кишинев)

Борисенок Юрий Аркадьевич – главный редактор Российского исторического журнала «Родина», доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук (г. Москва)

Вилков Георгий Станиславович – старший научный сотрудник НИЛ «Наследие» ПГУ им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь)

Вишняков Ярослав Валерианович – доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, кандидат исторических наук (г. Москва)

Галинский Илья Николаевич – директор Центра социальных и политических исследований «Перспектива» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, кандидат философских наук, профессор (г. Тирасполь)

Ганин Андрей Владиславович – редактор отдела военной истории журнала «Родина», кандидат исторических наук (г. Москва)

Горелов Николай Евгеньевич – главный редактор Интернет-сайта www.dc-summit.info, кандидат исторических наук (г. Киев)

Дорох Тамара Павловна – старший научный сотрудник НИЛ «Наследие» ПГУ им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь)

Дымченко Николай Викторович – старший научный сотрудник НИЛ «Наследие» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, кандидат культурологии (г. Тирасполь)

Журавлев Виталий Евгеньевич – главный советник Комитета по делам СНГ Совета Федерации Федерального собрания РФ, кандидат социологических наук (г. Москва)

Кротов Павел Александрович – профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Кузьмин Валерий Иванович – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Молдова, кандидат исторических наук (г. Кишинев)

Лактионова Наталья Яковлевна – старший научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института экономики РАН, кандидат исторических наук (г. Москва)

Моця Александр Петрович – член-корреспондент НАН Украины, Институт археологии НАН Украины (г. Киев)

Окушко Владимир Ростиславович – проректор по научной работе ПГУ им. Т.Г. Шевченко, профессор (г. Тирасполь)

Осипова Светлана Анатольевна – доцент кафедры основ политики и политического управления Института истории, государства и права ПГУ им. Т.Г. Шевченко, кандидат политических наук (г. Тирасполь)

Петракова Людмила Еремеевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории Института истории, государства и права ПГУ им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь)

Петрович Алексей Владимирович – студент Международного независимого университета Молдовы (г. Кишинев)

Петрухинцев Николай Николаевич – профессор Липецкого государственного университета, доктор исторических наук (г. Липецк)

Рудяков Павел Николаевич – профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, доктор филологических наук (г. Киев)

Савельев Юрий Николаевич – сотрудник Славянского университета (г. Кишинев)

Санин Олег Геннадиевич – доцент кафедры истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ, кандидат исторических наук (г. Москва)

Суляк Сергей Георгиевич – президент общественной организации «Русь», редактор Международного журнала «Русин», кандидат исторических наук (г. Кишинев)

Тодорашко Зинаида Георгиевна – начальник Государственной службы управления документацией и архивами ПМР, председатель Общества историков-архивистов Приднестровья, кандидат исторических наук (г. Тирасполь)

Чаплыгин Виктор Петрович – доцент кафедры истории Отечества Курского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Курск)

Шестерик Виктор Александрович – старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Института языка и литературы ПГУ им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» (18–19 сентября 2009 г., г. Тирасполь)	7
К 300-ЛЕТИЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ: НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	
Совместная история как перспектива общего будущего (В.И. Кузьмин).....	9
Современные интерпретации Северной войны и их отражение на страницах журнала «Родина» (1989–2009) (Ю.А. Борисенко)	14
Россия и Крымское ханство накануне Полтавской битвы (О.Г. Санин)	18
Петр после Полтавы – стратегия развития успеха (Н.Н. Петрухинцев).....	30
Генерал-хорунжий Всеволод Петров и изучение истории Северной войны в украинской военной эмиграции (А.В. Ганин)	40
300-летие Полтавской битвы в национальных историях и политических мифологиях (П.Н. Рудяков).....	53
Полтавская победа как результат социальных инноваций политического лидера: современный взгляд (В.Е. Журавлев)	58
Мазепа как индикатор общественно-политических процессов в современной Украине (И.Н. Галинский).....	62
Чи можна вважати І. Мазепу зрадником? (М.Є. Горелов).....	66
Две стороны предательства (А.П. Моця).....	70

Полтавская битва в истории международных отношений нового времени (А.В. Петрович)	77
Установление контактов России с представителями югославянских народов в начале XVIII в. (Я.В. Вишняков).....	82
Прутский договор 1711 г. в судьбе Дунайских княжеств (П.А. Бойко)	89

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ: НОВЫЕ СЮЖЕТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Полтавская эпопея в контексте межцивилизационного противостояния (В.Р. Окушко)	102
Петр, Карл и Мазепа от Полтавы до Бендер: стратегия побед и поражений (Н.В. Бабилунга)	109
Калабалык у Бендер: архивные материалы о приднестровской «заварухе» Карла XII (П.А. Кротов)	114
Полтавская битва: ее герои и антигерои в учебнике по истории Родного края (Л.Е. Петракова).....	124
Пилип Орлик и его «Бендерская конституция» (Г.С. Вилков).....	128
Оборонительные сооружения в Приднестровье как мемориальные вехи военно-политической истории (Т.П. Дорох).....	135

ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Исторические фальсификации как инструмент формирования новой государственной идентичности (Н.Я. Лактионова)	146
Периодизация политической истории как метод научного познания социальных фактов (С.А. Осипова)	157
Интеллигенция и выработка исторической политики на примере Полтавской битвы (В.П. Чаплыгин)	164
Военно-историческое наследие Приднестровья: постановка проблемы (И.М. Благодатских)	169
Защитник Отечества: понятие, проблемы увековечения памяти, опыт Приднестровья (З.Г. Тодорашко)	174

Зарождение и эволюция имперской идеи: от третьего Рима до Полтавской битвы (С.Г. Суляк)	179
Деятельность Петра I и Дмитрия Кантемира в школьном курсе истории в Республике Молдова (Ю.Н. Савельев).....	193
Тема Полтавской битвы в истории изобразительного искусства и архитектуры (Н.В. Дымченко)	197
Исторические уроки Полтавы в творчестве А. Пушкина (В.А. Шестерик)	201
РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» (Тирасполь, 18–19 сентября 2009 г.).....	201
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	206

CONTENTS

PREFACE	5
SALUTARY ADDRESS TO THE PARTICIPANTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «GREAT NORTHERN WAR AND PRIDNESTROVIE: HISTORY AND THE PRESENT» (Tiraspol, September 18–19, 2009)	7
TO THE 300-TH ANNIVERSARY OF THE BATTLE OF POLTAVA: SCIENTIFIC DEBATES AND POLITICAL INTERPRETATIONS	
Common history as a prospect of common future (V.I. Kuzmin).....	9
Contemporary interpretations of the Great Northern War and their reflection in magazine “Rodina” (1989–2009) (Y.A. Borisenok).....	14
Russia and Crimean Khanate on the eve of the Battle of Poltava (O.G. Sanin).....	18
Peter the Great after the Battle of Poltava – a success development strategy (N.N. Petrukhintsev).....	30
General-cornet Vsevolod Petrov and the Great Northern War history learning in the Ukrainian military emigration (A.V. Ganin).....	40
The 300-th anniversary of the Battle of Poltava in the national history and political mythology (P.N. Rudyakov)	53
Poltava victory as a result of social innovations of a political leader: a modern view (V.E. Zhuravlev)	58
Mazepa as an indicator of social and political processes in contemporary Ukraine (I.N. Galinsky).....	62
Can Mazepa be considered a betrayer? (N.E. Gorelov).....	66
Two parts of betrayal (A.P. Motsya)	70

Battle of Poltava in the history of the modern time international relationships (A.V. Petrovich)	77
Russia's establishing contacts with representatives of South Slav people in the early XVIII century. (Y.V. Vishnyakov)	82
1711 Prut Treaty in the fate of the Danubian principalities (P.A. Boiko)	89

**GREAT NORTHERN WAR AND PRIDNESTROVIE:
NEW PLOTS OF NATIONAL HISTORY**

Poltava epopee in the context of the clash of civilizations (V.R. Okushko)	102
Peter, Charles and Mazepa from Poltava to Bendery: a strategy of victory and defeat (N.V. Babilunga)	109
Kalabalyk at Bendery: archival materials on the Pridnestrovian "mess" of Charles XII (P. A. Krotov)	114
The Great Northern war: both its heroes and anti-heroes in Native Land History school textbooks (L.E. Petrakova)	124
Pilip Orlik and his "Bendery Constitution" (G.S. Vilkov)	128
Defensive works in Pridnestrovie as memorial marks of military and political history (T.P. Dorokh)	135

**HISTORY AS A FACTOR OF SOCIAL
AND POLITICAL DEVELOPMENT**

Historical falsifications as a tool for shaping a new national identity (N.Y. Laktionova)	146
Political history division into periods as a method of social facts scientific learning (S.A. Osipova)	157
Intelligentsia and development of historical policy (on the example of the Battle of Poltava) (V.P. Chaplygin)	164
Military and historical heritage of Pridnestrovie: problem raising (I.M. Blagodatskikh)	169
Fatherland defender: the concept, problems of the memory perpetuating, and the experience of Pridnestrovie (Z.G. Todorashko)	174
Origin and evolution of the imperial idea: from the Third Rome to Poltava victory (S.G. Sulyak)	179
Activity of Peter the Great and Dimitrie Cantemir in school history courses in the Republic of Moldova (U.N. Saveliev)	193

Theme of the Battle of Poltava in the history of art and architecture (N.V. Dymchenko).....	197
Historical lessons of the Battle of Poltava in the works of A. Pushkin (V.A. Shesterik)	201
RESOLUTION OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “GREAT NORTHERN WAR AND PRIDNESTROVIE: HISTORY AND THE PRESENT” (September 18–19, 2009, Tiraspol)	204
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	206

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научное издание

Ответственный редактор *И.М. Благодатских*
Компьютерная верстка *А.Н. Федоренко*
Компьютерный набор *Е.Г. Толмачевская*

Сдано в набор 20.09.2010 г. Подписано в печать 20.10.2010 г.
Печать офсетная. Бумага офсет. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 12,56. Тираж 500 экз. Заказ

Приднестровский государственный университет им Т.Г.Шевченко
MD 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128. E-mail: perspektiva@spsu.ru

---

Отпечатано с готового оригинала-макета
в Бендерской типографии «Полиграфист»

